Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**

Издательство Московского университета

№ 6 • 2017• НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория журналистики и СМИ

Макеенко М. И. Развитие теорий медиа в российских научных журналах в 2010-е гг.: результаты первого этапа исследований 3

Журналистское образование

Гольденцвайг Г. Д. Самостоятельность студента в создании ВКР: опыт журналистского образования в России и Швеции 32

Телевидение и радио

Долгова Ю. И., Зыкова В. С. «Пятый канал»: стратегии программирования универсального вещателя «второго эшелона» 52

История журналистики и литературы

Бабюк М. И. Правовое и организационное обеспечение развития массового радиовещания в СССР в условиях НЭПа 73

Кузнецова Н. В. Образ ведьмы в «Иствикских ведьмах» Дж. Апдайка: традиции и новаторство 101

Фролова Н. В. Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А. А. Фета 119

Язык СМИ

Груздева М. М. Советская и современная театральная рецензия как отражение стилистики своего времени 144

Право СМИ

Богданова О. А. Греческое законодательство о печати до принятия первого закона о СМИ (1821–1931 гг.) 162

Современная журналистика: тематика и проблематика

Самошкин Е. А. Институты борьбы с дезинформацией и мисинформацией в СМИ 176

Критика и библиография

Кругликова О. С. Издания русского пореформенного консерватизма в оценке современных исследователей 191

CONTENTS

Theory of Journalism and Media

Mikhail I. Makeenko. Elaboration of Media Theories in Russian Academic Journals in the 2010s: Results of the First Stage of rhe Research 3

Journalistic Education

Gregory D. Goldenzwaig. A Student's Independence in Writing a Graduation Thesis: the Experience of Journalistic Education in Russia and Sweden 32

Television and Radio

Yuliya I. Dolgova, Vasilisa S. Zykova. The Fifth Channel: Programming Strategies of the Second-Tier Universal Broadcaster 52

History of Journalism and Literature

Maxim I. Babyuk. Legal and Organizational Support for the Development of Mass Radio Broadcasting in the Ussr Under Nep 73

Natal'ya V. Kuznetsova. The Image of a Witch in J. Updike's Novel "The Witches of Eastwick": Traditions and Innovation 101

Nina V. Frolova. One's Own Path: the Economic World of the Russian Manor in A.A. Fet's Recollections 119

Media Language

Margarita M. Gruzdeva. Soviet and Contemporary Theatre Reviews as a Reflection of the Stylistics of the Time 144

Media Law

Olga A. Bogdanova. Press Legislation in Greece before the Adoption of the First Media Law (1821–1931) 162

Modern Journalism: Subjects and Issues

Evgenii A. Samoshkin. Institutions Fighting Disinformation and Misinformation in Mass Media 176

Criticism and Bibliography

Olga S. Kruglikova. Publications of Russian Post-Reform Conservatism as Viewed by Modern Reseachers 191

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2017

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Макеенко Михаил Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: kandidate2002@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТЕОРИЙ МЕДИА В РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ В 2010-е гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

В статье представлены результаты первого этапа изучения направлений и методов развития теорий медиа в российском научном сообществе. Эмпирическую базу составили данные, полученные после обработки результатов контент-анализа более 300 статей о журналистике, медиа и коммуникации, опубликованных в пяти отечественных научных журналах. Были проанализированы структура статей, ключевые слова и списки литературы, а также основной текст каждой статьи, в котором вычленялись все упомянутые и/или процитированные авторы и теоретические концепции/парадигмы и определялись их функции в тексте. Собранные данные показали, что в российском научном дискурсе пока ограниченно представлен исследовательский подход, в результате чего невелик объем оригинальных эмпирических и теоретических результатов. Объект-предметное поле научного дискурса почти полностью сконцентрировано на журналистике, при изучении которой преобладают филологические и нормативные концепции. Теоретико-методологическая база, в которой доминируют отечественные и небольшая группа переведенных зарубежных работ, показывает невысокий интерес российского исследовательского сообщества к интеграции в глобальный исследовательский контекст.

Ключевые слова: *метаисследования, исследования медиа, теории медиа, научная статья, научный дискурс, теоретико-методологическая база.*

Mikhail I. Makeenko, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: kandidate2002@mail.ru

ELABORATION OF MEDIA THEORIES IN RUSSIAN ACADEMIC JOURNALS IN THE 2010s: RESULTS OF THE FIRST STAGE OF THE RESEARCH

The article contains the results of a meta-study that was aimed at revealing current trends in the examination, conceptualization and elaboration of media theories in Russia. During the first stage of the study, more than 300 research

articles published in 2012–2016 in five Russian academic journals were analyzed with a detailed consideration of the structure of the articles, keywords and literature and the use of particular authors and theories in the theoretical background.

The data analysis reveals several trends in scientific discourse. The research tradition is still underdeveloped. The number of articles that follow the general rules for organizing a scientific text is minimal, and less than a quarter of all articles in the sample are based on original empirical or theoretical results.

The objects of the study in the articles are centered around journalism, while many fields of media and communication research remain untouched. The theoretical background, as seen from the lists of books, authors and theories mentioned by researchers, is dominated by the philological and normative approaches. Most of the theoretical concepts are taken from Russian works or from a short list of Russian translations of foreign monographs, with many theories left unexplored and unused, which results in limited integration of Russian research discourse into the international context of media studies.

Key words: *meta-studies, media research, media theories, research article, scientific discourse, theoretical background*

Введение

В последние несколько лет руководство научной и образовательной сфер в России ставит перед ее представителями задачи, связанные с повышением уровня исследовательской работы, увеличением объемов и качества новых эмпирических данных и теоретических обобщений. В этой ситуации российским исследователям медиа и коммуникации необходимо решать на современном этапе своего развития задачи интеграции в международное исследовательское сообщество и повышения публикационной активности в глобальных профильных изданиях.

В связи с этим представляется **актуальным** изучение позиций, на которых исследования медиа и теоретические обобщения результатов этих исследований находятся в нашей стране в настоящий момент, и обращение для достижения этой цели к изучению публикаций в научных журналах.

Выбор корпуса журнальных статей в качестве **объекта** исследования можно обосновать, с одной стороны, текущими стратегическими приоритетами, связанными с развитием публикационной активности. Напомним, что для всех областей научного знания в качестве ключевого параметра замера эффективности работы ученых используются универсальные показатели количества и востребованности статей в журналах и сборниках, входящих в крупнейшие реферативные базы данных научных публикаций.

С другой стороны, в этом случае мы идем в русле сложившейся глобальной исследовательской традиции. Первые работы, обобщающие опыт изучения коммуникации и медиа и выделяющие научные парадигмы, в русле которых этот опыт формировался (см. Lazarsfeld, 1941; Gitlin, 1978; Rogers, 1982; Rosengren, 1983), были основаны на анализе огромного теоретико-методологического багажа, накопленного авторами этих попыток – выдающимися и опытными учеными. Однако на следующем этапе их последователи использовали уже вполне конкретный исследовательский инструмент – контент-анализ статей в профильных научных журналах. Именно с его помощью были проведены так называемые метаисследования, результатом которых стали концепция трех парадигм в изучении медиа (Potter, Cooper, Dupagne, 1993), развивающая ее классификация методологических подходов к изучению массовой коммуникации (Fink, Gantz, 1996), выделение наиболее активно используемых научных школ и теорий (Bryant, Miron, 2004).

Обращение именно к научным статьям в этом контексте представляется более чем обоснованным. Количество регулярно публикуемых текстов позволяет формировать необходимо объемную и репрезентативную выборку, а обязательная в западной научной традиции четкая структура статьи, включающей в том числе обзор литературы и обязательные выводы и «дискуссию», дает возможность изучать теоретико-методологическую базу и теоретический вклад исследования.

В Советском Союзе первый научный журнал, посвященный вопросам исследований журналистики и массовой коммуникации («Вестник Московского университета. Серия 11. Журналистика»), начал выходить еще в 1960-е годы. Сегодня статьи по «журналистике» публикуют около трех десятков профильных изданий, работы по медиа и коммуникации появляются в журналах по социологии, истории, лингвистике, антропологии, менеджменту, рекламе, связям с общественностью. В общей сложности в научных изданиях ежегодно появляется несколько сотен статей интересующей нас тематики.

При этом приходится признать, что в отечественной академической гуманитарной практике традиционно доминировали крупные тексты: базовые идеи, связанные с теоретическим осмыслением медиа и коммуникации, появлялись преимущественно в монографиях, диссертациях, учебных пособиях. Поэтому и пер-

вые попытки исследований традиций и текущего состояния эмпирических исследований и теории медиа базировались на изучении диссертационных работ (Дунас, 2016). При этом нельзя не отметить и первые образцы метаисследований на основе российских журнальных статей, например работу А.В. Вырковского, посвященную выделению актуальных тенденций в изучении медиаэкономики и медиаменеджмента (Вырковский, 2016).

В рамках исследовательского проекта «Разработка фундаментальных основ отечественной теории медиа в условиях трансформации общественных практик и цифровизации СМИ» (грант РНФ № 17-18-01408) мы предприняли попытку изучить направления развития теории медиа в статьях, опубликованных в ведущих русскоязычных изданиях по журналистике, массовой коммуникации и медиа. **Научная новизна** решаемых задач и полученных результатов обосновывается исследовательским контекстом, о котором мы говорили выше.

Цель предпринятой работы – выявить актуальные тенденции изучения, концептуализации и развития теорий медиа в российском исследовательском поле. Это, в свою очередь, потребовало решения следующих исследовательских **задач**:

- формирование представлений об общей культуре проведения и презентации результатов исследований медиа, отраженных в текстах научных статей,
- выявление ключевых исследовательских парадигм и теоретических концепций, определяющих работу российских ученых при изучении медиа и коммуникации,
- определение направлений развития теории медиа, приоритетных для отечественного исследовательского сообщества.

Методология исследования

На первом этапе для анализа были отобраны пять научных журналов, публикующих статьи по проблемам функционирования и развития журналистики, коммуникации и медиа и издающихся в университетах с устоявшейся традицией исследований в заданном объектно-предметном поле. В сформированный список вошли «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика» (вошел в Russian Science Citation Index), «Вестник Томского государственного университета. Филология» (вошел в RSCI), «Известия Уральского Федерального

университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика» и «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Были изучены все выпуски отобранных журналов за 2012–2016 гг. Выбор временно́го периода обоснован, в частности, привязкой к современному этапу развития отечественных исследовательских практик, начало которого можно отсчитывать от президентского Указа № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», за которым последовали формулировки мер по повышению конкурентоспособности российских вузов. Прошедшие пять лет, за которые в том числе произошло снижение частоты издания сборников статей, наиболее популярной формы организации научных публикаций в конце 1990-х – начале 2010-х гг., и усилилась «журналоцентричность» публикационной активности, можно считать достаточным сроком для выявления актуальных тенденций современного этапа исследований медиа.

Таблица 1

Распределение опубликованных статей о журналистике и медиа по тематическим кластерам

Год / Кластер	2012	2013	2014	2015	2016	Итого
История	15	16	26	18	15	90
Право и деонтология	2	5	2	2	2	13
Лингвистика	8	9	24	15	20	76
Реклама и ПР	3	9	9	5	4	30
Медиа	53	70	75	56	61	315
Всего:	81	109	136	96	102	524

При формировании **выборки** исследования было проведено разделение статей на группы (см. табл. 1) на основе критериев, связанных с общей тематикой научного поиска. Так, в выборку не попали статьи по истории журналистики (включая изучение отдельных авторов) и медиа, а также по праву СМИ, в которых объект, предмет и используемый научный инструментарий предоставляют минималь-

ное пространство для теоретических обобщений. В число проанализированных статей также не вошли тексты, представлявшие результаты исследований рекламы и связей с общественностью, и статьи, которые можно отнести к «лингвистическому кластеру» (стилистика, лингвистика дискурса). Эти два кластера статей имеют иную специфику: основной корпус текстов этих групп публикуется в специализированных профильных журналах, понять систему попадания статей в изучаемые в рамках нашего исследования издания не представляется возможным. Изучение этих текстов предполагает иные принципы формирования выборки, аналогичной тем, что использовались при исследовании статей о медиаэкономике (Вырковский, 2016).

В общей сложности за изучаемый период в отобранных журналах были опубликованы 523 статьи, из которых после отсечения нескольких кластеров по вышеописанным критериям нами были отобраны для анализа 315 текстов (60% от совокупности), рассматривающих вопросы функционирования журналистики и медиа и потенциально содержащих материалы, направленные на развитие медиакоммуникационных теорий.

Основными **методами** исследования стали контент-анализ и анализ дискурса.

Были проанализированы структура статей, ключевые слова и списки литературы, а также структура и основной текст каждой статьи, в котором вычленялись все упомянутые и/или процитированные авторы и теоретические концепции/парадигмы и определялась их функция в тексте (просто цитата/часть теоретико-методологической базы/развиваемая или подтверждаемая теория). Обобщение и анализ полученных данных позволили выделить и сформулировать актуальные тенденции развития теорий медиа и соответствующего научного дискурса.

Характеристики и типология журнальной научной статьи

Одним из первых результатов исследования стало формирование представлений о жанровой специфике текстов, которым мы изначально дали общее определение «научной статьи». В каждом тексте мы попытались выделить структурные элементы, теоретически являющиеся обязательными для презентации результатов научной работы. При этом мы опирались не только на требования

к публикациям, отраженные в журналах ведущих мировых научных издательств, но и на отечественные подходы, прописанные, в частности, специалистами Министерства образования и науки РФ[2].

Подавляющее большинство статей (табл. 2) не выдерживают форматных критериев научного текста, не содержат четко обозначенных элементов, связанных с постановкой целей и задач, обоснованием научной новизны и описанием методов, не имеют теоретико-методологической и эмпирической базы.

Только 2% изученных статей (даже при относительно лояльных критериях анализа, когда, например, необходимые элементы не выделены, но очевидно присутствуют в тексте) имеют четкую структуру, обзор теорий (в ряде случаев не адекватный остальному материалу) можно обнаружить в 5%, а описание методологии – в 7% статей.

По жанровым признакам большая часть попавших в выборку текстов может быть отнесена к эссе или разделам учебного пособия.

Таблица 2

Наличие структурных элементов научного текста в изученных статьях о медиа

Элементы научного текста	Все статьи, n=315	Доля от всех статей, %
Цели	8	2
Задачи	7	2
Объект	7	2
Предмет	7	2
Гипотеза	4	1
Актуальность	1	<1
Новизна	1	<1
Теоретическая база	16	5
Методология	22	7
Эмпирическая база	1	<1
Выводы/заключение	10	3
Структура в целом	8	2

При этом необходимо признать, что в отечественной традиции, которая пока трансформируется крайне медленно, отсутствие в статье оговоренных элементов и обращение к жанру эссе или учебного пособия не означает автоматически, что материал не основан на результатах исследовательской работы. Однако детальный анализ текстов показал очевидную неоднородность изучаемых статей, что дает основание для разделения их минимум на две неравные группы.

Критерием для выделения внутри выборки отдельного сегмента текстов мы будем считать наличие в них элемента, который можно назвать «новым знанием». Этим термином в рамках нашего исследования обозначаются статьи, содержащие оригинальные эмпирические данные и теоретические обобщения (прежде неизвестные/неочевидные для специалистов), полученные в результате применения общенаучных исследовательских методов и методов социально-гуманитарных наук, в частности социологических, антропологических и лингвистических, а также являющиеся результатом анализа и переосмысления теоретических концепций. Использование этого критерия позволило (при определенном уровне допущений) выделить группу из 64 статей (всего 20% от выборки и около 12% от всего количества опубликованных текстов), построенных на презентации «нового знания».

Статьи, отнесенные к вышеописанному сегменту, мы будем называть «исследовательскими». Остальные (n=251) тексты будут охарактеризованы как «академические», что мы подробнее обоснуем в этом разделе далее.

Таблица 3

Типы изученных статей о медиа по критерию наличия «нового знания»

<table>
<tr><th>Всего статей</th><th>Статьи о медиа</th><th>Исследовательские (создание нового знания)</th><th>Исследовательские 1</th><th>Исследовательские 2</th><th>Исследовательские 3</th><th>Академические</th></tr>
<tr><td>523</td><td>315</td><td>64</td><td>31</td><td>18</td><td>15</td><td>251</td></tr>
<tr><td>100%</td><td>60%</td><td>12%</td><td>6%</td><td colspan="2">3% 3%
Сумма: 6%</td><td>48%</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>100%</td><td>20%</td><td>10%</td><td colspan="2">5% 5%
Сумма: 10%</td><td>80%</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td colspan="2"></td><td></td></tr>
</table>

Внутри «исследовательского» сегмента (см. табл. 3) можно выделить три типа статей, разделив их на группы по критериям наличия эмпирической базы и результатов, связанных с развитием теорий.

1. Эмпирическая. Статья, содержащая результаты проведенного (чаще всего эмпирического) исследования, в которой автор ограничивается исключительно изложением полученных оригинальных данных без попыток сформулировать выводы, развивающие/подтверждающие/опровергающие и т. д. какую-либо теорию или дающие материал для формулировки оригинальных теоретических подходов к пониманию медиа.

2. Теоретическая. Статья, содержащая результаты (научного) осмысления/обобщения группы концепций и теоретических подходов к пониманию медиа или иных институтов/процессов (явлений действительности), на базе которых предпринимается попытка развивать какую-либо теорию или создавать оригинальный теоретический подход к пониманию медиа, вводя в научный оборот новые термины или концепции.

3. Эмпирико-теоретическая. Статья, содержащая результаты проведенного (чаще всего эмпирического) исследования, в которой автор не ограничивается исключительно изложением полученных оригинальных данных и предпринимает попытку сформулировать положения, развивающие/подтверждающие/опровергающие и т. д. какую-либо теорию или дающие материал для формулировки оригинальных теоретических подходов к пониманию медиа.

Статей третьей группы, по содержанию которых и следовало бы изучать развитие теорий медиа, мы выделили всего 15: это около 3% от попавших в выборку и 5% от всех опубликованных за изученный период, что наталкивает на неутешительный вывод о сохраняющейся маргинальности исследовательской работы в области медиа. Мы отдаем себе отчет в том, что наш подход к классификации при желании можно подвергнуть критике как «валюнтаристский», базирующийся на авторском и не оперирующем конкретными обсчитываемыми критериями понятии «нового знания». Поэтому дальнейший анализ развития теорий медиа мы не сводили к изучению статей только второй и третьей групп, а провели по всей выборке. Весь корпус текстов по медиа мы можем представить как пространство «академического дискурса», характеризующееся, как будет показано далее, значительным уровнем единообразия в пони-

мании и использовании теоретических концепций. При этом в показателях мы все-таки выделили данные по «исследовательским» статьям, на основании которых попытались проследить возможную специфику «исследовательского дискурса».

Объект-предметное поле исследований медиа

В рамках изучения развития теорий медиа важным этапом становится определение объекта и предмета исследовательской работы, которые в идеале определяют выбор используемых/развиваемых теорий и парадигм.

При анализе было решено ориентироваться не на заголовки статей, а на списки ключевых слов. Сегодня это обязательный структурный элемент каждой статьи, который (как мы предполагали) должен максимально конкретно детализировать ее объектно-предметное поле за счет использования не менее пяти специально отобранных слов и словосочетаний.

Для удобства представления результатов в таблицах мы обобщали показатели по базовым и производным словам: например, в строке «культура» обобщены результаты не только непосредственно по «культуре», но и «культурным традициям», «культурному уровню» и т. д. – все они кодифицировались через «культуру».

Все наиболее часто встречавшиеся ключевые слова мы разделили на несколько групп по критерию принадлежности к условной тематической категории. В отдельных случаях, когда возможно включение понятия в две и более группы, мы выбирали ту, которая представляется нам наиболее показательной для характеристики научного дискурса.

В таблице 4 отражены результаты по двум группам наиболее часто упоминающихся и, одновременно, наименее информативных понятий. Использование в качестве ключевых слов «СМИ», «медиа» или, например, «телевидения» никак не выделяет текст из массива работ по заданной тематике, хотя в очень многих случаях действительно отражает объект изучения/обсуждения. Для исследования направлений развития теорий медиа они также мало полезны, так как не позволяют идентифицировать возможные парадигмы или теории/группы теорий, в рамках которых могла бы вестись исследовательская работа авторов.

Таблица 4

Наиболее часто используемые ключевые слова в изученных статьях о медиа

Ключевые слова с учетом производных и сочетаний	**Академический дискурс (N=315)**	**Исследовательский дискурс (N=64)**
Категория: метадисциплинарные понятия		
Журналистика	89 (0,28*)	15 (0,23)
Медиа... *Медиапространство* *Медиадискурс* *Медиарынок* *Медиакоммуникации* *Медиаконвергенция* *Медиаобраз* *Медиасистема (СМИ)* *Медиахолдинг*	89 *7* *5* *5* *4* *4* *4* *4* *4*	25 *2* *2* *1* *3* *2* *1* *1* -
СМИ	80	19
Информация, информационный *Информационное пространство* *Информационная война* *Информационная политика* *Информационный повод*	75 *6* *4* *4* *2*	15 *2* - - *2*
Медиа (массмедиа), медийный *Новые медиа*	39 *3*	9 *1*
Коммуникация *Коммуникативный*	39 *13*	8 -
Категория: организационно-технологические сегменты		
Телевидение, телеканал	91 (0,29)	9 (0,30)
Интернет *Интернет-журналистика* *Интернет-СМИ*	43 *4* *4*	6
Пресса, печать, периодика, издание	43	9
Газета	15	5
Кино (фильм)	14	-
Радио (станция)	14	1
Социальные медиа (сети)	14	2

** в среднем на статью*

В таблице 5 обобщены данные по другим тематическим категориям, которые позволяют охарактеризовать общее направление отечественных исследований медиа. В общей сложности авторами было использовано более 1 000 слов и словосочетаний, что, скорее всего, говорит об отсутствии терминологического единства (многие понятия могут называться по-разному в разных текстах) и масштабных научных направлений, которые бы формировали внутри себя универсальные объектно-предметные и функционально-семантические поля. Самые употребляемые слова и их производные встречались не чаще одного случая на десять изученных статей, большинство «популярных» слов упоминалось по 0,03–0,05 раз на статью, что оказалось ниже наших ожиданий.

Таблица 5

Наиболее часто используемые ключевые слова в различных тематических категориях в изученных статьях о медиа

Ключевые слова с учетом производных и сочетаний	**Академический дискурс (N=315)**	**Исследовательский дискурс (N=64)**
Категория: внешние институциональные факторы и связи		
Культура	32	1
Аудитория	30	5
Политика (2) *Политическая коммуникация* *Политический дискурс*	28 *4* *3*	3 - *1*
Социальный	25	10
Регион, региональный	14	5
Категория: профессиональный, технический		
Конвергенция	19	3
Мультимедиа	11	2
Цифровой *Цифровизация, дигитализация*	11 *6*	2 *1*
Вещание	8	1
Онлайн	7	-
Категория: контент/(медиа)текст		
(медиа) Текст	26	8
Новость (и)	21	12
Жанр	18	2

Окончание таблицы 5

Контент	18	2
Автор, авторский	11	2
Корпоративный	11	4
Бренд	11	1
Категория: уровни анализа/исследования		
Дискурс	25	5
Политика (как система принципов и правил) *Программная политика*	16 *4*	3 *1*
Стратегия	13	4
Образ	13	4
Типология, тип	10	2
Система	10	2
Нарратив	10	4
Категория: нормативные представления о профессии		
Ценности	16	4
Функция	16	2
Диалог	13	7
Профессиональный *Профессиональная этика* *Профессиональная культура*	10 *5* *3*	3 - -
Факт	8	5
Категория: понятия из иных теорий		
Повестка дня	5	3
Миф	4	1
Метафора	4	-
Игра	4	1
Стереотип	4	1
Категория: исследовательская терминология		
Модель, моделирование	12	4
Теория *Теория журналистики*	9 *5*	3 -
Метод, методология	7	2
Контент-анализ	4	2
Парадигма	4	-

Мы также выделили наиболее часто встречающиеся слова в семи категориях за пределами первых двух (табл. 4) и объединили их в таблицы (табл. 6 и 7), отражающие доминирующие элементы объектно-предметных полей «академического» и «исследовательского дискурсов».

Таблица 6

Наиболее часто используемые за пределами первых двух тематических категорий ключевые слова в изученных статьях о медиа: «академический дискурс»

Ключевые слова с учетом производных и сочетаний	Академический дискурс (N=315)	Исследовательский дискурс (N=64)
Культура	32 (0,10*)	1 (0,02)
Аудитория	30 (0,09)	5 (0,08)
Политика (2)	28 (0,09)	3 (0,05)
(медиа) Текст	26 (0,08)	8 (0,13)
Социальный	25 (0,08)	10 (0,16)
Дискурс	25 (0,08)	5 (0,08)
Новость (и)	21 (0,07)	12 (0,20)
Конвергенция	19 (0,07)	3 (0,05)
Жанр	18 (0,06)	2 (0,03)
Контент	18 (0,06)	2 (0,03)
Ценности	16 (0,05)	4 (0,06)
Функция	16 (0,05)	2 (0,03)
Политика (1)	16 (0,05)	3 (0,05)
Регион, региональный	14 (0,04)	5 (0,08)
Религия, православный, вера, церковь	13 (0,04)	- (0,00)
Диалог	13 (0,04)	7 (0,11)
Стратегия	13 (0,04)	4 (0,06)
Образ	13 (0,04)	4 (0,06)

Окончание таблицы 6

Модель, моделирование	12 (0,04)	4 (0,06)
Общество	12 (0,04)	2 (0,03)
Молодежь, молодежный	11 (0,04)	5 (0,08)
Государство, государственный	11 (0,04)	2 (0,03)
Мультимедиа	11 (0,04)	2 (0,03)
Цифровой	11 (0,04)	2 (0,03)
Автор, авторский	11 (0,04)	2 (0,03)
Корпоративный	11 (0,04)	4 (0,06)
Бренд	11 (0,04)	1 (0,02)
Формат	10 (0,03)	1 (0,02)
Типология, тип	10 (0,03)	2 (0,03)
Система	10 (0,03)	2 (0,03)
Нарратив	10 (0,03)	4 (0,06)
Профессиональный	10 (0,03)	3 (0,05)

** в среднем на статью*

Анализ статей по ключевым словам показал, что этот важный структурный раздел в отечественной практике пока не всегда эффективно выполняет свою базовую функцию – выделять исследование и написанную на его основе статью в массиве научных текстов, помогать делать более таргетированным поиск по реферативным базам. Его основная функция состоит, скорее, в задавании ориентиров, создании маркеров внутри научного дискурса – во многих случаях список слов или отдельных слов в списках выглядят не как «ключевые», а как «правильные».

Выше мы обращали внимание на большое количество использованных слов и задействованных понятий, что должно говорить мозаичности вырисовывающегося объектно-предметного поля. Отрицать этого нельзя, однако если переводить анализ на уровень соотношения тематических категорий и просматривающихся внутри них групп понятий, можно зафиксировать ряд тенденций, говорящих, скорее, о цельности и универсальности «академического дискурса».

Вывод об ограниченном использовании авторами в рамках журнального «академического дискурса» оригинальной эмпири-

ческой и четко проработанной теоретико-методологической базы, который мы сделали в предыдущем разделе (в частности, на основании данных табл. 2), подтверждается и результатами анализа ключевых слов. Из таблицы 5 видно, что понятия, отсылающие даже к наиболее известным теоретическим концепциям изучения медиа и коммуникации, а также связанные с исследовательской терминологией, встречаются настолько редко, что их доля в общем массиве единиц анализа находится на уровне статистической погрешности. В этой ситуации показатели низкого уровня ориентации на результаты исследовательской работы становятся одной из универсальных характеристик «академического дискурса».

Данные, содержащиеся в таблицах 5 и 6, показывают, что на фоне вышеупомянутой тенденции «академический дискурс» концентрируется вокруг обсуждения влияния институциональных факторов и связей (обращение к проблемам культуры, политики, религии, власти) на журналистику (которая остается основным объектом и исследований, и обсуждения современных медиа – см. табл. 4) и нормативных подходов к пониманию и изучению СМИ и журналистики. Нормативные подходы мы интерпретируем в русле отечественной традиции (Прохоров, 1998; Корконосенко, 2010), которая при расхождении ключевых авторов в деталях продолжает сохранять очевидную цельность. Если ориентироваться на ключевые слова, то можно констатировать, что на протяжении изучаемого периода российский «академический дискурс» оставался в значительной степени законсервированным, наиболее сильно зависимым от таких характеристик, как филологичность (жанры, образ, нарратив, тип, тематика среди наиболее часто встречающихся слов) и нормативность (ценности, функции, диалог, творчество, воспитание, гуманизм, духовный, миссия). Ряд актуальных понятий и явлений, появляющихся в списках, вроде «конвергенции» и «мультимедиа», используются, скорее, декоративно как актуальный контекст для ключевых направлений обсуждения. Изучение текстов статей показало, что их упоминание лишь несколько раз совпадало с реальным исследованием.

Таблица 7

Наиболее часто используемые за пределами первых двух тематических категорий ключевые слова в изученных статьях о медиа: «исследовательский дискурс»

Ключевые слова с учетом производных и сочетаний	Исследовательский дискурс (N=64)	Академический дискурс (N=315)
Новость (и)	12 (0,20*)	21 (0,07)
Социальный	10 (0,16)	25 (0,08)
(медиа) Текст	8 (0,13)	26 (0,08)
Диалог	7 (0,11)	13 (0,04)
Аудитория	5 (0,08)	30 (0,09)
Регион, региональный	5 (0,08)	14 (0,04)
Молодежь, молодежный	5 (0,08)	11 (0,04)
Местный	5 (0,08)	5 (0,02)
Редакция, редакционный	5 (0,08)	6 (0,02)
Дискурс	5 (0,08)	25 (0,08)
Культура (2 – например, профессиональная)	5 (0,08)	7 (0,02)
Факт	5 (0,08)	8 (0,03)

** в среднем на статью*

Анализ ключевых слов, определяющих «исследовательский дискурс», на основе данных из таблиц 5–7 не показывает кардинального отступления выделенных нами исследовательских статей от «магистрального» пути развития «академического дискурса» в целом, однако несколько важных специфических его черт выделить позволяет. Можно отметить, что их объектно-предметное поле более конкретизировано: часто встречающиеся слова находятся в соотношении 1:5/1:7 к общему числу статей в выборке. Ряд наиболее употреблявшихся слов демонстрирует показатели упоминаемости значительно выше, чем в рамках «академического дискурса», и представляет понятия (новость, текст, редакция, профессиональная культура) более доступные для эмпирического изучения и обоснованных теоретических обобщений. При этом можно отметить и меньшую вовлеченность в обсуждения институционального и нормативного уровней: культура, религия, глобализация, идеология, власть, жанры, функции, творческая деятель-

ность, мораль, духовность, миссия в списках отсутствуют или представлены минимально.

Проанализированные в этом параграфе данные дают основание считать, что в рамках российского «академического дискурса» возможности развития теорий медиа остаются пока минимальными. В то же время есть небольшие, но в контексте нашего исследования все-таки важные положительные (в нашем понимании) тенденции, зафиксированные в исследовательских статьях.

Теоретическая база исследований медиа: тексты, авторы, теории

Следующим этапом изучения исследований и развития теорий медиа стал сбор и обработка данных, позволяющих составить представление об их теоретико-методологической базе. В рамках этого этапа были изучены списки литературы и полные тексты 315 статей, попавших в выборку. При подсчетах было исключено самоцитирование (упоминание авторами статей других собственных работ).

В изученных списках использованной литературы мы выделили 117 книг, глав/разделов в монографиях и учебных пособиях и статей, упоминавшихся не менее двух раз. Из них 90 работ были написаны советскими и российскими авторами и 27 – зарубежными. При этом повышение планки отсечения до четырех упоминаний, что в рамках выборки можно считать хотя бы минимально заметным статистическим показателем, оставляет в списке уже только 13 источников (табл. 8).

Из таблицы 8 следует, что среди работ отечественных авторов наиболее востребованными оказались учебники и учебные пособия, а также постановочно-просветительские статьи. Из 29 российских работ, упоминавшихся по три раза, к этой группе можно отнести еще 17 книг и статей. Преобладание материалов, которые можно классифицировать как «учебные» над «научными», характеризует, таким образом, не только основное содержание текстов «академического дискурса», но и используемую теоретико-методологическую базу.

В число наиболее часто оказывавшихся в списках литературы зарубежных авторов ожидаемо попали Маклюэн и Луман, а также ван Дейк, канонический для отечественных исследователей дискурса (корреляцию с ключевыми словами можно проследить по табл. 6 и 7), и Кастельс, ассоциирующийся с рассуждениями об информа-

ционном обществе. Из 27 зарубежных источников 19 – переводные, в том числе все ключевые упоминавшиеся работы (только «Галактику Гуттенберга» Маклюэна трижды привели в канадском издании).

Таблица 8

Наиболее часто упоминаемые работы в изученных статьях о медиа

Работа	Академические статьи (n=315)	Исследовательские статьи (n=64)
Отечественные		
Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник. М., 1998*.	8 (0,03**)	1
Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. М., 2002.	5 (0,02)	1
Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.	5 (0,02)	2 (0,03)
Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М., 2005.	5 (0,02)	-
Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5.	4 (0,01)	1
Луканина М.В. Текст средств массовой информации и конвергенция // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20.	4 (0,01)	-
Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С.Г. Корконосенко. СПб, 2000.	4 (0,01)	-
Зарубежные		
Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М., 2003.	10 (0,03)	2 (0,03)
Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005.	8 (0,03)	5 (0,08)
Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.	6 (0,02)	-
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.	6 (0,02)	1
Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.	4 (0,01)	-
Шмид В. Нарратология. М., 2003.	4 (0,01)	3 (0,05)

** первое издание*
*** в среднем на статью*

Для выявления круга авторов, наиболее часто встречающихся в отечественных научных статьях о медиа, мы использовали более комплексный подход: к показателям, которые складывались при изучении списков литературы мы добавили все упоминания, встречавшиеся в основном тексте статей.

На этой стадии исследования мы столкнулись с рядом методологических сложностей, часть из которых одновременно можно отнести и к характеристикам отечественного «академического дискурса». Списки литературы, которые есть практически в каждой статье, схожи со списками ключевых слов и до сих пор очень часто выполняют не столько навигационную функцию, сколько «нормативную» – показывают не реально использованные источники, а работы, которые следует упоминать для создания «правильного» академического контекста. В результате расхождения между упоминаниями авторов в основном тексте и в списках литературы могут быть очень значительными. Отдельным следствием этой же тенденции можно считать влияние на списки организации-учредителя научного журнала: большое число статей авторов, представителей университета-учредителя, сопровождается значительным количеством автоматических упоминаний его наиболее авторитетных представителей (что не искажает глобальную картину, но может сказываться на отдельных частных результатах).

Еще одна важная проблема связана с отсутствием культуры структурирования статей (см. табл. 1), которая напрямую влияет на то, что в текстах невозможно вычленить раздел или хотя бы фрагмент, содержащий обзор литературы и теоретический аппарат. Ключевая же сложность заключается в том, что не всегда можно обнаружить закономерности, согласно которым в статье упоминается конкретный автор или теория – в подавляющем числе случаев упоминание теории или цитирование того или иного автора никак не коррелируют с темой, проблемой и даже тематикой статьи.

Несмотря на эти особенности «академических статей», мы собрали данные по ключевым авторам, которые представлены в таблице 9. В получившийся список вошли 107 авторов – 80 советских и российских и 27 зарубежных, упоминавшихся не менее трех раз в списках литературы и в текстах. Подавляющее большинство из них попало в обе категории, хотя встречаются и авторы, отсутствующие в списках литературы, но появляющиеся в текстах. Среди последних, например, встречаются такие крупные фигуры, как Г. Дженкинс и Э. Роджерс.

Списки авторов и наиболее востребованных книг (см. табл. 8) во многом пересекаются: «академический дискурс» на современном этапе апеллирует к работам М. Маклюэна, Н. Лумана, М. Кастельса, Е.Л. Вартановой, Е.П. Прохорова. Можно обратить внимание и на развитие выделенных в предыдущем параграфе (см. табл. 5–7) характеристик филологичности и даже литературной привязки (присутствие Бахтина, Шмида), а также нормативности (Прохоров, Корконосенко) современного дискурса.

Отдельное рассмотрение данных, которые собираются при выделении показателей «исследовательских» статей, в целом не обнаруживает его кардинального отличия от универсальных тенденций. Хотя все-таки нельзя не обратить внимание на результаты по упоминаниям непосредственно в текстах статей этой группы. Они выявляют нулевую заинтересованность в цитировании Маклюэна и отсутствие обращений к теориям постиндустриального и информационного общества (Кастельс, Тоффлер, Белл), показательное для «академического дискурса» в целом. Просматривается именно в этом кластере интерес к концепциям, которые более или менее операционализируются в рамках исследовательских задач – теории повестки дня (Маккомбс), теории политического поля (Бурдье) или теории журналистики (Прохоров).

Таблица 9

Наиболее часто упоминаемые авторы в изученных статьях о медиа

Автор	Число упоминаний в списке литературы (академический)	Число упоминаний в списке литературы (исследовательский)	Число упоминаний в текстах статей (академический)	Число упоминаний в текстах статей (исследовательский)	Общий показатель
Зарубежные авторы					
Маклюэн М.	14 (0,04*)	2 (0,03)	7	-	21
Луман Н.	10 (0,03)	6 (0,09)	8	4	18
Кастельс М.	9 (0,03)	1	5	-	14
Хабермас Ю.	7	2	7	2	14
Дейк Т.А., ван	9 (0,03)	1	2	-	11
Маккомбс М.	2	2	8	6	10
Бурдье П.	6	2	4	3	10
Тоффлер Э.	6	-	4	-	10

Окончание таблицы 9

Отечественные авторы					
Вартанова Е.Л.	24 (0,07)	4 (0,06)	3	-	27
Прохоров Е. П.	14 (0,04)	4 (0,06)	5	4	19
Бахтин М. М.	8 (0,03)	1	4	1	12
Дзялошинский И.М.	10 (0,03)	2 (0,03)	2	1	12
Полонский А.В.	11 (0,04)	2 (0,03)	-	-	11
Цвик В.Л.	8 (0,03)	1	3	1	11
Тертычный А.А.	9 (0,03)	3 (0,05)	1	1	10
Корконосенко С.Г.	7 (0,02)	3 (0,05)	3	1	10

** в среднем на статью*

Отдельно необходимо обратить внимание на важнейшую проблемную зону, которую высвечивает анализ используемых источников. За пределами «академического дискурса» остается практически весь корпус классических и актуальных зарубежных текстов, монографий и научных статей, посвященных исследованиям и теориям медиа. Используется только небольшой круг переведенных работ, что лишает большинство авторов отечественных статей доступа к целым пластам теоретического и эмпирического знания.

Это очень важный фактор, который непосредственно влияет на сам процесс развития теорий медиа в отечественной научной практике. В ситуации, когда абсолютное большинство известных теоретических концепций принадлежит зарубежным авторам, чрезвычайно сложно развивать теории, ключевые тексты по которым недоступны и практически не используются.

Еще один фактор – механизмы использования даже имеющихся и задействованных при подготовке статей работ. В большинстве случаев упоминание в списках и даже в тексте автора не означает непосредственной и обоснованной апелляции к разрабатываемой/разработанной теории. Так, занимающие первые позиции Маклюэн и Луман выступают почти везде в роли источников цитат «на все случаи жизни», а не теоретических концепций, положенных в основу исследования. Собранные нами данные показывают, что наиболее адекватно и инструментально в исследованных текстах использовались концепции, связанные с медиаконвергенцией (Дженкинс, Манович, Олешко) и дискурсом (Ван Дейк, Деррида, Фиске, Карасик, Михалева, Русакова). Также можно выделить ис-

пользованные не единожды теории фрейминга, формирования повестки дня и диффузии инноваций. При этом отсутствие переведенных первоисточников, возможно, объясняет встречающиеся трактовки последних двух, не всегда адекватные авторским подходам (Rogers, 1962; McCombs, Shaw, 1972; McCombs 2005).

Анализ текстов также показал, что в рамках «исследовательского дискурса» российские авторы на основе эмпирических исследований более одного раза предпринимали попытки развития теоретических положений, связанных с медиаменеджментом, медиаконвергенцией, межкультурной коммуникацией, формированием повестки дня и концепцией «спирали молчания».

Таблица 10

Упоминания наиболее востребованных за рубежом теорий медиа и коммуникаций в российском академическом дискурсе

Теории (по использованию в XX веке)	**Российские показатели**	**Теории (по использованию в начале XXI века)**	**Российские показатели**
Обретение пользы и удовлетворение потребностей (Uses and Gratifications)	-	Фрейминг (Framing)	2
Установление повестки дня (Agenda Setting)	6	Установление повестки дня (Agenda Setting)	6
Гипотеза культивации (Cultivation Theory)	-	Гипотеза культивации (Cultivation Theory)	-
Социальное научение (Social learning)	-	Теории медиации/опосредования (Mediation Models)	-
Марксистские	-	Эффект третьего лица (Third Person Effects)	-
Диффузия инноваций (Diffusion of Innovations)	2	Обретение пользы и удовлетворение потребностей (Uses and Gratifications)	-
Внешние расширения человека (McLuhan's Sense-Extention)	-	Социальное научение (Social learning)	-
Когнитивное развитие (Piagetian Theory)	-	Избирательное восприятие/селективное влияние (Selective Exposure)	-

Источник: Bryant, Miron, 2004; данные автора

В 2004 г. были опубликованы результаты метаисследования американских специалистов по теории массовой коммуникации Д. Брайанта и Д. Майрон (Bryant, Miron, 2004), в рамках которого они, в частности, выделили наиболее часто используемые авторами научных статей теории как на протяжении второй половины XX столетия, так и на рубеже XX–XXI вв.

В таблице 10 можно увидеть результаты поиска упоминаний этих теорий в статьях из используемой нами выборки. Учитывалось любое упоминание теории, которое может быть отнесено к формированию теоретико-методологической базы или развитию теоретических концепций. Нельзя не заметить, что включенность даже в обсуждение, не говоря уже о развитии, важнейших для глобального научного поиска теоретических концепций остается крайне низкой.

Исследования медиа: методика получения результатов

Последние данные, собранные в рамках проведенного исследования, базируются только на изучении 64 текстов, которые мы отнесли к исследовательским. В предыдущих разделах мы давали по ним отдельные данные практически по всем измерявшимся показателям и несколько раз подчеркнули, что выделенная группа статей вовлечена в производство «нового знания» и зафиксированное развитие теоретических концепций. В этом разделе представлены еще несколько характеристик исследовательского процесса, отраженных в журнальных статьях.

В 40 случаях из 64 авторами являлись кандидаты/доктора наук, в 18 – аспиранты, а еще шесть текстов были написаны совместно начинающими и уже «остепененными» исследователями. При этом обращает на себя внимание низкая – менее 20% – доля статей, имеющих более одного автора. В изученных нами параллельно статьях, опубликованных в глобальных изданиях *Journalism, Journalism Studies* и *European Journal of Communication* в 2012–2016 гг., 46% (333 из 725) текстов были результатом коллективной работы. Более активная научная коллаборация между российскими исследователями может стать важным фактором развития теорий медиа, так как потенциально позволяет получать и обрабатывать бо́льшие объемы необходимой для этого эмпирической и теоретической информации.

В качестве объектов в исследовательских текстах чаще всего фигурировали медиатекст (26 раз), работа журналиста (9 случаев) и аудитория (4 раза). При этом можно обратить внимание на то, что в наиболее востребованных теориях медиа и массовой коммуникации (см. табл. 10) основные положения выводились из изучения объектов и субъектов коммуникационного процесса в большей степени, чем из исследования продуктов медиа.

Таблица 11

Методы исследования, использованные авторами в изученных статьях о медиа

Статьи / Методы	Исследовательские (n=64)	Эмпирические (n=31)	Теоретические (n=33)
Контент-анализ	12	9	3
Обработка вторичных данных	12	8	4
Опрос	9	6	3
Интервью	9	4	5
Анализ дискурса	6	4	2
Включенное наблюдение	2	-	2

В таблице 11 также представлены методы исследования, наиболее часто использовавшиеся для получения «нового знания» и демонстрирующие потенциально продуктивный для развития теории медиа баланс лингвистических, социологических и антропологических подходов.

Выводы и дискуссия

Изучение 315 журнальных статей, посвященных различным проблемам функционирования медиа, показало, что развитие теорий медиа и массовой коммуникации в России испытывает влияние нескольких важных факторов.

Первым из этих факторов можно признать медленное формирование непосредственно исследовательской традиции в актуальном научном дискурсе. Об этом говорит статистически практически незаметная доля статей, выдерживающих структурные требования к формату научного текста. И это, в свою очередь, яв-

ляется формальным показателем редкого проявления в текстах оригинальных эмпирических или теоретических результатов. Использовав для характеристики последних понятие «нового знания», можно выделить в совокупности проанализированных статей группу «исследовательских» текстов, составившую менее четверти от выборки.

Еще одним фактором является просматривающаяся при анализе объект-предметного поля изученных статей ограниченность отечественного научного (корректнее охарактеризованного как «академический») дискурса, сконцентрированного на журналистике и редко выходящего за пределы филологических и нормативных подходов. Схожие выводы можно сделать и после обработки данных, полученных в ходе изучения списков литературы и упоминаний отдельных авторов и концепций в текстах статей.

Анализ теоретико-методологической базы выявляет еще один важный фактор – минимальную включенность представителей отечественного исследовательского сообщества разных поколений в глобальный исследовательский контекст. Это проявляется, в частности, в крайне ограниченном и одностороннем использовании даже наиболее востребованных у зарубежных исследователей теорий.

Статистические показатели, которые формируются при изучении теоретической базы российского «академического дискурса», настолько малы, что пока не дают достаточного материала для формирования представлений о важнейших исследовательских парадигмах и направлениях развития теорий медиа.

Полученные при изучении статей в научных журналах данные пока не позволяют полностью принять предшествующие подходы к оценке состояния отечественного научного дискурса. В частности, его ключевые характеристики не очень корректно ставить в контексте «девестернизации» исследований медиа (Curran, Park, 2000; Вартанова, 2015; Корконосенко, 2015). Ведь она подразумевает имевшуюся на определенном этапе «вестернизацию», которая должна проявляться в увеличении доли непосредственных эмпирических и теоретических исследований и усилении интеграции в теоретико-методологическую базу широкого круга востребованных зарубежных концепций, чего пока зафиксировать не удается.

Примечания

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01408).

[2] Краткие рекомендации для авторов по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных / под общ. ред. *О.В. Кирилловой*. М.: АНРИ, 2017. Режим доступа: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/9481/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/8695/%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%AF%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf

Библиография

Вартанова Е.Л. Современные российские исследования СМИ: обновление теоретических подходов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 6. С. 5–26.

Вырковский А.В. Новые исследовательские задачи в области медиаменеджмента и медиаэкономики России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 209–229.

Дунас Д.В. Национальное своеобразие российской школы исследований СМИ: теоретическая направленность диссертаций в период 1991–2010 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 1. С. 103–119.

Корконосенко С.Г. Теория журналистики : моделирование и применение : учебное пособие. М.: Логос, 2010.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. Учебник для студентов вузов. М.: РИП-Холдинг, 1998.

Bryant J., Miron D. (2004) Theory and Research in Mass Communication. *Journal of Communication* 54(4): 662–704.

Curran J., Park M.-J. (2000) De-Westernizing Media Studies. London: Routledge.

Fink E.J., Gantz W. (1996) A Content Analysis of Three Mass Communications Research Traditions: Social Science, Interpretive Studies, and Critical Studies. *Journalism and Mass Communication Quarterly* 73(1): 114–134.

Gitlin T. (1978) Media Sociology: The Dominant Paradigm. *Theory and Society* 6(2): 205–253

Korkonosenko S. (2015) Global De-Westernization Trend in Media Studies and Russian Journalism Theory. *Central European Journal of Communication* 8(2): 175–186.

Lazarsfeld P. (1941) Remarks on Administrative and Critical Communications Research. *Studies in Philosophy and Social Sciences* 9: 2–16.

McCombs M. (2005) A Look at Agenda Setting: Past, Present and Future. *Journalism Studies* 6(4): 543–557.

McCombs M., Shaw D.L. (1972) The Agenda Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly* 36(2): 176–187.

Potter W.J., Cooper R., Dupagne M. (1993) The Three Paradigms of Mass Communication Research in Mainstream Communication Journals. *Communication Theory* 3(4): 317–335.

Rogers E.M. (1982). The Empirical and Critical Schools of Communication Research. In M. Burgoon (Ed.), *Communication Yearbook* 5. New Brunswick, NJ: Transaction Books. Pp. 125–144.

Rogers E.M. (1983) Diffusion of Innovations. 3rd ed. NY: Free Press.

Rosengren K.E. (1983) Communication Research: One Paradigm, or Four? *Journal of Communication* 33(3): 185–207.

Notes

Kirillova O.V. (ed.). (2017). *Kratkie rekomendatsii dlya avtorov po podgotovke i oformleniyu nauchnykh statey v zhurnalakh, indeksiruemykh v mezhdunarodnykh naukometricheskikh bazakh dannykh* [Brief Recommendations to Authors on the Preparation and Layout of Research Articles in Journals Indexed in International Scientometric Databases]. Moscow: ANRI. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/9481/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/8695/%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%93%D0%9E%D0%92%D0%90%D0%AF%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf

References

Bryant J., Miron D. (2004) Theory and Research in Mass Communication. *Journal of Communication* 54(4): 662–704.

Curran J., Park M.-J. (2000) De-Westernizing Media Studies. London: Routledge.

Dunas D. (2016) Natsionalnoye svoeobrazye rossiyskoy shkoly isselovaniy SMI; teoreticheskaya napravlennost dissertatziy v period 1991–2010 godov [National Originality of the Russian School of Media Research: Theoretical Background of Dissertations in 1991–2010]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* 1: 103–119.

Fink E.J., Gantz W. (1996) A Content Analysis of Three Mass Communications Research Traditions: Social Science, Interpretive Studies, and Critical Studies. *Journalism and Mass Communication Quarterly* 73(1): 114–134.

Gitlin T. (1978) Media Sociology: The Dominant Paradigm. *Theory and Society* 6(2): 205–253

Korkonosenko S. (2010) Teorya zhurnalistiki: modelirovanye i primenemye [Journalism Theory: Simulation and Application]. Moscow: Logos.

Korkonosenko S. (2015) Global De-Westernization Trend in Media Studies and Russian Journalism Theory. *Central European Journal of Communication* 8(2): 175–186.

Lazarsfeld P. (1941) Remarks on Administrative and Critical Communications Research. *Studies in Philosophy and Social Sciences* 9: 2–16.

McCombs M. (2005) A Look at Agenda Setting: Past, Present and Future. *Journalism Studies* 6(4): 543–557.

McCombs M., Shaw D.L. (1972) The Agenda Setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly* 36(2): 176–187.

Potter W.J., Cooper R., Dupagne M. (1993) The Three Paradigms of Mass Communication Research in Mainstream Communication Journals. *Communication Theory* 3(4): 317–335.

Prokhorov E. (1998) Vvedenye v teoriyu zhurnalistiki [Introduction to Journalism Theory]. Moscow: RIP-Holding.

Rogers E.M. (1982). The Empirical and Critical Schools of Communication Research. In M. Burgoon (Ed.), *Communication Yearbook* 5. New Brunswick, NJ: Transaction Books. PP. 125–144.

Rogers E.M. (1983) Diffusion of Innovations. 3rd ed. NY: Free Press.

Rosengren K.E. (1983) Communication Research: One Paradigm, or Four? *Journal of Communication* 33(3): 185–207.

Vartanova E. (2015) Sovremennye rossiyskye issedovanya SMI: obnovlenie teoreticheskikh podhodov [Modern Russian Media Research: a Renewal of Theoretical Approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 6: 5–26.

Vyrkovskiy A. (2016) Novye issledovatelskye zadachi v oblasti media menedgmenta i mediaekonomiki Rossii [New Research Goals for Media Management and Media Economics of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* 6: 209–229.

Поступила в редакцию
26.11.2017

ЖУРНАЛИСТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Гольденцвайг Григорий Давидович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Университета Сёдертёрн (Стокгольм, Швеция); e-mail: greg.goldenzwaig@gmail.com

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТА В СОЗДАНИИ ВКР: ОПЫТ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ШВЕЦИИ

Предлагаемая вниманию статья представляет исследовательский проект «Самостоятельность в создании индивидуальной квалификационной работы: опыт журналистского и педагогического образования в России и Швеции». Трехлетний междисциплинарный проект проводится в Университете Сёдертёрн (Швеция) исследователями факультетов журналистики и педагогики. Фокус статьи – интерпретации самостоятельности в журналистском образовании, прежде всего, применительно к российской практике. Текст описывает концепцию проекта, основные направления изучения вопроса и представляет исследование в стадии его реализации.

Ключевые слова: *журналистское образование, самостоятельность, квалификационная работа, Болонский процесс, компаративное исследование.*

Gregory D. Goldenzwaig, PhD in Philology, Researcher at Södertörn University (Stockholm, Sweden); e-mail: greg.goldenzwaig@gmail.com

A STUDENT'S INDEPENDENCE IN WRITING A GRADUATION THESIS: THE EXPERIENCE OF JOURNALISTIC EDUCATION IN RUSSIA AND SWEDEN

The article describes the research project "Independence in writing a graduation thesis: the experience of journalistic and pedagogical education in Russia and Sweden". This three-year interdisciplinary project is being conducted at the University of Södertörn (Sweden) by researchers from the faculties of journalism and teacher education. The focus of the article is the interpretations of independence in journalistic education, especially in relation to the Russian practice. The text examines the concept of the project, the main directions of the study and features the ongoing research at the stage of its implementation.

Key words: *journalistic education, independence, graduation thesis, Bologna process, comparative study.*

Введение

Самостоятельность студента приобретает особое значение в контексте международного Болонского процесса, отсчет которому был дан с подписанием одноименной декларации в 1999 г. представителями 29 стран. Декларация ставила целью формирование общеевропейского пространства высшего образования. На сегодняшний день к ней присоединились 48 – преимущественно европейских – стран. Болонский процесс – действующий проводник идей международной интеграции высшего образования, академической мобильности, оптимизации и расширения возможностей системы трудоустройства выпускников вузов – процессов, необходимой предпосылкой которых является самостоятельность студентов.

Эта статья рассказывает о междисциплинарном исследовательском проекте «Самостоятельность в создании индивидуальной квалификационной работы: опыт журналистского и педагогического образования в России и Швеции». Цель текста – представить ведущееся исследование в стадии его реализации. Работу над трехлетним проектом ведет группа научных сотрудников факультетов журналистики и педагогики Университета Сёдертёрн (Швеция). Исследование проходит в 2016–2018 гг. и финансируется Научно-исследовательским Фондом Балтийского Региона (ÖSS).

Дизайн и методология проекта

Общая задача исследования – выявить и описать, как самостоятельность трактуется, понимается и вводится в практику написания студенческих квалификационных работ (ВКР – в российской практике) в двух странах-участницах Болонского процесса: России и Швеции, применительно к высшему журналистскому и педагогическому образованию.

Основные вопросы, на которые должен ответить этот междисциплинарный проект, таковы. Какие паттерны взаимодействия, связанные с самостоятельностью, выделяются при взаимодействии научного руководителя и студента? На каких этапах работы и в каких формах они проявляют себя? Как достигается баланс между требованиями к самостоятельности в нормативных вузовских документах и реалиями индивидуального развития студента-исследователя?

Проект изучает, как понимаются, описываются и конструируются взгляды на самостоятельность в теории и на практике в сфере высшего образования в России и Швеции. Дизайн исследования учитывает национальные контекстуализации термина, исторические особенности развития систем журналистского образования и вариативность академических норм.

Исследование в значительной степени сфокусировано на феномене научного руководства как одного из главных факторов успешной письменной работы (Deem & Brehony, 2000). Эволюция студента-автора происходит во взаимодействии с научным преподавателем-ментором, в продолженном диалоге, складывающемся из совокупности форм коммуникации (Выготский, 2001; Бахтин, 1981). Таким образом, перспектива диалога, коммуникативного акта оказывается несущей для этого проекта. Самостоятельность предстает в проекте и как отправная точка, и как объект исследования. Предсказуемая сложность заключена в многообразии возможностей понимания и трактовки термина. По Магнуссон (2015), два основных способа объяснения самостоятельности связаны с определением отношения к источникам (поиск, целевое использование, комбинация, критический анализ релевантного материала) и владения метакогнитивными компетенциями (осознания необходимости обучающего развития, ответственности за обучение, проявления инициативы и осуществления выборов (Meyer, 2008: 15)). В обеих парадигмах, по Магнуссон, самостоятельность понимается как *подход* – к источникам, теориям, научным традициям – и как проявление *инициативы* в рабочем процессе, его организации, структурировании, осмыслении и оценке собственной деятельности.

Смыслы и трактовки термина «самостоятельное обучение», равно как и его интерпретации, могут приобретать разное звучание применительно к разным дисциплинам и на разных ступенях высшего образования. В своей – ставшей классикой – работе «Self-Direction for Lifelong Learning» Кэнди (1991) выделяет следующие аспекты самостоятельности в обучении:

– самостоятельное обучение – процесс, метод и философия образования: студент приобретает знания путем собственных усилий и развивает способность к критической оценке;

– самостоятельное обучение предполагает свободу выбора в определении этих целей, в рамках конкретного проекта или учеб-

ной программы и при помощи научного руководителя со стороны факультета или департамента;

– достижение целей самостоятельного обучения требует свободы его реализации;

– основной фокус ответственности за достижение целей и за качество реализации образовательных задач ложится на студента.

Баланс распределения обязанностей между студентом и научным руководителем (ментором, контролером, администратором, инспиратором) отражает особенности национальных традиций высшей школы в каждой стране-участнице Болонского процесса и контекстуализируется, отображая эти особенности. Анализ цепочки выборов, распределения и изменения ролей в процессе научного руководства дает возможность понять фактические возможности, ракурсы и операционные моменты проявления студентом самостоятельности (Magnusson, Sveen, 2013: 179–180). Институционально-системные особенности накладываются на особенности индивидуальные – студента и ведущего научного руководителя. Вопрос достижимости общего унифицированного представления о необходимой самостоятельности студентов – одна из множества дискуссионных тем, которые вызывает к жизни Болонский процесс.

С методологической точки зрения, представляемый проект отталкивается от материала фокус-групп-исследования, проводимого с участием действующих научных руководителей, которые работают со студентами-бакалаврами и магистрами на факультетах, отделениях и в высших школах журналистики Московского Государственного Университета, Санкт-Петербургского Государственного Университета, Стокгольмского Университета и Университета Сёдертёрн. Объем материала на момент написания статьи – семь фокус-групп-интервью продолжительностью 60–75 минут, в каждом из которых участвовало 4–6 человек. Все группы носили гендерно-смешанный характер, в каждой присутствовали более зрелые и начинающие, с точки зрения академического статуса и возраста, респонденты. Был разработан общий сценарий интервью, которому модераторы в каждой стране следовали на родном для участников дискуссии языке: структура каждой беседы, таким образом, носила полуоткрытый характер. Согласно плану интервью, участники описывали, сравнивали и обсуждали привычные практики, связанные с научным руководством, с ходом работы над текстом, выделяли основные этапы деятельности, идентифицировали наиболее частотные проблемы и рассуждали о

формах проявления самостоятельности студента-журналиста в процессе создания работы.

Метод фокус-группы отвечает целям качественного исследования, представляя возможность фиксации индивидуальных опытов, суммируя их в общность, закрепляя и развивая согласия и противоречия между респондентами (Hansen, Cottle, 1998; Krzyzanowski, 2008). Он позволяет приблизиться к локально адаптированному пониманию самостоятельности в конкретном академическом контексте, выявить и систематизировать основные трактовки самостоятельности, а также идентифицировать актуальную проблематику, связанную с центральным понятием исследования. Этот эмпирический материал закладывает базу для дальнейшего компаративного исследования. Помимо данных фокус-групп, в ходе проекта будут использованы аудиозаписи очных встреч и расшифровка мейл-корреспонденции студентов и научных руководителей, stimulated recall-интервью с научными руководителями, а также, в качестве нормативной базы, Закон о высшем образовании Швеции (Högskolelagen: 1992), Указ о высшем образовании Швеции (Högskoleförordningen: 2010), Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 (бакалавриат) и 42.04.02 (магистратура) Журналистика; положения учебно-методических комиссий вузов, регламентирующие написание ВКР на уровне бакалавриата и магистратуры (в тех сегментах, где очерчиваются требования к самостоятельности).

Вызовы журналистского образования – в компаративном исследовании

Опыт исследования в области самостоятельной работы студентов демонстрирует возможность восприятия различий, связанных с самостоятельностью в плоскости оппозиции более индивидуалистичных и более иерархичных культур (Oyserman, Coon, Kemmelmeyer, 2002). В высшем журналистском образовании особое внимание привлекается к созвучности требований и реалиям медиаиндустрии – основной среде формирования журналистской идентичности, ее гаранту и хранителю. В своем обширном компаративном исследовании Нюгрен и Стигбранд (2014) рассматривают журналистское образование в пяти европейских странах, включая

Россию, как один из первоочередных инструментов формирования профессиональной идентичности. Обращая внимание на мотивацию студентов в выборе журналистского образования, компетенции и черты характера, идеалы и ценности, позиционирование по отношению к сферам политики и связей с общественностью, они демонстрируют наличие гибридных форм профессиональной идентичности, подверженных влиянию национального контекста, – но при этом сохраняющих приверженность универсальным ценностям журналистской профессии. Ведущий специалист в области журналистского образования в России, Вартанова (2015) пишет о необходимости комплексного, системного подхода к обучению журналистике как о предпосылке дальнейшего существования профессии – с точки зрения понимания самостоятельной журналистской миссии, которое приходит в процессе профессионализации. Социальную ответственность за точность и объективность информации Вартанова (2013) описывает как цель образовательного процесса, ведущего к формированию профессиональной культуры. Рассматривая взаимодействие студента и преподавателя, она пользуется термином «диалог/полилог» (Ibid: 269), акцентируя внимание на синтезе теории и практики, традиционно свойственном для журналистского образования и предохраняющего эту ветвь академии – как от несоответствия практическим требованиям индустрии, так и от замыкания в узконациональном, не учитывающем глобальные медиапроцессы контексте.

И если для российского журналистского образования характерна модель трибунная, литературоцентричная (на сегодня воспринимаемая как нуждающаяся в реформировании), то в соседней Швеции, на родине первого в мире закона о свободе слова (1766), национальная и региональная медиаиндустрия исторически формировалась как несущая конструкция, обслуживающая и поддерживающая форум для общественной дискуссии (Weibull, Jönsson, 2007; Gustafsson, 2001). Энеруд (2017), журналист и дипломат с глубоким знанием российских и шведских медиа, пользуется метафорами «трибуны» и «форума», вертикальной и горизонтальной медиаидеологий для определения (и сопоставления) исторически сложившихся российской и шведской медиасистем, отражающихся в особенностях журналистского образования.

Безусловно признавая необходимость осторожного отношения к контрастирующим оппозициям как к инструменту разъяснения особенностей национальных контекстов, заметим здесь же, что рос-

сийское и шведское образование традиционно предстают в академии как примеры систем, изначально в меньшей и большей степени подготовленных к переходу на модель Болонского процесса (Плаксий, 2012; Lindberg-Sand, 2007). Описывая и сопоставляя элементы образовательного процесса в двух странах, мы обязаны принимать во внимание вопрос о необходимости (и предсказуемой сложности!) сбалансированного сочетания эмического и этического подходов к анализу данных в международном компаративном медиаисследовании, блестяще сформулированный Ливингстон (2003). Он полностью сохраняет актуальность и сегодня, конечно же, выходя за рамки сугубо методологического дискурса. Понимание эмических концептов, укорененных в социальных, политических, культурных особенностях национального контекста, требует не только определения релевантных параметров для сравнения, но и понимания практических смыслов этих параметров и причинно-следственных связей между ними в каждом национальном контексте, который затрагивает исследование. Также необходимо учитывать, что системы журналистского образования подвержены постоянным изменениям (*business in progress*), протекающим с разной скоростью и исключающим отношение к ним как к законченному, статичному объекту исследования. Понимание этих особенностей снижает присущий для сравнительного исследования риск искуственной дихотомизации и экзотизации того или иного изучаемого контекста.

Отдельного упоминания в компаративном исследовании заслуживает языковой аспект: мы учитываем более широкую семантику понятия самостоятельности в русском языке, чем в английском – техническом рабочем языке проекта, на который переводятся русскоязычные материалы проекта. В русском и шведском языках термины *самостоятельность* и *självständighet* идентичны по морфологической конструкции и палитре значений. В английском различные значения *самостоятельности* переводятся при помощи слов *independence, self-sufficiency, self-reliance, autonomy* и т.д. В переводе материала исследования мы пользуемся, прежде всего, термином *independence* и его производными – как более всеохватывающим по значению, чем любой другой синоним.

Академическая мобильность студенческого и преподавательского состава, один из главных приоритетов Болонского процесса, предполагает владение сопоставимыми компетенциями, которые могут быть легко адаптированы к реалиям высшей школы в стра-

нах-участницах. Центральную роль в абсолютном большинстве систем журналистского образования играет документ, в российской практике фигурирующий как выпускная квалификационная работа (ВКР) – главный академический текст в опыте студента. Для студента-журналиста он является еще и экзаменом на зрелость в социальной коммуникации – умении соответствовать жанровому стандарту, отвечать требованиям академии и индустрии, критически подходить к материалу, формировать и отстаивать в тексте и на защите работы собственную точку зрения.

Требования к самостоятельности студента в шведском академическом дискурсе формулируются на уровне национального законодательства об образовании. Указ о высшем образовании Швеции фиксирует среди необходимых компетенций студента, выявляемых в результате экзаменационных мероприятий, умение «критически и самостоятельно использовать, систематизировать и осмысливать собственный опыт, опыт других и достигать релевантного результата исследования» (2010: 541). Требования закона развивают, в свою очередь, локальные университетские положения о самостоятельной работе[1]. В российской практике необходимые компетенции, приобретаемые студентами, и магистральный курс их развития определяют промежуточные между законами и университетскими Положениями и правилами написания работы документы – Федеральные государственные образовательные стандарты. Далее, в случае высшего журналистского образования, где исторически центральную роль играют Московский и Санкт-Петербургский Государственный университеты, примечательна декларируемая Федеральным законом № 259-ФЗ («О Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском Государственном Университете») практика разработки этими вузами собственных стандартов. Их требования, в свою очередь, отражаются и детализируются в Положениях и правилах по написанию ВКР по ступеням журналистского образования.

Наше исследование предполагает дальнейший сопоставительный анализ этих документов в части требований, предъявляемых к самостоятельности (и росту их представленности от степени бакалавра к степени магистра). На текущем этапе исследовательского проекта констатируется частотное определение сути ВКР в обоих контекстах как «самостоятельного исследования», «самостоятельного научного исследования», «самостоятельного эмпирического

исследования» («Правила обучения по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования в СПбГУ», 2013; «Положение о выпускной квалификационной работе по направлению ”Журналистика” (бакалавриат)» и «Положение о выпускной квалификационной работе по направлению ”Журналистика” (магистратура)» УМК Факультета Журналистики МГУ, 2016)[2].

Аспекты интерпретации самостоятельности в работе студента над ВКР

Переходя к рассуждению о проявлениях самостоятельности студента-автора ВКР, следует подчеркнуть, что исследование находится на ранней стадии, и приводимые здесь данные представляют собой первые шаги в систематизации полученной информации. Собранный материал дает возможность заключить, что самостоятельность проявляет себя в трех основных плоскостях:

1) в процессе работы над текстом/научного руководства;
2) в тексте как готовом продукте;
3) на защите работы как представлении продукта.

Важное контекстное различие между двумя системами в области организации работы над ВКР заключается в следующем. Если шведская практика, как правило, предполагает распределение студентов между научными руководителями силами администрации факультета, для практики российской важным оказывается момент выбора научного руководителя студентом и студента – научным руководителем (об этом подробнее – далее). Мы допускаем возможность рассматривать этот момент выбора и в качестве отдельного этапа, и в качестве стартовой фазы работы над текстом.

В обоих контекстах арсенал коммуникативных средств, которые выбирает научный руководитель, выстраивая процесс работы над текстом, сочетает требования нормативных актов и индивидуально приоретизированные преподавателем формы: очные встречи, общение посредством сервисных программ аудио- и видеосвязи, переписку и обмен текстами в электронной почте, взаимодействие в социальных сетях и мессенджерах и т.п. Степень медиатизации в работе над текстом, равно как и распределение функциональной нагрузки между очными встречами и виртуальной коммуникацией, существенно варьируется в каждом тандеме «студент–научный

руководитель». Практически все респонденты отмечают важность свободы научного руководителя в определении баланса между разными формами коммуникации.

Опираясь на полученный материал, мы склонны предвидеть более четкие проявления системного подхода в шведском журналистском образовании: академические требования к написанию работы здесь фиксируют и переводят количество очных встреч студента и преподавателя в рабочие часы, предметно соотносят их с этапами выполнения работы и таким образом стандартизируют процесс. Отправной точкой для всех подобных встреч является плановый объем текста, созданного и заблаговременно предоставленного студентом научному руководителю, и дальнейший совместный анализ этого текстового материала. Российские фокус-группы демонстрируют подчеркнуто индивидуализированный выбор способов коммуникации, предметом которой может являться не только подготовленный студентом текст. Несмотря на существование регулятивных документов и фиксации количества часов, которые научный руководитель обязан уделить студенту-дипломнику, де-факто объем его работы, как правило, не ограничивается четкими временными рамками (для западных исследователей особо обращает здесь на себя внимание непрозрачность, а иногда и отсутствие разграничения между рабочим и личным временем научного руководителя).

Это отличие между двумя системами проявляет себя и в специфическом для российской практики документе – отзыве, который пишет научный руководитель: не об итоговом тексте и его качествах, но о том, *как* работал над текстом студент. В современной шведской практике, где оцениваются исключительно достоинства и недостатки текста, аналогов этому документу нет.

Предварительный анализ собранного эмпирического материала позволяет выделить и сгруппировать основные аспекты интерпретации самостоятельности (ср. Magnusson, 2015), проявляющие себя в рамках дискуссии научных руководителей, работающих со студентами-журналистами[3].

Следует подчеркнуть, что эти аспекты приводятся здесь не в качестве окончательных выводов (жанр статьи – «Ведется исследование» – подразумевает представление проекта в фазе его реализации); но в качестве идентифицированных плоскостей, в которых наиболее регулярно обнаруживает себя понятие самостоятельности в обоих академических контекстах. Формирование общего ка-

тегориального аппарата – предпосылка для дальнейшего направленного сопоставления трактовок самостоятельности, обнаруживаемых в эмпирическом материале, с одной стороны, и в требованиях к самостоятельности в нормативных документах, которые регламентируют работу над ВКР, – с другой.

Самостоятельность как ответственность

Самостоятельность описывается как цепочка стратегических и тактических выборов. Первый и, возможно, определяющий выбор в российской практике связан с возможностью выбора научного руководителя студентом (менее характерной для Швеции). Мотивация выбора может быть связана не только с научно-исследовательским профилем преподавателя, но и с его академическим и профессиональным статусом, имиджем, возрастом, стилем общения. И точно так же, опираясь как на академические, так и на личностные характеристики студента, самостоятельно оценивая объем своей нагрузки, делает – или не делает – выбор в пользу студента научный руководитель. В процессе работы самостоятельность студента проявляет себя в подходе к выбору и формулировке темы (именно это многие научные руководители склонны рассматривать как краеугольный выбор), а также материала, к структуре работы, теорий, методов, к комментариям научного руководителя (в рабочей дискуссии и в финальном тексте).

Анна: Самостоятельность студента ассоциируется, в первую очередь, с ответственностью. Мне всегда хочется, чтобы студент, выбирая тему для работы, понимал, зачем ему это нужно. Это не обязательно может быть связано с его практической деятельностью сейчас, но и с теми перспективами, которые он для себя планирует или на которые он ориентируется. Я всегда стараюсь дать максимальную самостоятельность студенту – настолько, насколько это возможно. Естественно, я контролирую все сроки, я пишу миллион напоминаний, я контролирую источники, методику исследования и т.д. Но для меня важно, чтобы этот путь студент прошел самостоятельно, потому что только таким образом он научится нести ответственность за то, что он сделал, за те выводы, к которым он пришел, за тот проект, который он задумал и который ему самому, прежде всего для самого себя, важно довести до финальной стадии, – тогда он будет собой доволен. Я согласна с Х., что мы зачастую все переделываем, но при этом у сту-

дента создается сладкое ощущение, что он сам дошел до этого, что он сам все сделал и осилил[4]. (ФГ-1610-1)

В обоих исследуемых контекстах научный руководитель и студент, как правило, совместно формируют фокус контроля за учебной деятельностью в рамках проекта. Ответственность проявляет себя в планировании и реализации работы. В идеальном сценарии – студент принимает на себя ответственность за соблюдение сроков, реалистичную оценку объемов и их своевременное освоение.

Объем и вектор работы научного руководителя во многом зависит от готовности студента к совершению выбора и от принятия на себя ответственности за него. Научный руководитель прокладывает курс, стимулирующий менее решительного студента к осуществлению полезных выборов и предостерегающий самоуверенного от нереализуемых или рискованных. Обсуждение этого взаимодействия (и бесконечного множества форм, которое оно принимает) неизменно приводит респондентоов к обсуждению организационной свободы и несвободы студента.

Ева: Для меня свобода – это всегда ответственность. То есть я хочу видеть, что человек готов работать сам, ответственно. Тут я соглашусь с Ч., когда она говорит, что не любит, когда у нее требуют: «Сделай то, сделай это...». Мне же хочется, чтобы человек инициировал разговор. Мне хочется, чтобы он говорил: «Я буду делать это и это, а это правильно или нет? Я хочу сделать это и это, а что Вы мне посоветуете?». Вот это уже какая-то свобода для меня. Он (студент) предлагает варианты, думает над этим, думает, как он будет это делать. Я же могу ему сказать, что если ты (студент) будешь делать так, то результат будет таким-то, потому что ты не знаешь ограничений, ты наткнешься на вот это и на это; подумай в другую сторону. И таким итерационным путем взаимодействуем, когда человек говорит, что он хочет так, а я ему отвечаю: «Хорошо, если ты хочешь так, значит, получится вот так. Ответственность на тебе». (ФГ-1610-2)

Самостоятельность как взросление

В материале практически всех фокус-групп проявляет себя понимание самостоятельности как взросления – продолженного процесса. Этот аспект связан с осознанием причинно-следствен-

ных отношений, развитием способности к самоанализу, выстраиванием шкалы научно-исследовательских, профессиональных приоритетов и расширением перспективы: студент учится целеполаганию и достижению цели – в рамках создаваемой работы. Для научного руководителя этот аспект самостоятельности студента играет особую роль в оценке собственной педагогической работы.

Карина: Это работа взросления. В процессе написания текста... происходит взросление, которое заключается в том, что они перестраивают логику работы. Сначала им скажешь как, а они все свое принесут – получается сумбур. И вот это взросление и самостоятельное осознание того, что тут я не прав, тут нужно поменять, так как и потому что – следствие этих причин. И он (студент) сам с собой рассуждает, меняет и ходит гордый, что он сам это сделал. При этом, возможно, в начале пути этот разговор он (студент) отринул. Самостоятельность в этом ее проявлении мне нравится, потому что это как твой собственный ребенок подрастает: вот заговорил, вот пошел...

Анна: Это взросление, конечно, иногда очень приятно. Особенно когда диплом тяжелый, когда он не идет, когда человек кидается в разные стороны. Иногда мы не любим эти шатания, потому что хочется, чтобы человек просто взял и сделал. Как студенты, они уже должны владеть методами, уметь все сформулировать на защите. Это, конечно, немножко их пугает, и они могут уйти. Но пусть лучше побродят какое-то время, созреют, главное, не упустить момент, пока не поздно вернуться.

Карина: С другой стороны, времени на «побродить» у них недостаточно. Мне представляется, что здесь происходит определенный сбой, потому что бродить на последнем семестре с дипломом, со сдачей других курсовых и последней сессией – это сложная ситуация. (ФГ-1610-1)

В журналистском образовании ВКР часто рассматривается как возможное первое появление на радаре медиаиндустрии. Практическая ориентация в выборе работы на дальнейшую профессиональную деятельность описывается респондентами как показатель взросления. При этом применительно, в частности, к выбору темы, практицизм проявляет себя не только в ее актуальности, релевантности потребностям индустрии, но и осознании собственного вклада в ее раскрытие, реалистичности поставленной задачи с учетом имеющихся ресурсов. Работа, таким образом, способствует вхождению в индустрию через обучение – что непосредственно связано со спецификой ВКР по творческой специальности.

Это касается и более традиционных академических работ, и так называемых «творческих дипломов», предметом которых может становиться медиапродукт, созданный студентом.

Артем: У творческих дипломов есть особенность. Иногда студенты думают, что раз диплом творческий, то это легче: я сейчас быстро приложу свои великие публикации и разделаюсь. А оказывается, мы требуем систематизации, добавления какого-то теоретического багажа. Здесь-то и возникают проблемы, так как студенты считают себя творческими звездами и не понимают, что от них требуют. И встает вопрос: какие вообще у нас должны быть журналистские дипломы? В театральной академии, например, люди выпускают спектакль и разбегаются. По аналогии, у нас тоже должны выпустить газету, программу, PR-проект и разбежаться. Но, я считаю, и хорошо, что у нас до сих пор существует теоретическая составляющая.

Наталья: Да, требование вписать в общий научный контекст то, что студенты делают на практике.

Артем: И в процессе, потом, когда они взрослеют, многие говорят, что им пригодилось умение проанализировать, систематизировать, посмотреть на проблему шире. (ФГ-2210-1)

Ориентация на индустрию, соотнесение ВКР с будущей профессиональной деятельностью, ее вклад в формирование профессиональной идентичности – все это присуще работе студента-журналиста и предстает в нарративах научных руководителей как положительная характеристика взросления. При этом, разумеется, работа над текстом может демонстрировать как признаки академического и профессионального взросления студента, так и его отсутствие.

Самостоятельность как оригинальность

Возможно, вопреки ожиданиям исследовательской группы, дискуссия об оригинальности разворачивается не столько в плоскости новизны – доминировала в этом блоке, скорее, проблематика некорректных заимствований в работе. Эта тема присутствовала и активно обсуждалась во всех фокус-группах проекта.

При этом если в шведских нарративах отношение к самостоятельности как к оригинальности работы присутствует, прежде всего, в контексте критического мышления (анализ источников, со-

поставление точек зрения, формирование собственной аргументации), то в российских «оригинальность» практически неизбежно предстает в оппозиции плагиату. В обоих контекстах существует практика обязательной проверки сдаваемых студентами работ на количественное наличие заимствований, о чем хорошо осведомлены и пишущие, и проверяющие работу. Можно предположить, что очевидная чувствительность этой темы в российских нарративах связана с исторической неукорененностью концепта авторского права в национальном контексте (Bodó, 2013), прежде всего в медиасфере.

Алекс: Я сразу говорю студентам, с которыми мы договорились, что я их научный руководитель, что ответственность за... оригинальность написанного – с точки зрения соблюдения авторского права – они берут на себя. Если они написали хорошую работу, я буду готов их защищать. Но если с этим что-то не так, я не дам им поставить хорошую оценку. (ФГ-1609-1)

Самостоятельность как самоизоляция

Самостоятельность, традиционно воспринимаемая в качестве положительной характеристики, допускает как положительную, так и отрицательную коннотации.

Последняя, как правило, оказывается связана с потерей связи между студентом и научным руководителем – в силу ли недисциплинированности студента, системного непонимания с научным руководителем, или каких-либо других причин. В этом случае, исчерпав арсенал методов воздействия на студента, научный руководитель вынужден дистанцироваться от его работы. Формат традиционного для российской практики (и экзотического для шведской) отзыва на ход работы студента предоставляет преподавателю такую возможность. С языковой точки зрения, негативная оценочная нагрузка определения «самостоятельность» восстанавливается здесь только из контекста, а для профессионального круга преподавателей, работающих с форматом отзыва, она проявляет себя как элемент интертекстуальности.

Марк: Когда студент ни разу не появляется у преподавателя и преподаватель пишет отзыв, то используется этот термин: «Студент работал самостоятельно», т.е. не выходил на связь. Если руководитель использует

слово «самостоятельность» в негативном смысле, обычно это делается так, чтобы было понятно всем.

Карина: Например, будет сказано, что связь с научным руководителем была потеряна.

Анна: В любом случае, через запятую будет какое-то уточнение.

Валерия: Будет формулировка вроде: «Работа выполнена без участия научного руководителя, тема была выбрана самостоятельно и не прошла обсуждение и утверждение на кафедре». (ФГ-1610-1)

Перспективы исследования

Описанные трактовки самостоятельности студента в написании ВКР представляют наиболее репрезентативные аспекты, обнаруживающие себя в диалоге с научными руководителями, которые работают со студентами-журналистами в обеих странах. Безусловно, они не могут быть исчерпывающими применительно к широкому понятию самостоятельности; их функция заключается в фиксации наиболее частотных смыслов, ему придаваемых.

Мы предполагаем, что именно эти аспекты станут отправными точками на следующем этапе исследования: в сопоставительном понимании того, как де-факто достигается баланс между требованиями к самостоятельности, декларируемыми в вузовских нормативных документах, и реалиями индивидуального развития студента-исследователя, отраженными в эмпирическом корпусе проекта. Таким образом, исследование подходит к операционализации представлений о самостоятельности на практике, в процессе создания квалификационной работы по журналистике.

В составе проектной группы работают университетские преподаватели и журналисты-практики: финальная стадия проекта предполагает разработку сета методических рекомендаций, призванных способствовать эффективности взаимодействия студента и научного руководителя в работе над ВКР, с учетом продолжающейся интернационализации журналистского образования, с одной стороны, и особенностей национальных академических контекстов, университетских традиций, точек входа молодых специалистов в медиаиндустрию – с другой стороны.

Проект расширяет рамки понимания самостоятельности в работе над ВКР и процессе научного руководства, вычленяет и структурирует аспекты, связанные с самостоятельностью, выявляя общее и частное в интерпретации самостоятельности в контекстах

двух стран-участниц Болонского процесса. Исследовательская группа полагает, что проект сможет внести вклад в осмысление педагогической деятельности в высшем журналистском образовании путем систематизации знаний, основанных на практическом опыте, – что представляет собой ценность как для развития самостоятельной работы студентов в рамках создания ВКР, так и для (само)анализа деятельности научных руководителей, нацеленной на рост и реализацию потенциала студента как будущего медиапрофессионала.

Современный европейский опыт взаимодействия научных руководителей и студентов с различным национальным, культурным, академическим бэкграундом говорит о необходимости более глубокого и структурированного понимания самостоятельности, без которой невозможна полноценная глобализация образования в контексте болонского сотрудничества. Это в полной мере отвечает требованиям к интернационализации высшей школы, увеличению академической мобильности и взаимодействию научно-педагогических школ стран-участниц Болонского процесса.

Примечания

[1] Здесь и далее – идет речь о письменной квалификационной работе студента; не путать с омонимичным термином «самостоятельная работа», в российской академической практике ассоциирующимся с внеаудиторной работой студента.

[2] Локальные нормативные акты университетов в российской практике зачастую также обязывают студента официально подтвердить самостоятельное выполнение работы (подпись), что говорит о значимости самостоятельного выполнения работы в части ее оригинальности и что подтверждается материалом фокус-групп (далее). Аналогов подобному требованию в шведской практике мы не обнаруживаем.

[3] Приведены в неранжированном порядке.

[4] Здесь и далее все имена участников фокус-групп изменены.

Библиография

Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: Медиамир, 2013.

Вартанова Е.Л. О современных медиа и журналистике. Заметки исследователя. М.: Медиамир, 2015.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ Хранитель, 2008.

Плаксий С.И. Болонский процесс в России: плюсы и минусы // Знание, понимание, умение. 2012. № 1. С. 8–13.

Энеруд П. СМИ в Швеции: История, современность и вызовы. Документ семинара. Екатеринбург: Ельцин-центр, 2017.

Bachtin M. (1981). *The dialogic imagination: four essays.* Austin: Univ. of Texas P.

Bodó B. (2013) *The common Paths of Piracy and Samizdat.* Paper for public lecture, delivered at OSA Archivum, Budapest, 22 April 2013.

Candy P. (1991) *Self-Direction for Lifelong Learning: a Comprehensive Guide to Theory and Practice.* San Francisco: Jossey Bass.

Deem R., Brehony K. J. (2000) Doctoral Students' Access to Research Cultures – Are Some More Equal Than Others? *Studies in Higher Education* 25(2): 149–165.

Gustaffson K.-E. (ed.). (2001) *Nordisk landsortspress på 1990-talet.* Göteborgs universitet.

Hansen A., Cottle S. (1998) *Mass Communication Research Methods.* Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Krzyzanowski M. (2008) Analyzing Focus Group Discussions. In Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *Qualitative Discourse Analysis in the Social Sciences.* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Lindberg-Sand Å. (2007) *The Swedish Bologna Process – Reckless Race or Revitalising Reform?* Conference paper. 29th annual EAIR forum. Innsbruck.

Magnusson J. (2015) Självständighetens praktik: Uppfattning och användning av begreppet självständighet i relation till det självständiga arbetet. In Kahlin L., Landqvist M, Tykesson I. (eds.) *Språk och identitet. Huddinge: Södertörns högskola / Association Suédoise de Linguistique Appliquée (ASLA).* Pp. 91–105.

Magnusson J., Sveen H. (2013) Topikalitet i handledning: rapport från ASLA:s vårsymposium. In Rosén C., Simfors P., Sundberg A.K. (eds.) *Språk i undervisning. Linköping: Svenska föreningen för tillämpad språkvetenskap.* Pp. 173–182

Livingstone S. (2003) On the Challenges of Cross-National Comparative Media Research. *European Journal of Communication* 18(4): 477–500.

Meyer B., Haywood N., Sachdev D., Faraday S. (2008) *What is independent learning and what are the benefits for students?* London: Department for Schools and Families Research Report № 051.

Nygren G., Stigbrand K. (2014) The Formation of a Professional Identity: Journalism students in different media systems. *Journalism Studies* 15(6): 841–858.

Oyserman D., Coon H., Kemmelmeier M. (2002) Rethinking individualism and collectivism. *Psychological bulletin* 128(1): 3–72.

Weibull, L., Jönsson, A.-M. (2007) The Swedish Media Landscape. In Terzis G. (ed.) *European Media Governance: National and Regional Dimensions.* Bristol: Intellect Books, The Mill.

Документы и нормативные акты

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Федеральный закон «О Московском Государственном Университете им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском Государственном Университете» от 10.11.2009 № 259-ФЗ.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 42.03.02 (бакалавриат) Журналистика.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 42.04.02 (магистратура) Журналистика.

«Правила обучения по основным образовательным программам высшего и среднего профессионального образования в СПбГУ», 2013.

«Положение о выпускной квалификационной работе по направлению "Журналистика" (бакалавриат)», УМК Факультета Журналистики МГУ, 2016.

«Положение о выпускной квалификационной работе по направлению "Журналистика" (магистратура)», УМК Факультета Журналистики МГУ, 2016.

Högskolelagen (Закон о Высшем образовании Швеции), 1992.

Högskoleförordningen (Указ о Высшем образовании Швеции), 2010.

References

Bachtin M. (1981). *The Dialogic Imagination: four essays*. Austin: Univ. of Texas P.

Bodó B. (2013) *The Common Paths of Piracy and Samizdat*. Paper for public lecture, delivered at OSA Archivum, Budapest, 22 April 2013.

Candy P. (1991) *Self-Direction for Lifelong Learning: a Comprehensive Guide to Theory and Practice*. San Francisco: Jossey Bass.

Deem R., Brehony K. J. (2000) Doctoral Students' Access to Research Cultures – Are Some More Equal Than Others? *Studies in Higher Education* 25(2): 149–165.

Enerud P. (2017) *SMI v Shvetsii: Istoriya, sovremennost' i vyzovy. Dokument ceminara*. [The Media in Sweden: History, Modernity and Challenges. Document of the seminar]. Ekaterinburg: El'tsin-tsentr.

Gustaffson K.-E. (ed.). (2001) *Nordisk landsortspress på 1990-talet*. [The Press of Northern European Countries in the 1990s]. Göteborgs universitet.

Hansen A., Cottle S. (1998) *Mass Communication Research Methods*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Krzyzanowski M. (2008) Analyzing Focus Group Discussions. In Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *Qualitative Discourse Analysis in the Social Sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Lindberg-Sand Å. (2007) *The Swedish Bologna Process – Reckless Race or Revitalising Reform?* Conference paper. 29th annual EAIR forum. Innsbruck.

Livingstone S. (2003) On the Challenges of Cross-National Comparative Media Research. *European Journal of Communication* 18(4): 477-500.

Magnusson J. (2015) Självständighetens praktik: Uppfattning och användning av begreppet självständighet i relation till det självständiga arbetet. [Practice of Independence: the Concept of Independence and Its Use with Regard to an Independent Work]. In Kahlin L., Landqvist M, Tykesson I. (eds.) *Språk och identitet. Huddinge: Södertörns högskola / Association Suédoise de Linguistique Appliquée (ASLA)* [Language and Personality. Huddinge: Södertörn University / Swedish Association of Applied Linguistics (ASLA)]. Pp. 91–105.

Magnusson J., Sveen H. (2013) Topikalitet i handledning: rapport från ASLA:s vårsymposium. [Topicality in a Textbook: a Report on the ASLA Spring Symposium]. In Rosén C., Simfors P., Sundberg A.K. (eds.) *Språk i undervisning. Linköping: Svenska föreningen för tillämpad språkvetenskap*. [Language of Education. Linkoping. Swedish Association of Applied Linguistics]. Pp. 173–182

Meyer B., Haywood N., Sachdev D., Faraday S. (2008) *What Is Independent Learning and What Are the Benefits for Students?* London: Department for Schools and Families Research Report №051.

Nygren G., Stigbrand K. (2014) The Formation of a Professional Identity: Journalism Students in Different Media Systems. *Journalism Studies* 15(6): 841–858.

Oyserman D., Coon H., Kemmelmeier M. (2002) Rethinking Individualism and Collectivism. *Psychological bulletin* 128(1): 3–72.

Plaksiy S. (2012) Bolonskiy protsess v Rossii: plyusy i minusy [The Bologna Process in Russia: Pros and Cons]. *Znanie, ponimanie, umenie* 1: 8-13.

Vartanova E. (2013) *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki*. [Post-Soviet Transformations of Russian Mass Media and Journalism]. Moscow: Mediamir Publ.

Vartanova E. (2015) *O sovremennykh media i zhurnalistike. Zametki issledovatelya*. [On Modern Media and Journalism. Researcher's Notes]. Moscow: Mediamir Publ.

Vygotskiy L. (2008) *Myshlenie i rech'*. [Thinking and Speech]. Moscow: AST Khranitel' Publ.

Weibull, L., Jönsson, A.-M. (2007) The Swedish Media Landscape. In Terzis G. (ed.) *European Media Governance: National and Regional Dimensions.* Bristol: Intellect Books, The Mill.

Поступила в редакцию
19.09.2017

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

Долгова Юлия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: YIDolgova@gmail.com

Зыкова Василиса Сергеевна, выпускница факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vasilisazykova@gmail.com

«ПЯТЫЙ КАНАЛ»: СТРАТЕГИИ ПРОГРАММИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО ВЕЩАТЕЛЯ «ВТОРОГО ЭШЕЛОНА»

В данной статье на примере «Пятого канала» исследуются стратегии программирования вещателя, являющегося «догоняющим» по отношению к каналам «большой тройки». Изучается программирование вещателя в ключевые периоды его истории в XXI веке, анализируется путь, который прошел региональный канал, чтобы занять достойное место вслед за тройкой лидеров федерального эфира. В ходе исследования внимание фокусируется на форматах, характерных для телеканала в изучаемые периоды, а также на приемах, используемых при планировании эфирной сетки. В результате эволюции программной стратегии «Пятый канал» отказался от концепции многожанрового и многотемного программирования, обилия фильмов и передач иностранного производства. Оставаясь сегодня каналом общего интереса, вещатель позиционирует себя как «законодателя детективной моды». Программная сетка преимущественно программируется отличным от каналов «большой тройки» образом, однако, традиционные для универсальных каналов форматы сохранены: утренний развлекательный канал, новости, информационная аналитика. Часто используются приемы «группировка», «бесшовный переход», позволяющие добиться максимальной консервации имеющейся на канале аудитории.

Ключевые слова: *программирование, эфирная сетка, контент-стратегия, контрпрограммирование, группировка.*

Yuliya I. Dolgova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: YIDolgova@gmail.com

Vasilisa S. Zykova, graduate of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: vasilisazykova@gmail.com

THE FIFTH CHANNEL: PROGRAMMING STRATEGIES OF THE SECOND-TIER UNIVERSAL BROADCASTER

This article focuses on the issue of TV competitive programming. It explores the programming strategy of the Fifth Channel, a mass-appeal channel lagging slightly

behind Russian "Big Three" channels in terms of share and rating. We investigate the formats which were selected for programming, as well as the application of some scheduling techniques such as "counterprogramming", "blunting", "blocking", "flow strategies", "seamlessness" in the key periods of the Fifth Channel's history in the 21st century: the fall seasons of 2006 and 2010, the spring season of 2011 and the fall season of 2016. In conclusion, we can say that as a result of the evolution of its programming strategy the Fifth Channel has abandoned the concept of multi-genre and multi-theme programming and reduced the number of foreign products on the air. Today, the Fifth is generally programmed in a way different from its possible competitors. The broadcaster is positioning itself as a "trendsetter in detective fashion" but at the same time the schedule includes formats that are traditional for mass-appeal channels: morning entertainment programs, news and information analytics. Frequently, the programmer applies the techniques of "blocking" and "seamlessness" to achieve maximum audience retention.

Key words: *programming, broadcast schedule, content strategy, counter-programming, blocking.*

Введение

Современное коммерческое вещание предполагает постоянную борьбу за зрителя, которая становится все жестче, ведь сегодня каналам приходится соперничать не только друг с другом, но и с новыми медиа. Тем не менее, с точки зрения рейтинга и доли телевизионных программ, «Первый канал» и «Россия 1» остаются в лидерах. В советские времена на большей части территории страны телеаудитория преимущественно имела доступ только к каналам, располагавшимся на первых двух кнопках. Сегодня многие телезрители по-прежнему смотрят по привычке два главных канала, хотя уже совершенно иных. В 90-е гг. XX в. место в тройке лидеров занял телеканал НТВ. Возможность догнать и потеснить фаворитов во многом зависит от программной стратегии, выбранной вещателем, которую, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть на примере «Пятого канала». Чуть больше 10 лет назад этот телеканал «общего интереса» был доступен только жителям Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Тем временем «Пятому» было суждено выйти на общенациональный уровень и за сравнительно короткий срок занять устойчивую позицию в рейтинге отечественных вещателей. По среднесуточной доле аудитории в России «Пятый» стоит на четвертом месте после признанных лидеров[1], а иногда ему удается «потеснить с пьедестала» и «НТВ»[2]. Доля аудитории «Пятого» продемонстрировала стабильный рост, увеличившись с 2015 г. по 2016 г. на 2%[3].

«Пятый» смотрят сотни тысяч людей по всей стране, и можно предположить, что стратегия программирования единственного федерального канала с центром вещания из Петербурга довольно успешна.

Модификация современной теории программирования в России

Вопрос конкурентного программирования коммерческого телевещания в российской науке о телевизионной журналистике остается малоизученным. Основы теории телевизионного программирования были заложены в отечественной науке о телевидении еще в 60–70-е гг. XX в. Э.Г. Багировым (1978) и Р.А. Борецким (1967). Представления о программной верстке того времени можно назвать немного идеалистическими, далекими от реалий современной действительности. Например, Р.А. Борецкий писал о том, что главными принципами программы передач должны стать: «Во-первых, тематическое разнообразие, соответствующее ориентации основных категорий зрителя. Во-вторых, жанровое многообразие внутри программы. В-третьих, максимально широкое использование выразительных возможностей телевидения. В-четвертых, соблюдение внутренних, темпо-ритмических пропорций между компонентами программы» (Борецкий, 1967: 144).

Такая логика построения эфирной верстки была обоснована идеологическими задачами, которые возлагались на советское телевидение и должны были успешно реализовываться каждым компонентом программы. Современное коммерческое телевещание направлено преимущественно на то, чтобы заполучить максимальную аудиторию. С.Т. Истмен, Д.А. Фергюсон, в частности, перечисляют следующие принципы телевизионного вещания, которые должны помочь программному директору добиться этих целей: формирование привычки к просмотру любимой программы (способствует горизонтальное программирование, т.е. постановка передач в одном и том же тайм-слоте в течение большей части/всех дней недели); использование инертности телезрителей во время телепросмотра (содействуют реализации данного принципа приемы «группировка однотипных программ», «бесшовный переход», смена одной программы другой без рекламных вставок). Также одним из основных принципов современного программирования является не максимальное использование выразительных возможностей экрана (что также, конечно, полезно), а сохранение программных

ресурсов, т.е. то, что уже произведено, должно быть использовано максимально эффективно (Eastman, Ferguson, 2006).

Вопрос высокоэффективного конкурентного программирования «отстающих» телеканалов не изучен современными отечественными исследователями.

В ходе анализа программирования «Пятого канала» внимание будет сфокусировано на контент-стратегии вещателя (выбираемых руководством канала жанрах и форматах эфирного контента), а также на расстановке передач в сетке вещания (scheduling strategies). В своем исследовании мы выделили форматы, которые были найдены нами во время пилотного изучения контента «Пятого канала», и предложили собственный список форматов, основанный на классификаторе, составленном Г.В. Кузнецовым (2000: 193–203), а также перечне, используемом аналитическим центром «Видео Интернешнл» (Коломиец, Полуэхтова (ред.), 2010: 115). В него вошли:

А) *информационные программы* – периодически выходящие в эфир сообщения о текущих событиях (в том числе «новости одного профиля»);

Б) *социально-политические программы* – передачи, главная функция которых заключается в формировании общественного мнения, а непременным элементом является аналитика; они предполагают как субъективное комментирование текущих событий, так и обсуждение социально значимых проблем, не привязанное к актуальному информационному поводу;

В) *познавательные программы* – программы, благодаря которым человек получает новые знания о мире (совокупность познавательно-развлекательных, культурно-просветительских и даже религиозных передач) (Кузнецов, 2000);

Г) *развлекательные программы* – передачи, призванные доставить зрителю удовольствие, дать ему отдохнуть после трудового дня или набраться сил перед ним; основная их функция – рекреативная (к ним также относятся музыкальные программы, выделенные социологами в отдельную категорию, а также спортивные программы, которые сегодня на канале практически отсутствуют, но встречались в прошлом);

Д) *детские программы* – телепередачи, ориентированные на детскую и подростковую аудиторию (0–18), в том числе мультфильмы;

Е) *кинопоказ* – художественные фильмы, транслирующиеся в эфире телеканала (в том числе многосерийные – до 10 серий);

Ж) *сериалы* – любые многосерийные (от десяти выпусков) телепроизведения, эпизоды которых выходят на канале с определенной периодичностью;

З) отдельно стоит выделить благотворительные проекты «Пятого канала» – программы коммерческого телеканала, не нацеленные на получение прибыли, но приносящие пользу обществу.

Как советские, так и современные отечественные исследователи в качестве необходимого фактора, который надо учитывать при программировании, рассматривали ритм жизни телевизионной аудитории (Борецкий, 1967; Коломиец (ред.), 1999; Толоконникова, 2008; Фирсов, 1971 и др.). В ходе исследования для анализа программной сетки в этом аспекте для будних дней будут использоваться обобщенные данные «Mediascope» (ранее TNS Gallup Media): раннее утро (07:00-09:00), позднее утро (09:00-13:00), день (13:00-16:00), предпрайм (16:00-19:00), прайм-тайм (19:00-23:00), постпрайм (23:00-01:00) и поздняя ночь (после 01:00) (Толоконникова, 2008), а для выходных дней периодизация, указанная в работе Вартановой: утро (08:00-13:00), дневное время (13:00-19:00), прайм-тайм (19:00-23:30), постпрайм (23:30-01:00) и ночь (оставшееся время после 01:00) (Вартанова, 2003: 205).

В данной статье мы будем исходить из предположения, что «отстающий» телеканал, для того чтобы попытаться отвлечь зрителей от канала-конкурента, будет строить свою эфирную сетку при помощи приема «контрпрограммирования», т.е. в эфир будут ставиться программы, значительно отличающиеся по целевой аудитории/формату/тематике от тех, которые предлагает канал-конкурент. Для сохранения той аудитории, которую каналу удалось заинтересовать своими программами, телевизионные продюсеры будут обращаться к методам «бесшовный переход», «горизонтальное программирование», «группировка» (сочетание однотипных программ), «удвоение эпизодов».

Для того чтобы проверить исходную гипотезу, мы посчитали целесообразным проанализировать программирование «Пятого канала» в развитии (после возвращения в общенациональный эфир телеканал не сразу добился популярности у аудитории), а также сравнить программное предложение «Пятого» с программной сеткой других, более успешных универсальных каналов (так называемых каналов «большой тройки»). Таким образом, хронологические рамки исследования будут ограничиваться четырьмя

временны́ми периодами. Осенний сезон 2006 г. (в октябре 2006 г. «Пятый» вернул себе право на общенациональный эфир), сезон 2010/2011 гг. (осенью 2010 г. были анонсированы изменения в программной стратегии телеканала, а в марте 2011 г. его среднесуточная доля превысила 3% – для «Пятого» на тот момент это был рекордный результат). Наконец, осенний сезон 2016 г. отчасти иллюстрирует программирование «Пятого канала» на современном этапе, не затрагивая изменений последнего времени.

Взятый для исследования достаточно протяженный по времени период позволяет рассмотреть программную стратегию «Пятого канала» в динамике, показать влияние на эфирную сетку знаковых событий в истории канала, а также представить эффективную стратегию борьбы за место в тройке лидеров на поле разработки программной политики.

Программирование «Пятого канала» осенью 2006 г.

Именно в 2006 г. «Пятый» выиграл конкурс на вещание в 43 субъектах РФ[4] и вновь начал строить свою программную политику как общенациональный телеканал. Таблица 1 демонстрирует соотношение выделенных форматов в эфире в 2006 г.

Таблица 1

Жанрово-тематическая структура контента «Пятого канала» (октябрь, 2006)

Тип программ	Названия программ	Объем вещания в неделю, чч.мм	Доля (%) в объеме вещания
1. Информационные	«Сейчас», «Сейчас о главном», «Сейчас о спорте», «Экстренный вызов 112»	≈15:20	≈9
2. Социально-политические	«Большая страна», «Главное», «Наболевший вопрос», «Неделя в большой стране», «Открытая студия», «оПять о футболе», «Телекурьер», «Энергичные люди»	≈12:45	≈7,5
3. Познавательные	«Дом быта», «Культурный слой», «Мобилизация», «Мода на все», «Совершенно секретно», документальные фильмы и сериалы	≈19:35 (д/ф – 16:15)	≈11,5 (д/ф – ≈10)

Окончание таблицы 1

4. Развлекательные	«Горькая правда», «Женский вечер на 5-м», «Игра ума», «К доске», «Люди встречаются...», «Не вовремя», «Одинокие желают познакомиться», «Утро в большой стране», спортивные трансляции	≈23:05	≈14
5. Детские	«Клуб знаменитых хулиганов», м/с «Баркли – шкодливый пес», м/с «Дьяволик», м/с «Мудрость гномов», м/с «Черепашки-ниндзя»	≈5:45	≈3,5
6. Кинопоказ	Зарубежные и отечественные фильмы разных жанров	≈67:55	≈40,5
7. Сериалы	«Агентство “Лунный свет”», «Вторая жизнь», «Давай поженимся», «Исцеление любовью», «Медиум», «Новая семейка Аддамс», «Старшеклассники»	≈23:35	≈14
8. Благотворительные	Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствуют

Мы видим, что самую значительную часть своего эфирного времени в 2006 г. канал отдавал под кинопоказ, остальные типы программ были представлены в сетке в относительно равном соотношении (исключение составляли детские передачи, их доля в объеме вещания телеканала была значительно ниже, чем доля иных программных продуктов). Помимо традиционных для коммерческого телевидения развлекательных форматов значительное место занимали информационные, социально-политические и познавательные форматы. На данном этапе своего развития канал отчасти следовал принципу жанрово-тематического разнообразия эфирной сетки, о котором писал Р.А. Борецкий.

Как было отмечено, самую значительную часть своего эфирного времени вещатель в 2006 г. отдавал под кинопоказ. При этом уточним, что из 76 художественных фильмов, показанных за четыре недели, 55 (≈72%) – зарубежного производства (в основном США, хотя присутствуют и другие страны-производители) и только 21 (≈28%) – отечественного (причем из них один был снят в России, остальные – в СССР).

Телеканал делал ставку на трансляцию зарубежного контента и в других сегментах. Документальные фильмы, занимавшие десятую часть эфирного времени, были преимущественно иностранного производства – проекты «Би-би-си» (BBC), «Дискавери» (Discovery) и «Нэшнл географик» (National Geographic). Из всех сериалов, демонстрировавшихся на «Пятом», в России был полностью произведен лишь один («Старшеклассники»); среди мультсериалов, выходивших в эфир канала, не было ни одного отечественного.

Одновременно, согласно поставленной перед ним в тот период государством задаче, «Пятый» должен был стать «общенациональным каналом российских регионов»[5]. Достичь этой цели вещатель намеревался при помощи большого количества прямых эфиров, а также использования интерактивных технологий. В крупных городах создаются «открытые студии», аналогичные петербургской. В последующем свою миссию «Пятый» преимущественно реализовывал через информационное вещание и социально-политические программы («Большая страна», «Неделя в большой стране», «Открытая студия», «Главное»). В программе «Сейчас» выходили материалы, интересные жителям определенных городов и областей нашей страны (например, «в Самаре открылась новая станция метро»).

При этом «Пятый канал» оставался преимущественно «питерским»: студии в других городах были вспомогательными. В эфирной сетке «Пятого» сохранились передачи «Телекурьер» и «Игра ума» (телеигра, в которой школьники соревновались в ораторском искусстве), хорошо знакомые зрителям Санкт-Петербурга и унаследованные телеканалом еще от Ленинградского ТВ. «Пятый» периодически транслировал футбольные матчи с участием главной городской команды «Зенит» и другое.

В октябре 2006 г. для телеканала по будням был более характерным метод горизонтального программирования, хотя вечер пятницы и выходные дни программировались по вертикальному принципу (т.е. передачи ставились в сетку лишь один раз в неделю). «Удвоение эпизодов» и «группировка» при программировании эфира не использовались. Как в будние, так и в выходные дни программирование осуществлялось с ориентацией на ритм жизни телезрителей. Например, в будние дни после утреннего развлекательно-познавательного канала в эфирной сетке стояли

программы для аудитории, оставшейся дома (как правило, пенсионеров и домохозяек), развлекательное постановочное ток-шоу и мелодраматический сериал. В 13.05 начинался блок мультфильмов для школьников младших классов, вернувшихся с учебы. В дневном эфире можно было посмотреть сериал для старших школьников. Утро субботы в 8.40 также начиналось с мультфильмов, затем зрителям предлагался семейный кинофильм, ток-шоу о здоровье (передача, интересная уже проснувшимся взрослым), днем и вечером в эфире – кинопоказ, познавательные фильмы, передача о событиях в Санкт-Петербурге («Телекурьер»).

Прием «контрпрограммирование», который мы ожидали увидеть на телеканале, в это время используется, но не является доминирующим. Как уже было отмечено, в период «ранний день» «Пятый» предлагал блок мультиков, чего не было на каналах «большой тройки». В следующем временно́м интервале в будние дни стояло общественно-политическое ток-шоу «Открытая студия», что в принципе было новаторством для данного тайм-слота. Значительно отличался по программированию прайм-тайм пятницы: в это время в эфире шло ток-шоу «Энергичные люди» и программа «Женский вечер на Пятом» (она состояла из игрового телефильма на определенную тему, интересную женской аудитории, и его последующего обсуждения в студии). На каналах «большой тройки» в это время транслировались исключительно развлекательные проекты. Эфир временно́го отрезка «позднее утро» «Пятый» строил схожим с каналами большой тройки образом, предлагая зрителям развлекательные шоу и сериалы для домохозяек, также как и прайм-тайм вещание, заполненное сериалами, явно уступающими контент-предложению «большой тройки».

Программирование канала осенью 2010 г.

В ноябре 2007 г. Указом Президента РФ ТРК «Петербург» была признана общероссийской телерадиовещательной организацией. А спустя три месяца «Пятый канал» вошел в состав частного медиахолдинга ЗАО «Национальная медиагруппа». Сегодня ей принадлежит 72,43% акций ОАО «Телерадиокомпания “Петербург”»[6].

Серьезные изменения на телеканале произошли в 2010 г. Тогда НМГ презентовала обновленную концепцию «Пятого». В первую очередь, канал отказался от региональной привязки в названии, т.е. исчезло слово «Петербург» – таким образом телеканалу стало легче позиционировать себя как федеральный. Поменялась и эфирная сетка. Предполагалось, что «Пятый» станет по-настоящему универсальным каналом, транслирующим передачи, «интересные для всей страны». В качестве отличительной его особенности в преддверии парламентских и президентских выборов заявлялось о максимальной политической свободе, которая будет предоставлена вещателю: руководители «Пятого» обещали, что здесь не будет «черных списков» экспертов, звать которых на эфир ни в коем случае нельзя[7]. К сотрудничеству привлекли известных тележурналистов – Светлану Сорокину, Дмитрия Быкова, Сергея Майорова, Ксению Собчак, Ольгу Кокорекину и других. Осенью 2010 г. аудиторные показатели «Пятого канала» были достаточно скромны по сравнению с показателями телеканалов «большой тройки» (среднесуточная доля 1,9% в первую неделю ноября против 16,7% у «Первого» и «НТВ», 14,8% у «России-1»).

Сетка вещания «Пятого канала» в этот период претерпела существенные изменения в соответствии с заявленным руководством компании обновлением концепции. Телеканал сосредоточился на завоевании симпатий взрослого, успешного зрителя[9]. Увеличилась доля познавательных проектов в объеме вещания «Пятого», количество которых и так было достаточно высоко (11,5% часов эфирного времени за неделю в 2006 г. против 32% в 2010 г.), причем большую часть документальных фильмов по-прежнему составляли качественные документальные проекты «Би-би-си», «Дискавери» и «Нэшнл географик» (хотя отечественная документалистика также заняла существенную часть эфирного времени). От развлекательных программ, в изобилии представленных на других телеканалах в этот период, «Пятый» практически отказался (см. табл. 2).

Таблица 2

Жанрово-тематическая структура контента «Пятого канала» (ноябрь, 2010)

Тип программ	Названия программ	Объем вещания в неделю, чч.мм	Доля (%) в объеме вещания
1. Информационные	«Сейчас»	12:35	≈7,5
2. Социально-политические	«Главное», «Картина маслом», «Ночь на Пятом», «Открытая студия», «Программа передач»	15:00	≈9
3. Познавательные	«Встречи на Моховой», «Истории из будущего», «Исторические хроники», «Личные вещи», «Реальный мир», «Суд времени», «Человек. Земля. Вселенная», «Шаги к успеху», документальные фильмы и сериалы	53:50 (д/ф – 33:05)	≈32 (д/ф ≈20)
4. Развлекательные	«Будь по-твоему», «В нашу гавань заходили корабли...», «Ключ от дома», концерты	06:00	≈3,5
5. Детские	«Клуб знаменитых хулиганов», мультфильмы	02:00	≈1
6. Кинопоказ	Отечественные и зарубежные фильмы	60:50	≈36
7. Сериалы	«Донна Леон. Расследование в Венеции» «Чисто английские убийства»	17:45	≈11
8. Благотворительные	Рассказ о детях, которым нужна помощь, в программе «Главное»	01:00	≈0,5

По-прежнему в эфире канала можно было увидеть большое количество художественных фильмов разных жанров, однако теперь «Пятый» делал ставку, скорее, на отечественные, а не на зарубежные картины.

Многие передачи, которые можно было увидеть на «Пятом» в 2006 г., к 2010 г. перестали выходить. Речь идет как о программах, призванных объединить региональную аудиторию вокруг канала («Большая страна», «Неделя в большой стране» и пр.), так и о «петербургских» проектах («Игра ума», «Телекурьер»). «Пятый», стремившийся в рассматриваемый период стать «более федеральным», оставил в эфире лишь одну программу, унаследованную от Ленинградского телевидения – детский «Клуб знаменитых хулиганов». В этот период в эфире появляются элементы будущих благотворительных проектов, в программе «Главное» начинает размещаться информация о детях, нуждающихся в помощи.

В рассматриваемый период для вещателя по будням более характерным по-прежнему был метод горизонтального программирования, в то время как поздний вечер и ночь пятницы, а также выходные программировались по вертикальному принципу. Ориентация на ритм жизни телевизионных зрителей в будние дни стала менее заметна.

В целом, весь «день» теперь программировался под аудиторию, традиционно остающуюся дома в разгар рабочего дня. Из эфира исчезли мультфильмы и молодежные сериалы. В выходные дни «Пятый» по-прежнему строил программную сетку, ориентируясь на естественное течение аудитории: утро субботы начиналось детской программой «Клуб знаменитых хулиганов», затем демонстрировались мультфильмы, семейный кинофильм. В воскресенье в эфир также выходили мультфильмы и фильмы, а также развлекательные программы. Схожим образом программировался эфир на каналах «большой тройки», в котором стало больше развлекательных проектов собственного производства.

Сетка вещания в большей степени, чем раньше, строилась на приеме «контрпрограммирования». Например, из утреннего эфира исчез традиционный для универсальных телеканалов развлекательно-познавательный видеоканал, вместо которого для только проснувшихся зрителей «Пятого» предлагались познавательные передачи и фильмы. Период «позднее утро» был занят преимущественно кинопоказом, в том числе познавательным, в отличие от развлекательных проектов, транслировавшихся на каналах «большой тройки». Социально-политические проекты были перенесены на более позднее время предпрайма, когда каналы «большой тройки» демонстрировали развлекательные проекты и сериалы. В прайм-тайм «Пятый» вновь пытался привлечь аудиторию в основном за счет познавательных программ, тогда как его условные конкуренты стремились так или иначе развлечь своего зрителя. Схожим образом с каналами «большой тройки» строился дневной эфир, поздний вечер и ночь будних дней и утренний эфир выходных дней.

Прайм-тайм субботы и воскресенья вновь несколько отличался от каналов «большой тройки»: здесь было много серьезных проектов и кинопоказа. Например, субботний прайм-тайм на «Пятом» после завершения марафона эпизодов сериала «Чисто английские убийства» (20:40) полностью отдавался под кинопоказ, который продолжался поздним вечером и ночью. По воскресеньям праймовое время начиналось с социально-политических программ: передача «Главное» сменялась социально-политическим ток-шоу «Картина маслом» с Дмитрием Быковым (в передаче обсуждалось современное кино в

контексте актуальных проблем общества). Таким образом, использовался принцип группировки, характерный для общественно-политических проектов выходных дней и на каналах «большой тройки».

Программирование «Пятого» весной 2011 г.

Весной 2011 г. среднесуточная доля аудитории «Пятого» превысила 3%, и канал занял восьмую строчку в первой десятке общенациональных телеканалов-лидеров. Хотя показатели «большой тройки» по-прежнему были гораздо выше (17,8% у «Первого», 16,1% у «России-1», 13,7% у «НТВ» за вторую неделю марта), очевидно, что «Пятому» удалось достичь определенных успехов и завоевать лояльную аудиторию (см. табл. 3).

Таблица 3

Жанрово-тематическая структура контента «Пятого канала» (март, 2011)

Тип программ	Названия программ	Объем вещания в неделю, чч.мм	Доля (%) в объеме вещания
1. Информационные	«Место происшествия», «Сейчас»	21:10	≈12,5
2. Социально-политические	«Главное», «Место происшествия. О главном», «Открытая студия»	13:00	≈8
3. Познавательные	«Исторические хроники», «Суд времени», «Истории из будущего», «Шаги к успеху», документальные фильмы	46:35 (д/ф – 37:00)	≈28 (д/ф ≈22)
4. Развлекательные	«В нашу гавань заходили корабли...», концерты	02:00	≈1
5. Детские	«Клуб знаменитых хулиганов», мультфильмы	01:05	≈0,5
6. Кинопоказ	Отечественные и зарубежные фильмы	47:50	≈28,5
7. Сериалы	«Агент национальной безопасности», «Апостол», «Богатство», «Вечный зов», «Валландер», «Государственная граница», «Два капитана», «Смерть шпионам», «Чисто английские убийства», «Что сказал покойник»	36:20	≈21,5
8. Благотворительные	Сюжеты в программе «Главное»	01:00	0,5

По сравнению с осенним телесезоном 2010 г. несколько сократилось количество познавательных и развлекательных проектов (количество последних уменьшилось до 2 часов в неделю). Была увеличена доля новостных выпусков и качественной аналитики (ежедневно по будням два часа эфира отдавалось под обновленную «Открытую студию», в воскресенье также присутствовал блок социально-политических передач), что отчасти было связано с предстоящими парламентскими и президентскими выборами.

Ощутимо сократилось время, выделяемое «Пятым» под кинопоказ. Доля художественных фильмов в объеме вещания практически сравнялась с долей познавательных проектов, притом что их присутствие в эфире также несколько сократилось. Вместе с тем канал стал показывать больше телесериалов. Наряду с качественными зарубежными сериалами (≈30%), «Пятый» стал транслировать отечественные новинки и классику времен СССР (под рубрикой «Родное советское многосерийное») (≈70%).

В целом можно констатировать тенденцию к увеличению количества отечественных программных продуктов в эфире. Из 77 художественных фильмов, показанных за четыре недели марта, лишь 14 (≈18%) были сняты за рубежом, 63 (≈82%) снимались в России или СССР. Кроме того, в рассматриваемый период «Пятый» отбирал для показа лишь советские мультфильмы.

Связь телеканала с Петербургом сохранялась лишь отчасти в хорошо знакомых питерцам передачах: «Клуб знаменитых хулиганов» и «Открытая студия».

Сюжеты о детях с тяжелыми заболеваниями, которым требовалась помощь, продолжали выходить в воскресной передаче «Главное»: благотворительные проекты в рассматриваемый период еще не стали отличительной особенностью телеканала.

В марте 2011 г. для «Пятого канала» по будням более характерным по-прежнему оставался метод горизонтального программирования, выходные же программировались по вертикальному принципу. Незначительные отличия в программном предложении от других будних дней наблюдались ночью по понедельникам и в конце прайм-тайма по пятницам.

При расстановке передач в сетке вещания канал продолжал ориентироваться на контрпрограммирование. Утренняя развлекательно-познавательная телепрограмма на канале по-прежнему отсутствовала. Утренний эфир начинался с 10-минутного выпуска информационной программы «Сейчас»; далее следовал блок доку-

ментальных фильмов. В 08:00 в эфир выходили получасовые новости; завершалось утро познавательной программой «Суд времени». В период «позднее утро» зрителям также предлагались кинофильмы и сериалы. В дневном эфире – информационные и социально-политические передачи. Информационные передачи выходили и в предпрайм, очевидно ориентируясь на заявленную взрослую аудиторию, заинтересованную в качественном информационном продукте.

В прайм-тайм, напротив, мы могли наблюдать стратегию «притупление», когда телезрителям демонстрировался контент тех же форматов, что у каналов «большой тройки». Прайм-тайм «Пятый канал» заполнял премьерными эпизодами телесериала «Апостол» и документальными фильмами. В 21:00 в эфир выходил сериал «Агент национальной безопасности», далее следовал итоговый выпуск программы «Сейчас», после которого зрители могли увидеть очередную серию советской семейной саги «Вечный зов» (по пятницам вместо новостей «Пятый» показывал два эпизода «Агента...», используя прием «удвоение эпизодов»). И «Россия 1» и НТВ в рассматриваемый период также заполняли «прайм» сериалами.

В выходные дни канал продолжал использовать естественное течение аудитории, начиная эфир с детского контента и передач, предназначенных для семейного просмотра.

Можно констатировать более внимательное отношение к программированию «прайм-тайма» в выходные дни в этот период. Он начинался кинопоказом, в рамках которого были возможны премьеры фильмов, в том числе многосерийных; в воскресенье самое привлекательное время отдавалось под повтор всех эпизодов телесериала «Апостол», прошедших в будние дни (однако в первые полчаса «прайма» продолжалась начавшаяся ранее программа «Главное»). Условные конкуренты «Пятого» в этот период ориентировались на развлекательные и социально-политические проекты.

Программирование осенью 2016 г.

В 2016 г. по показателям кинопоказа телеканал вернулся на цифры 2006 г. и даже несколько их превысил. Однако значение доли сериалов в программной сетке по сравнению с начальным периодом исследования выросло в два раза (см. табл. 4).

Таблица 4

Жанрово-тематическая структура контента «Пятого канала»

Тип программ	Названия программ	Объем вещания в неделю, чч.мм	Доля (%) в объеме вещания
1. Информационные	«Сейчас», «Место происшествия»	16:40	≈10
2. Социально-политические	«Место происшествия. О главном», «Главное», «Открытая студия», «Актуально», «Момент истины»	10:15	≈6
3. Познавательные	«Истории из будущего», «Агентство специальных расследований»	1:35	≈1
4. Развлекательные	«Утро на 5»	14:10	≈8
5. Детские	«Детское утро»	7:35	≈5
6. Кинопоказ	«Родное многосерийное», «Легенды нашего кинематографа», «Кино про настоящих мужчин» и др.	69:30	≈42
7. Сериалы	«След», «Детективы», «Такая работа», «ОСА» и др.	45:55	≈28
8. Благотворительные	«День ангела», «День добрых дел»	0:25 (6:00)[10]	≈0,25 (≈3,5)

В рассматриваемый период «Пятый» позиционировал себя «законодателем детективной моды» на отечественном телевидении – все сериальные проекты канала как хорошо известные и популярные у аудитории, так и недавно запустившиеся тяготели к детективному жанру.

Что касается кинопоказа, «Пятый» практически полностью отказался от трансляции зарубежных фильмов, демонстрируя российские и советские картины под рубриками «Родное многосерийное», «Легенды советского кинематографа», «Кино про настоящих мужчин». Для кинопрограмм была характерна в основном криминальная, военная и приключенческая тематика (хотя в эфире присутствовали и фильмы других жанров). Отметим, что все больше картин, отобранных для показа, не являясь сериалами в нашем понимании, состояли из нескольких частей или эпизодов. Активно используя приемы «группировка» и «удвоение эпизодов» при составлении эфирной сетки, «Пятый» обеспечивал пе-

ретекание аудитории из одного тайм-слота в другой. Этой же цели служило обращение канала к приему «бесшовный переход» между программами.

К осени 2016 г. понятие «родной» вышло на первый план в имиджевой концепции «Пятого». В том числе оно реализовывалось в благотворительных программах телеканала «День добрых дел» и «День ангела», которые на тот момент присутствовали в эфире вот уже несколько лет.

Стоит указать на резкое снижение доли познавательных передач в объеме вещания телеканала по сравнению с периодами, рассмотренными ранее, а также полный отказ «Пятого» от трансляции документальных фильмов. Несколько сократилась и доля информационных и социально-политических передач, оставшаяся одновременно на уровне 2006–2010 гг. В то же время по сравнению с предыдущими периодами выросло количество развлекательных проектов. В частности, в утренний эфир буднего дня вернулся развлекательных канал, теперь под названием «Утро на Пятом». Таким образом, эфир временно́го периода «раннее утро» строился теперь на «Пятом» схожим с каналами «большой тройки» .

Однако в другие периоды канал активно обращался к методу контрпрограммирование («позднее утро», «день», «предпрайм»), когда в эфире шел кинопоказ. Праймовый период, как и в предыдущие отрезки, «Пятый» отдавал под телесериалы: два эпизода детективов сменялись двумя сериями «визитной карточки» телеканала – проекта «След» («удвоение эпизодов», «группировка»). Реклама между сериалами отсутствовала. Пятничный «прайм» на «Пятом» целиком отдавался под несколько серий «Следа» (которые заканчивались уже в ночном эфире, телеканал снова использовал группировку).

Программирование выходных дней стало также более однотипным. Помимо утреннего эфира, который отводился под мультфильмы и благотворительную передачу, с 10.00 часов в субботу и с 11.00 часов в воскресенье на телеканале начинал выходить телесериал «След» под рубрикой «След. Большое расследование». Субботний прайм-тайм (19:00-23:30) «Пятый канал» отдавал под кинопоказ (в том числе многосерийных фильмов); кинопрограммы занимали весь эфир телеканала до утра следующего дня, заполняя собой временные блоки «поздний вечер» и «ночь». «Прайм» воскресенья открывался полуторачасовой итоговой программой

«Главное», начинавшейся за час до этого; в 19:30 стартовал кинопоказ, также продолжавшийся до утра понедельника. Условные конкуренты «Пятого» строили эфир выходных дней более разнообразно, а прайм-тайм преимущественно отдавался под развлекательные проекты.

В октябре 2016 г. для «Пятого канала» по будням более характерным все так же оставался метод горизонтального программирования, выходные же программировались по вертикальному принципу.

Выводы

Анализ выделенных периодов показал, что достичь достойных результатов с точки зрения рейтинга и доли участия «Пятому каналу» удалось за счет выработки собственной программной стратегии по отношению к каналам-конкурентам и отказа от региональной привязки в программировании.

Программирование «Пятого канала» на начальном этапе соответствовало принципам, описанным Р.А. Борецким: ориентация на ритм жизни телеаудитории, жанровое и тематическое многообразие контента. Ожидаемые принципы «контрпрограммирование», «группировка» программ использовались незначительно.

Во второй и третий периоды исследования, связанные с вхождением вещателя в частный медиахолдинг ЗАО «Национальная медиа группа», отказом от слова «Петербург» в названии, а также предстоящими парламентскими и президентскими выборами, происходит увеличение доли информационного и социально-политического контента в эфире. В этот период в меньшей степени канал ориентируется на естественное течение телевизионной аудитории у телевизора, увеличивается значение контрпрограммирования.

Во второй период отличным от конкурентов образом программируются практически все временны́е отрезки, в том числе прайм-тайм. Переманить зрительскую аудиторию у телеканалов «большой тройки» должны были познавательные проекты и кинопоказ. В третий период канал отказывается от контрпрограммирования в прайм-тайм, начинает чаще использовать прием группировки. Увеличивается значение фильмов в жанре «детектив» в программной сетке. Именно в этот период (весна 2011 г.) каналу удается добиться первых серьезных успехов у зрительской аудитории.

Наконец, последний анализируемый период в 2016 г. подтверждает первоначальную гипотезу, что высокоэффективная конку-

рентная стратегия «догоняющего» канала должна ориентироваться на контрпрограммирование и те приемы, которые обеспечивают максимальную консервацию имеющейся аудитории на канале: «группировка», «удвоение эпизодов», «бесшовный переход». Данные технологии постоянно применяются на телеканале. На социально-демографические характеристики аудитории перед телевизорами канал практически не ориентируется.

В качестве конкурентного предложения, способного бороться с развлекательным контентом каналов «большой тройки», выбраны кинофильмы и сериалы детективной тематики. Таким образом, канал частично уходит в тематическое программирование и, соответственно, окончательно отказывается от принципа тематического и жанрового разнообразия. Другие форматы представлены на телеканале лишь отчасти: в виде детских и семейных программ в субботу и воскресенье утром, обязательного информационного и социально-политического вещания.

Во временны́е периоды «ранее утро» и «прайм-тайм» сохранены элементы пассивного программирования (прием «притупление»). В частности, в утренний эфир вернулся утренний развлекательный телеканал, прай-тайм программируется блоком детективных сериалов вне зависимости от программной политики конкурентов.

Доля иностранного контента в объеме вещания «Пятого канала» с каждым из рассмотренных нами телесезонов уменьшалась, в то время как отечественные программные продукты занимали все больше эфирного времени. Данная программная стратегия вполне соответствует заявленной сегодня имиджевой концепции телеканала (реализация понятия «родной»)[11]. Отличительной особенностью «Пятого», способствующей формированию позитивного образа вещателя, стали благотворительные проекты. Их элементы появляются еще во второй период исследования, на заключительном этапе сюжеты благотворительной направленности в значительной степени интегрированы в сетку вещания телеканала, а также стоят в ней в виде отдельных передач.

Из-за отсутствия изучения контента телеканала в периоды, непосредственно предшествующие его успеху, сложно сказать, в какой момент была найдена данная оптимальная комбинация программных продуктов. Не изучены в работе и анонсируемые в 2016 г. изменения, которые должны были коснуться по большей части информационной службы телеканала. Что, безусловно, может стать темой исследования в последующих работах.

Примечания

[1] Mediascope, «TV Index», неделя 24.04.17-30.04.17, Россия (города с населением 100 тыс. человек и более), среднесуточная доля аудитории.

[2] Mediascope, «TV Index», неделя 24.04.17-30.04.17, Москва, среднесуточная доля аудитории в прайм-тайм (19:00-23:00).

[3] Телевидение в России в 2016 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Режим доступа: http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2017/teleradio.html.

[4] *Бородина А., Пушкарская А., Тирмастэ М-Л.* В питерскую сеть попало полстраны // Коммерсантъ. 2006. 26 янв. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/643784

[5] *Цветкова А.* Пятый станет четвертым по счету федеральным каналом // Известия. 2006. 29 сент. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/317690

[6] Телевидение в России в 2016 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Режим доступа: http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2017/teleradio.html

[7] «Пятый канал» исключил географическую привязку в названии // Взгляд. 2010. 15 март. Режим доступа: http://vz.ru/news/2010/3/15/383706.html

[8] *Клепиков А.* Переформатирование по-московски //Expert Online. 2010. Март. Режим доступа: http://expert.ru/2010/03/04/pyatiykanal/

[9] Пятый канал – итоги телевизионного сезона [видеозапись] // Пятый канал. 2011. 22 июл. Режим доступа: http://www.5-tv.ru/news/43054/

[10] Проект «День добрых дел» не имеет отдельной передачи, однако на протяжении каждого четверга реализуется в разных программах канала (этим объясняются два варианта получившихся цифр в последней строке таблицы – туда был включен хронометраж программ «Сейчас» и «Утро на 5»).

[11] Как сообщается в промоматериалах телеканала, имиджевая концепция Пятого канала сформулирована в слогане «Пятый. Знак отличия» и базируется на таких понятиях, как «Яркий», «Открытый», «Правдивый», «Оперативный», «Родной».

Библиография

Багиров Э.Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978.

Борецкий Р.А. Телевизионная программа. М., 1967.

Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. М.: Аспект Пресс, 2003.

Кузнецов Г.В. Так работают журналисты ТВ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Российское телевидение: индустрия и бизнес. Аналитический центр «Видео Интернешнл» / под ред. *В.П. Коломийца, И.А. Полуэхтовой*. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2010.

Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение) / сост. и общ. ред. *В.П. Коломийца.* М.: Международный институт рекламы, 2001.

Толоконникова А.В. Особенности программирования «Первого канала» // Медиаскоп. 2008. № 2.

Фирсов Б.М. Телевидение глазами социолога. М., 1971

Eastman S.T., Ferguson D.A. (2006) *Media Programming: Strategies and Practices. 9th Edition*. Australia: Thomson/Wadsworth.

Notes

Borodina A., Pushkarskaja A., Tirmastje M-L. V piterskuju set‘ popalo polstrany. [Half the Country Got into St. Petersburg’s Network]. *Kommersant*. 2006. 26 Jan. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/643784.

Klepikov A. Pereformatirovanie po-moskovski [Reformatting in the Moscow Style]. *Expert Online*. 2010. March. Available at: http://expert.ru/2010/03/04/pyatiykanal/.

Mediascope. TV Index.

«Pyatyy kanal» isklyuchil geograficheskuyu privyazku v nazvanii [The Fifth Channel Removed the Geographical Reference in Its Title]. *Vzglyad*. 2010. 15 March. Available at: http://vz.ru/news/2010/3/15/383706.html.

Pyatyy kanal – itogi televizionnogo sezona [videozapis’] [The Fifth Channel – Television Season Results [a video recording]]. *Pyatyy kanal*. 2011. 22 July. Available at: http://www.5-tv.ru/news/43054/.

Televidenie v Rossii v 2016 godu. Sostojanie, tendencii i perspektivy razvitija. [Television in Russia in 2016. Condition, Trends and Development Perspectives]. Available at: http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports/2017/teleradio.html.

Tsvetkova A. Pyatyy stanet chetvertym po schetu federal’nym kanalom [The Fifth Will Become the Fourth Federal Channel]. *Izvestiya*. 2006. 29 Sept. Available at: http://izvestia.ru/news/317690.

References

Bagirov E.G. (1978) *Ocherki teorii televideniya* [Essays on the Theory of Television]. Moscow: Iskusstvo Publ.

Boretskiy R.A. (1967) *Televizionnaya programma* [Television Program]. Moscow.

Eastman S.T., Ferguson D.A. (2006) *Media Programming: Strategies and Practices. 9th Edition*. Australia: Thomson/Wadsworth.

Firsov B.M. (1971) *Televidenie glazami sociologa* [Television Through the Eyes of a Sociologist]. Moscow.

Kolomiets V.P. (ed). (2001) *Telereklamnyy biznes (informatsionno-analiticheskoe obespechenie)* [Television Advertising Business (Information and Analytical Support)]. Moscow: International Institute of advertising Publ.

Kolomiets V.P. , Poluehtova I.A. (eds) (2010) *Rossiyskoe televidenie: industriya i biznes* [Russian Television: Industry and Business]. Moscow: OOO «NIP-KTs Voskhod-A» Publ.

Kuznetsov G.V. (2000) *Tak rabotayut zhurnalisty TV* [TV Journalists Work This Way]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ..

Vartanova E.L. (2003) *Mediaekonomika zarubezhnykh stran* [Media Economics of Foreign Countries]. M.: Aspekt Press Publ.

Tolokonnikova A.V. (2008) Osobennosti programmirovaniya «Pervogo kanala» [Specifics of the First Channel’s Programming]. *Mediaskop* 2.

Поступила в редакцию
31.08.2017

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бабюк Максим Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, e-mail: mbabyuk@yandex.ru

ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ МАССОВОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В СССР В УСЛОВИЯХ НЭПа

В статье анализируются особенности организации массового радиовещания в СССР в 1920-х гг. На основе ранее введенных в научный оборот и новых архивных документов автор утверждает, что в условиях НЭПа государство организовывало подконтрольные коммерческие и общественные структуры для более гибкого развития рынка радиовещания и радиолюбительства, пыталось развивать радиовещание на основах самоокупаемости. Однако уже к концу 1920-х гг. по мере изменения внутриполитической и экономической ситуации развитие радиовещания в стране было возвращено под прямой контроль государства.

Ключевые слова: *массовое радиовещание, СССР, НЭП.*

LEGAL AND ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF MASS RADIO BROADCASTING IN THE USSR UNDER NEP

Maxim I. Babyuk, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Chair of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, e-mail: mbabyuk@yandex.ru

The article analyses the organizational characteristics of mass radio broadcasting in the USSR in the 1920s. Drawing on archival documents previously introduced into scientific circulation and some news ones, the author states that under NEP the state organized accountable commercial and public structures for more flexible development of the market for radio broadcasting and amateur radio and tried to develop radio broadcasting on the basis of self-sufficiency. However, by the end of the 1920s, with the change in the political and economic situation, the development of radio broadcasting in the country returned to the direct control of the state.

Key words: *mass radio broadcasting, USSR, NEP.*

Введение

История развития отечественных СМИ в советской науке рассматривалась несколько однообразно, без учета массы данных, часто без должного критического анализа процессов и факторов их развития. В 1990–2000-е гг. вопросы истории отечественных СМИ в целом не были радикально переосмыслены в научных кругах, и на сегодняшний день можно говорить о недостаточной изученности проблемы. Это касается как теоретических аспектов проблематики, вопросов периодизации, так и социально-экономических аспектов развития массовой коммуникации в стране. Учитывая существующие пробелы, а также изменившуюся ситуацию с доступом к данным, научному сообществу необходимо развивать данное направление.

В частности, одной из недостаточно изученных проблем стал вопрос развития системы массового радиовещания в Стране Советов. Само появление данного технического средства в свое время оказало существенное, если не революционное, влияние на медиапотребление и оказалось в СССР, например, критически важным для организации коммуникации власти с социумом. Однако анализ характера некоторых, прежде всего экономических и организационных, процессов в развитии радио в целом остался за пределами научного дискурса. Ничего удивительного в этом нет, учитывая, что исследование практики советского радиовещания в советский период было канализировано в рамках исследования технических или контентных аспектов его развития, а изучение некоторых проблем было затруднено, прежде всего, по политическим мотивам. В связи с этим для исследователей были недоступны ключевые экономические и финансовые отчеты, политические и административные документы, которые оседали в архивах под различными грифами.

В постсоветский период ситуация несколько изменилась, поскольку были опубликованы некоторые данные по практике советского радиовещания, появилось несколько интересных работ. Однако основной фокус интереса исследователей лежит, в основном, в области политических функций радио. Вместе с тем, запуск и развитие радиовещания в стране имели и существенные организационные, финансовые и экономические особенности, которые, по существу, недостаточно изучены. Между тем они помогают не только проследить некоторые тенденции развития медиа в СССР, но и, включенные в более широкий контекст, могут помочь зна-

чительно уточнить особенности развития бюрократического аппарата и экономического управления в СССР.

Теоретические и методологические проблемы исследования

Одной из проблем исследования истории отечественных медиа является недостаточно доступная теоретическая и источниковая база. Чрезмерная политизация вопроса в СССР не позволяла научной школе полноценно исследовать процессы развития СМИ, ограничивая их изыскания политически нейтральными или ангажированными материалами. В известной степени это касалось и проблем радиовещания. В результате можно отметить достаточно ограниченный круг работ, так или иначе затрагивающих вопросы развития радиовещания в стране на этапах его становления и раннего развития. Часть из них, вышедших в советский период, либо носили публицистический или мемуарный характер (Летунов, 1974), либо фиксировали только ту часть истории запуска радиовещания в СССР, которая не затрагивала критические аспекты его развития (Гуревич, Ружников, 1976; Глейзер, 1989). В несколько лучшую сторону отличаются работы, которые появились уже в постсоветский период и были достаточно информативны, поскольку частично базировалась на источниках, ранее недоступных исследователям, и раскрывали ряд проблемных вопросов развития радио (Горяева, 2009; Ружников, 2002).

В частности, одной из таких работ является коллективный труд «Радиожурналистика», вышедший в 2000 г. (Шерель, 2000). История развития радиовещания в СССР рассматривается здесь достаточно широко, отмечены основные этапы становления радио, ключевые нормативные документы, политические аспекты формирования системы радиовещания. Вместе с тем формат учебного пособия, в котором выполнена работа, а также широкий профиль тематики издания не позволяют говорить о полном освещении вопроса. Нельзя также не отметить работы по развитию радиовещания профессора Т.М. Горяевой. Специализируясь на проблемах политической цензуры, в том числе на радио, исследователь выпустила в 1990-е – 2000-е гг. ряд трудов по истории советского радио, основанных на обширной архивной базе. Особенно ценен, на наш взгляд, обзор архивных источников по проблеме развития радиовещания в СССР. Также нужно отметить, что автор фокусируется в

основном на политической составляющей развития радиовещания в СССР 1920–1930-х гг. (Горяева, 2009). По объективным причинам вопросы организационных и экономических аспектов частично остались за пределами фокуса внимания автора.

В контексте недостаточного рассмотрения общей проблематики зарождения и развития массового радиовещания в стране серьезный интерес представляют исследования, освещающие частные вопросы развития радио в различных районах страны. Так, можно отметить, например, работы В.Д. Петровой (2014), М.В. Пряженниковой (2011), Н.В. Хисамутдиновой (2016) и других.

Ряд любопытных работ по истории запуска радиовещания в СССР вышел в последние годы и на факультете журналистики МГУ. В частности, в 2017 г. опубликован коллективный сборник «Радио: начало истории», где обобщались данные по организации массового радиовещания не только в центре, но и, что особенно ценно, в отдельных регионах СССР в данный период (Тихонова, 2017).

Вместе с тем пока вряд ли можно говорить о полной разработанности темы. В первую очередь, это связано с недостаточной исследованностью и доступностью источников. При этом можно отметить, она является довольно насыщенной. Дело в том, что в 1920-е гг. регламентация политически значимых вопросов была не столь ощутима, существовало несколько профильных организаций, которые достаточно профессионально изучали проблематику СМИ, анализируя как зарубежный, так и отечественный опыт. При этом идеологии в этих работах было еще не так много, что позитивно отражалось на качестве анализа. Доступные источники можно разделить на две группы. Это, прежде всего, материалы, публиковавшиеся в профессиональной советской печати 1920-х гг. Среди таких изданий можно отметить журнал «Радиолюбитель», который выходил с 1924 г. при Бюро Содействия Радиолюбительству при Культотделе МГСПС, посвященный проблематике запуска в СССР массового радиовещания. При созданном для развития радиовещания в стране Обществе друзей радио с 1925 г. издавался журнал «Радио всем». В Ленинграде в этот же период начал издаваться журнал «Друг радио». Кроме этих специализированных изданий внимание вопросам развития радио уделяли издания Агитпропа ЦК РКП(б), в частности журнал «Красная печать» и другие. Учитывая специфику периода, эти источники достаточно информативны. Однако и в них ряд вопросов, прежде всего ор-

ганизационных и экономических, по объективным причинам не получили и не могли получить должного освещения. Связано это было, прежде всего, с политической конъюнктурой – экономические вопросы в чувствительных для политической системы сферах даже в годы НЭПа, не говоря уже о других периодах, освещались в открытых источниках достаточно скудно.

Несколько расширить эмпирическую базу исследований по истории радиовещания позволяют архивные источники. Применительно к первой половине 1920-х гг. нельзя говорить о достаточном их количестве, поскольку довольно большая часть документов не сохранилась в архивах в силу различных причин. Вместе с тем можно отметить наличие документов по вопросам развития радиовещания в федеральных архивах, среди которых ГАРФ, РГАСПИ, РГАЛИ и другие. Часть из них уже опубликована в открытых источниках и введена в научный оборот исследователями. Можно отметить в этом смысле работу коллектива под руководством Т.М. Горяевой (Горяева, 2007). Довольно любопытная информация по отдельным, как правило, местным аспектам развития радио содержится в региональных архивах, и на нее ссылаются исследователи, работающие над проблематикой развития радио в различных частях страны.

Однако говорить о полной разработке архивных данных по истории радиовещания преждевременно. Данная работа частично базируется на ранее не вводившихся в научный оборот документах ЦК РКП(б), которые позволяют уточнить ряд вопросов по проблематике запуска массового радиовещания в стране. Те документы, с которыми довелось работать автору, нельзя назвать исчерпывающими, поскольку агитационно-пропагандистские органы ЦК курировали вопросы радио в самом общем смысле. Однако они содержат ряд не публиковавшихся в литературе данных по проблемам организационных форм запуска радиовещания, а также по экономическим аспектам этого процесса. В целом они позволяют уточнить способы финансирования, характер технического оснащения отрасли, очертить механизмы организации и управления радиовещанием в 1920-е гг.

Речь идет, прежде всего, о документах 17 Фонда описи 60 Российского государственного архива социально-политической истории. Опись содержит более тысячи дел агитационно-пропагандистского отдела и отдела печати ЦК РКП(б) за период с 1920 по 1927 г. При этом вопросы радио здесь освещены достаточно скудно, по-

скольку основной массив документов охватывает период с 1921 по 1924 г. и касается регламентации печатных СМИ. Однако несколько дел весьма информативны, они касаются вопросов организации радиовещания, органов, отвечающих за этот процесс, системы финансирования и эффективности расходования. Некоторые из них Т.М. Горяева изучала в процессе своей работы над историей советского радиовещания, однако, учитывая политологическую специфику исследования, нельзя говорить об их полной разработке.

Содержащиеся в Фонде документы по вопросам радио носят разнообразный характер, но в целом позволяют уточнить некоторые основные экономико-организационные вопросы становления массового радиовещания в стране и дают определенное понимание сложившейся управленческой культуры, способов принятия решений в области радио. Как представляется, введение их в научный оборот несколько расширит наши знания по проблематике истории советских СМИ.

Формирование условий для организации массового радиовещания в СССР в первой половине 1920-х гг.

Бурное общемировое развитие радио в первые два десятилетия XX в. было достаточно мало связано с развитием СМИ. Монополистами в области использования радио на начальном этапе его развития, как правило, становились военные и административные структуры государств. Радио в этих условиях функционировало и развивалось, прежде всего, в качестве инструмента скоростной передачи информации между ведомствами, не имея самостоятельного значения как медиаканал. Принципиальные изменения в этом отношении произошли в мире только в начале 1920-х гг., когда технологически и юридически радио стало доступным для широкого гражданского использования.

Развитие отечественного радиодела в этот период мало чем отличалось от опыта других стран. Российская Империя была одним из первых государств мира, получивших инструменты для организации радиосвязи. Хотя общая технологическая отсталость страны не позволила в полной мере реализовать потенциал открытий А.С. Попова, к революции 1917 г. в стране были сформированы основные условия для развития отрасли. В государстве действовало несколько радиоузлов, в минимальном объеме была создана радиопромышленность, некоторым образом осуществлялась подготовка специалистов.

Пришедшее к власти в октябре 1917 г. руководство партии большевиков прекрасно осознавало стратегическое значение радиосвязи для организации политической пропаганды и агитации и стремилось по максимуму использовать возможности, связанные с ним. Сам захват ключевых объектов в Петрограде в период октябрьских событий предполагал, в том числе, контроль над радиотелеграфом. При этом позволял большевикам не только поддерживать оперативную связь между регионами и ведомствами, но и снабжать традиционные средства массовой информации актуальным для власти контентом. Ресурс этот был достаточно скромен, однако новая власть пыталась использовать его с максимально возможной интенсивностью. Для этого большевики не только попытались сразу взять под контроль радиотехнические средства, но и нормативно и институционально закрепить их за собой. Так, в первые недели после прихода к власти большевиков были назначены ответственные лица по вопросам радио, был проведен съезд радиоработников, наконец, был воссоздан Наркомат Почт и Телеграфов (Наркомпочтель или НКПиТ), который курировал радиотехническое дело[1].

Сама технологическая возможность быстрой беспроводной передачи информации для новой политической системы, не скрывавшей ориентированности на агитацию и пропаганду, приводила к повышенному интересу партийного руководства к вопросу развития радио. Пожалуй, именно поэтому отечественные исследования по теме пестрят указаниями на использование радиовещания большевиками фактически сразу после прихода к власти. Так, в работах, освещающих октябрьские события 1917 г., часто ссылаются на обращение к гражданам России, которое было передано по радиотелеграфу по всей стране сразу после захвата власти большевиками[2]. Конечно, это сообщение было достаточно символичным. Однако к массовому радиовещанию в стране это отношения фактически не имело. Для новой власти наиболее важным было то, что в условиях нарастающего инфраструктурного хаоса в стране радио возможно было использовать как коммуникативный канал, обладающий уникальными свойствами.

С первых же месяцев после октябрьских событий 1917 г. рассылка радиограмм была одним из важнейших инструментов информирования регионов о происходящих в стране событиях, о решениях новой власти[3]. А в условиях начавшейся Гражданской войны, расколовшей страну на части и сопровождавшейся нарастающей разрухой, передача и прием новостных радиограмм стали

одним из немногих эффективных инструментов бесперебойного снабжения регионов информацией. Радио использовалось, в частности, для оперативной передачи сообщений РОСТА в региональные СМИ, радиопередвижки и радиостанции использовались в составе агитпоездов и агитпароходов. По сути, радио в этот период работало преимущественно как технический канал связи между оборудованными радиостанциями. Уже из радиостанций информация уходила в печатные СМИ, становясь, наконец, массовой.

Вместе с тем в течение 1918–1922 гг. был проведен ряд мероприятий административного, правового, технического и инфраструктурного характера для интенсификации развития радиовещания. Так, летом 1918 г. декретом Совнаркома было юридически централизовано радиотехническое дело[4], что на практике свелось к объединению наличных радиотехнических ресурсов страны в единую сеть под контролем Наркомпочтеля. Были предприняты усилия по организации исследований и производства радиоаппаратуры. Так, в частности, в декабре 1918 г. была организована экспериментальная нижегородская радиолаборатория, которая создавалась для разработки и продвижения технологий в области радио. Весной 1920-го г., несмотря на тяжелейшие социально-экономические условия в стране, в Москве началось строительство Шуховской башни и радиоцентра вокруг нее, которые должны были существенно увеличить возможности охвата радиовещанием удаленных территорий страны. В 1921–1922 гг. проводились эксперименты по радиотелефонному вещанию на массовую аудиторию в Казани и в Москве[5]. Наконец, в 1922–1923 гг. в экспериментальном порядке осуществлялись попытки организации массового радиовещания в стране.

Несмотря на тяжелые условия, в которых оказалась страна после окончания Гражданской войны, советская власть предпринимала серьезные усилия для развития радиовещания. Речь шла не только об ассигновании государственных средств на строительство радиопередатчиков. Само по себе это строительство мало что давало для развития массового радиовещания в стране. Партийное и советское руководство, нужно отдать ему должное, пыталось подойти к проблеме комплексно, создав ряд профильных организаций и комиссий, деятельность которых была направлена на стимулирование массового радиолюбительства в стране, а также на создание соответствующей нормативной и административно-хозяйственной базы.

При этом, понимая новизну и инновационность радиодела, высшие партийные и профессиональные органы достаточно внимательно

но относились к мировому опыту в этой отрасли. Так, в частности, сохранившийся в РГАСПИ доклад председателя одной из вновь созданных ключевых для развития радиодела в стране организаций – АО «Радиопередача» – А.В. Шотмана о перспективах радиолюбительства в СССР содержал, прежде всего, обзор опыта США, Англии, Германии и Франции в области развития радиовещания[6]. В этом достаточно любопытном документе не только отмечались важнейшие правовые, технологические и коммерческие обоснования развития массового радиовещания, но и намечалась наиболее подходящая для Советского Союза технологическая модель развития радиовещания. К ней руководство общества относило британскую модель, как наиболее подходящую с точки зрения производственных и технологических возможностей Советской радиопромышленности[7].

Данный документ интересен тем, что в нем подробно обозначались основные проблемы, связанные с развитием массового радиовещания в стране. Они были очевидны: слабая радиопромышленность, не способная удовлетворить серьезный спрос, отсутствие финансовых возможностей у населения и оборотных средств у организаторов радиовещания, отсутствие профессиональных кадров. Наконец, важной проблемой была неурегулированность законодательства в области радио и нерешенность проблем контроля отрасли со стороны политических структур.

Однако одной из наиболее острых проблем развертывания широковещания[8] было отсутствие массового радиолюбительства, т. е. в стране отсутствовали в сколько-нибудь объемном количестве частные приемники, способные принимать свободно распространяемый радиосигнал. Проблема эта была для начала 1920-х гг. универсальной. Так, в США, которые были пионером развития массового радиовещания, первые законодательные акты, разрешающие производство, продажу и установку радио, были приняты только в конце 1921 г.[9] Однако, учитывая социальную и экономическую ситуацию в Северной Америке, проблема эта более всего относилась к области законодательства, поскольку в остальном рынок был готов оперативно обеспечить развитие новой отрасли. Уже менее чем через год после принятия соответствующих законодательных актов количество зарегистрированных радиоприемников в стране превысило 1 млн экземпляров, а к 1925 г. их число приблизилось к 5 млн.[10] Число постоянных пользователей радио в США к середине 1920-х гг. превысило 20 млн человек[11]. Схожая динамика наблюдалась и в наиболее развитых европейских странах[12].

Стране Советов в этом смысле похвастать было нечем. Разрушенная экономика просто не в силах была обеспечить сколько-нибудь адекватные условия для быстрого развития радиовещания. Хотя в 1922 г. была запущена первая мощная радиостанция в Москве (радио Коминтерн), а в течение следующих двух лет в стране создано еще несколько менее мощных радиостанций, государство не справлялось не только с развитием передающей радиосети, но и не могло в должной мере обеспечить рост количества частных радиоприемников. Для этого не было, в первую очередь, производственных мощностей и системы распространения. Кроме того, крайне низкой оставалась покупательская способность населения в условиях начала 1920-х гг., что также не вело к быстрому развитию радиолюбительства по примеру наиболее развитых стран. Наконец, отсутствовало политическое решение вопроса о свободном распространении радиоприемной аппаратуры. Стремление советской власти запустить массовое радиовещание опосредовалось потребностью сохранить контроль над этой важнейшей медийной сферой, причем как политический, так и экономический[13]. При этом возникшие после перехода к НЭПу политические и экономические условия требовали более гибкой политики в области управления такой инновационной сферой, как радио.

Еще одной проблемой в этот период была неопределенность в восприятии руководством страны радиовещания как элемента системы массовой коммуникации. С одной стороны, формирующееся радиовещание вплеталось в систему советской пропаганды и агитации с точки зрения модели управления, системы контроля и специфики контента. С другой – документы свидетельствуют, что вопросы радио в этот период рассматривались зачастую в отрыве от проблем печати или информационных агентств, оказываясь на периферии внимания партийных органов. Системы организации, радиоуправления и надзора в этих условиях также были подвижными и только обретали свою устойчивую форму.

Вместе с тем, учитывая актуальность развития массового радиовещания для советской политической системы, в высших партийных кругах существовало понимание необходимости развития нового коммуникативного сегмента, а также присутствовала достаточная политическая воля для проведения соответствующих реформ. Ее наличие обусловило проведение в 1920-е гг. мероприятий в этой области, которые, несмотря на их неоднозначность и зачастую незавершенность, стали базисом для развития массового радиовещания в СССР.

Создание правовой и организационной базы для запуска и развития массового радиовещания в СССР (1923–1928)

Ключевой юридически-организационной проблемой запуска массового радиовещания в 1920-е гг. была необходимость привязки радио к военным нуждам. Причем проблема эта была единой для всех крупнейших стран мира, где началась практически повсеместная конверсия сферы радио.

В СССР радио было формально выведено из-под военного контроля, однако юридически и фактически оно контролировалось политическими органами, и его использование было жестко регламентировано. Фактически его массовое потребление требовало, прежде всего, юридической либерализации.

Нужно отметить, что процесс принятия юридических решений в области гражданского радиовещания в СССР фактически не отставал от опыта наиболее технологически развитых стран мира, таких, как США, Великобритания, Франция, где переход к свободе эфира и разрешение массового радиолюбительства пришелся на начало 1920-х гг.[14]

Вместе с тем в СССР этот процесс несколько отличался от опыта капиталистических государств по внутренней идеологии. «У нас радиолюбительство должно быть введено в строго организованное русло и должны быть использованы в кратчайший срок все возможности, свойственные его стихийной природе»[15], – утверждалось в упоминавшемся выше докладе А. Шотмана. Эта риторика, вполне характерная для советской политической системы, отражала те ограничения и рамки, в которых должна была развиваться система массового радиовещания. В то же время нельзя не отметить, что в 1920-е гг. внутри самой политической системы не было единого долгосрочного концепта развития радиовещания, он только формировался. В силу этого принятие юридических и организационных решений в этой области могло быть достаточно разнонаправленным. Это отражало как внутриполитическую и административную борьбу внутри органов власти, смену стратегий в этой области буквально в течение нескольких лет, так и отсутствие цельного взгляда на проблему развития радио среди органов, участвовавших в развитии радиовещания в стране. В результате актуальные решения середины 1920-х гг., базирующиеся на ограниченном коммерческом и общественном участии в деле развития массового радиовещания, к концу десятилетия сменились центра-

лизацией радиотехнического дела и ограничением роли внегосударственных институтов.

Так, в условиях первой половины 1920-х гг. был принят ряд достаточно либеральных юридических актов, позволявших развивать радиолюбительство не только на государственных, но и на общественных, а также частных началах.

Первым таким значимым юридическим актом советской власти, разрешавшим развитие радиовещания в гражданской сфере, стало Постановление СНК от 4 июля 1923 г. «О радиостанциях специального назначения»[16]. Этим документом разрешалось партийным, государственным и профсоюзным учреждениям открывать радиостанции для промышленно-коммерческих, культурно-просветительских и любительских целей. Этот же документ определял контролирующие органы, устанавливал правила регулирования работы станций, ответственность за их нарушение и т.п. И хотя круг организаций, получивших право на открытие радиостанций, был весьма ограниченным, принятое постановление создавало условия для развития радиовещания на базе профсоюзных и культурно-просветительских организаций по всей стране.

Однако ключевым юридическим документом, ставшим отправной точкой для распространения действительно массового радиовещания, стало принятое 28 июля 1924 г. постановление Совета Народных Комиссаров «О частных приемных радиостанциях»[17]. Этим документом в СССР вводилось разрешение на эксплуатацию радиоприемной аппаратуры частным лицам и организациям. Строго говоря, до принятия данного постановления говорить о массовом радиовещании было невозможно. Документ создавал основу для формирования широкой базы частных абонентов и организации массового радиолюбительства, без которых развитие широковещания просто не имело смысла. Постановление также определяло правовые и административные рамки пользования радиоприемниками частными лицами и организациями, порядок контроля за отраслью и экономические аспекты использования потребителями радиоприемников. В отношении последнего государство устанавливало абонементную плату за использование радиоприемников (тарифы устанавливал Наркомат Почт и Телеграфов или НКПиТ), а также вводило налогообложение для действующих приемных радиостанций[18].

Данные документы создали основную правовую базу для относительно быстрого развития массового радиолюбительства, без которого невозможно было создать в стране серьезный потребитель-

ский сектор для формирующейся системы радиовещания. Вместе с тем, государство оставляло за собой право регуляции свободы радио как за счет подзаконных актов профильных организаций (например Наркомпочтеля), так и за счет административных мер партийных и советских органов на местах. Так, в частности, НКПиТ часть своих полномочий по организации радиовещания мог передавать номинально частным или общественным организациям, специально образованным в этот период для развития радиовещания[19].

Однако по мере сворачивания НЭПа законодательная база развития радиовещания начала дополняться документами, вводящими элементы контроля над развитием радиолюбительства со стороны партийных и советских органов. Уже в 1925 г. вышло постановление ЦК партии «О радиоагитации», призывающее парторганизации на местах обратить внимание на этот инструмент коммуникации в агитационных целях. Но более основательно юридический контроль над радиовещанием закреплялся постановлением секретариата ЦК от января 1927 г. «О руководстве радиовещанием». Документ был связан, прежде всего, с политическим контролем над сферой, однако он соответствовал решениям, направленным на централизацию и национализацию экономической и социо-культурной сфер в СССР. Его принятие во многом отражало характер дискуссий внутри партии относительно путей развития радиовещания в стране в условиях сворачивания НЭПа[20]. Уже в 1928 г. развитие радиосети и радиолюбительства окончательно сосредоточилось в руках госорганов, рынок сделался полностью ориентированным на государственное планирование. Развитие законодательства по отрасли радио на этом не остановилось, однако теперь оно отражало новый характер политических процессов в стране.

Параллельно с законотворчеством в 1920-е гг. шел процесс формирования в стране системы управления радиовещанием. Сложность и неоднородность системы управления государством, созданной большевиками в условиях Гражданской войны и в первые годы НЭПа, наложили свой отпечаток и на систему администрирования создаваемого массового радиовещания. К тому же в тех условиях система управления средствами массовой коммуникации не только не обрела законченных форм, но и не имела целостного подхода к ее формированию. Так, в условиях либерализации первой половины 1920-х гг. в развитии радиовещания приняли участие существующие и вновь созданные общественные и частные организации, которые частично заместили функции государственных органов.

И такая система влияла не только на политические аспекты развития радио, но, прежде всего, на экономические и организационные процессы, связанные с ним.

В результате в ходе становления и развития радиовещания в СССР в 1920-е гг. работала достаточно сложная и иногда запутанная система организаций и учреждений. Эта система весьма динамично менялась, а также испытывала массу внутренних напряжений, связанных как с противоречиями между ее элементами, так и со сменой взглядов в связи с развитием радиовещания в стремительно меняющихся условиях.

В документах Агитпропа ЦК РКП(б) описывается совокупность организаций и ведомств, принимавших участие в развитии массового радиовещания в СССР (см. табл. 1).

Таблица 1

Организации, участвующие в развитии радиовещания в СССР (по документам Агитпропа, 1926 г.)[21]

Организация	Функции
ВКП(б)	1.Радиофикация СССР (на основе развития радиопромышленности) 2. Широковещание, направленное на политическое просвещение и воспитание рабоче-крестьянских масс СССР
ВСНХ	Организация, развитие и регулирование Союзной радиопромышленности
НКПиТ (Народный комиссариат Почт и Телеграфов	1.Строительство государственной сети связи /в том числе радиостанций, предназначенных для частичной эксплуатации по широковещанию 2. Контроль, наблюдение, планирование всей сети связи в Союзе
Народный комиссариат просвещения (НКП) и Главполитпросвет (ГПП)	Удовлетворение культурных потребностей населения путем использования широковещающих организаций и содействия им
Промышленные организации	1.Развитие массового производства радиоаппаратуры 2. Улучшение качества массовой радиоаппаратуры 3. Удешевление массовой радиоаппаратуры
Торговые организации	Массовое распространение радиоаппаратуры
Профсоюзы	1.Радиофикация профессиональной сети 2.Удовлетворение культурных потребностей рабочего класса и насаждение профессионально-технических знаний 3. Содействие партии в деле развития радиопромышленности и продвижения радио в деревню

Окончание таблицы 1

Общество друзей радио (ОДР)	1. Пропаганда идей радиодвижения 2. Популяризация радиотехнических связей 3. Содействие партии и всем организациям, связанным с радио, в их основных целях
Акционерное Общество «Радиопередача»	1.Широковещание 2.Эксплуатация радиостанций НКПиТ и строительство станций местного значения 3.Установка громкоговорительной сети в городе и в деревне 4.Распространение радиоаппаратуры
«Госрадио»[22]	1. Организация, развитие и регулирование широковещания как в центре, так и на местах 2. Плановая радиофикация Союза на основе единого государственного плана 3. Содействие развитию радиопромышленности и радиоторговли в интересах самого широковещания 4. Организация общественного мнения и общественных средств для скорейшего осуществления плана радиофикации СССР

Табличные данные наглядно представляют круг организаций, участвовавших в процессе развития радиовещания, однако, если судить по совокупности доступных документов, они рисуют достаточно упрощенную картину: не выстроена иерархия взаимодействующих организаций, не отражено их разделение по формально-юридическому статусу, наконец, в таблице не учитываются хронологические рамки, роль которых нельзя недооценивать при высокой динамике политических и экономических изменений в стране в этот период. Обозначенная в таблице ситуация отражала как уже сформированную к весне 1926 г. структуру участвующих в процессе организаций, так и отдельные, еще не реализованные проекты развития системы управления радиоделом.

Фактически органы управления организацией радиовещания начали формироваться или трансформироваться под актуальные задачи в начале 1920-х гг., когда проблематика организации широкого вещания стала остро необходимой. При этом номинально советское радиовещание развивалось в русле мировых тенденций, поскольку включало в себя формирование государственных, общественных и коммерческих органов, обладающих как правом организации радиовещательных станций, так и регулирующими функциями.

Так, если государственное регулирование радио было в ве́дении ряда партийных и государственных учреждений, таких, как ЦК партии и Народные комиссариаты, то общественный сектор был представлен такими крупными структурами, как профсоюзы и

Общество друзей радио (ОДР), а коммерческий сектор – акционерным обществом «Радиопередача» (см. табл. 2).

Таблица 2

Сегментирование органов, участвующих в управлении радиовещанием

Партийно-государственный сегмент	Общественный сегмент	Коммерческий сегмент
ВКП(б) СТО ВСНХ НКПиТ Наркомпрос и др.	Общество друзей радио ВЦСПС Отраслевые и территориальные профсоюзы	АО «Радиопередача» Торговые организации (частные, кооперативные и др.)

На практике такое разделение было во многих случаях формальным, поскольку внутри этой системы было достаточно четкое понимание фактического государственного статуса отдельных, даже формально общественных или частных организаций. И общественные и коммерческие организации создавались под контролем партийных и государственных структур, в их руководство и в исполнительные органы обязательно входили ответственные партийные и советские работники, а государственные структуры выступали их соучредителями. В частности, созданное в 1924 г. АО «Радиопередача» изначально имело основными учредителями государственные НКПиТ, РОСТА и Трест Заводов Слабого Тока, т.е. фактически создавалось только с участием государственного капитала. Более того, статус общественных и коммерческих организаций с государственным участием не был четко определен, так что в документах такие структуры могли именоваться государственными на основании характера финансирования или статуса учредителей[23].

Понимание фактически государственного формата и задач таких учреждений присутствовало и среди их сотрудников. Сотрудники АО «Радиопередача», апеллируя в одном из писем к Агитпропу ЦК в рамках хозяйственного спора с Наркомпочтелем, отмечали, что «НКПиТ отвечает казенными отписками в форме недопустимой в переписке между *Госучреждениями*» (курсив наш. – *Б.М.*)[24]. Таким образом, хозяйственный спор рассматривался через призму взаимодействия учреждений фактически государственных.

При этом формирование в 1920-х гг. специфических и номинально негосударственных организаций было связано, прежде

всего, с особенностями экономической и управленческой политики на ранних этапах НЭПа. Она характеризовалась в том числе стремлением госаппарата максимально разгрузить государственный бюджет и перевести максимум предприятий и организаций на хозяйственный расчет. Не стала исключением и сфера радиовещания. Ключевые решения по запуску широковещания были приняты в 1924 г., когда данная политика, во всяком случае в области средств массовой информации, носила повсеместный характер. Создание же акционерного общества и добровольных обществ любителей радио было призвано не только аккумулировать внебюджетные средства для развития радиовещания, но и облегчить коммуникацию между производственными, торговыми и управленческими структурами, вовлеченными в процесс.

Приведенные выше табличные данные дают общее представление о функционале организаций, участвовавших в деле развития массового радиовещания. Однако практически данный материал не совсем точно отражает реальный характер существовавшего разделения функций и вопросы взаимного подчинения организаций.

Если говорить о государственном сегменте управления радиофикацией, то номинально общее руководство развитием радиовещания в стране первым же Декретом СНК, регулирующим вопросы радиовещания, еще в 1918 г. было возложено на Наркомат Почт и Телеграфов (НКПиТ, или Наркомпочтель)[25]. В рамках Наркомпочтеля для этих целей был создан Радиотехнический совет. Однако на практике все было гораздо сложнее. Еще в декрете «О централизации радиотехнического дела», принятом в 1918 г., оговаривалась некоторая коллегиальность в управлении, поскольку в процессе принятия решений могли быть задействованы представители ВСНХ, а также наркоматы военных и морских дел, финансов и госконтроля[26]. Кроме того, вопросы радио так или иначе обязательно курировались Центральным комитетом партии. Наконец, нельзя не отметить, что и само это регулирование касалось радио как специализированного средства связи, а потому формат управления был своеобразным, с включением военных структур.

К 1923–1924 гг., по мере развития радиовещания и увеличения участвующих в процессе структур, за Наркомпочтелем закрепилась, прежде всего, функция технологической и административной регламентации. При этом его роль, конечно же, не ограничивалась только формальной регламентацией. Именно этот Наркомат осуществлял строительство и запуск первых крупных радиовещательных станций

в регионах страны. Его отделения на местах выдавали разрешения на пользование радиоприемниками, собирали абонентскую плату за пользование сетью, могли финансировать местные радиокружки и т.п. Сотрудники Наркомпочтеля участвовали фактически во всех комиссиях и советах по радиофикации, организованных в областях и республиках страны. Таким образом, за ним закреплялись некоторые важнейшие функции в области развития радиовещания.

Среди других государственных органов управления, участвовавших в развитии радио, кроме Наркомата почт и телеграфов, отвечавшего за технологические и организационные вопросы, можно отметить ряд государственных структур и организаций. Это Высший совет народного хозяйства, отвечавший за развитие радиопромышленности и за его правовое обеспечение; Народный комиссариат просвещения, курировавший вопросы контента[27]; а также Наркомфин, который так или иначе контролировал выделение государственных средств[28]. Естественно, что для данных ведомств вопрос радиовещания был периферийным, но их участие в процессе было необходимым.

Беглый анализ сохранившейся переписки агитпропа по проблемам радиовещания позволяет отметить, что к вопросам управления радиовещанием привлекались и другие государственные организации. В частности, по обеспечению контроля над радиоконтентом привлекался Главлит, который формально контролировал печать[29], а в вопросах организации работы радиопромышленности был задействован Госплан[30]. Наконец, функцию аудита на определенных этапах выполнял Наркомат рабоче-крестьянской инспекции[31]. Однако список этот неполон, поскольку в принятии решений по радиовещанию могли участвовать и другие органы и комиссии[32].

Наличие большого количества задействованных структур, судя по документам, периодически приводило к конфликтам интересов, спорам и нарушениям субординации. В этом смысле ключевой структурой в управлении радиовещанием был Центральный Комитет партии, который выступал чаще всего конечной инстанцией в вопросах развития радиовещания. При этом формальным руководящим органом для большинства организаций был Совет народных комиссаров СССР (СНК). Но учитывая, что руководящий состав Совета одновременно входил в состав ЦК, формальная субординация соблюдалась мало. Анализ документов ЦК показывает, что множество вопросов развития радио решалось наркоматами напрямую с партийными органами.

Ключевые решения по вопросам радиовещания так или иначе принимались в ЦК ВКП(б). Через Центральный комитет проходила и большая часть вопросов координации организаций и ведомств, связанных с радиовещанием. В Центральном комитете курирование радио было возложено, в основном, на Агитационно-пропагандистский отдел ЦК партии, который занимался обработкой текущих вопросов, осуществлял общую координацию действий различных организаций, выступал третейским органом, а также являлся политическим инициатором решений[33]. Ключевые же вопросы проходили через секретарей ЦК или специально созданную при Центральном комитете партии Радиокомиссию.

Такая схема управления радиовещанием в 1920-е гг., с известными оговорками, существовала и на местах. Радиовещание, находящееся в ведении местных партийных органов, которые также инициировали организацию и развитие общественных движений, могли изыскивать финансирование, кадры, другие ресурсы в зависимости от своих возможностей и желания. Они же осуществляли координацию исполнительных органов власти в этой сфере, а также могли обращаться в вышестоящие инстанции с просьбами и проектами. Вместе с тем, на местах система управления носила все же упрощенный характер (см. рис. 1).

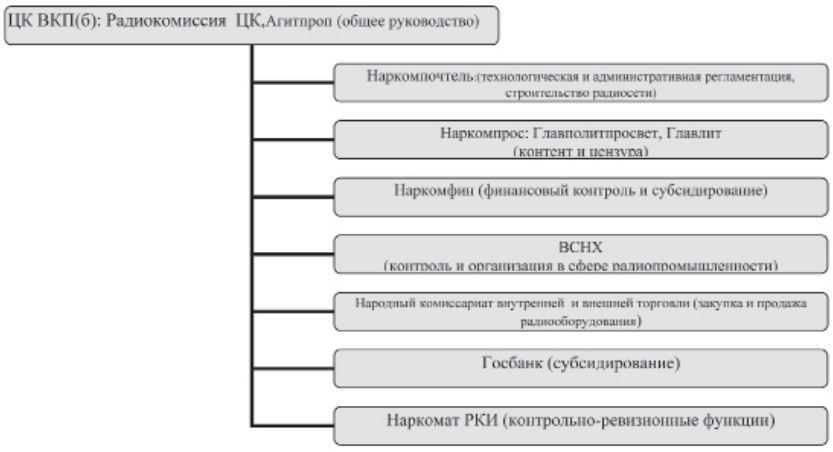

Рисунок 1. Состав и функции государственных и партийных органов, принимавших участие в развитии массового радиовещания (1926 г.)

Обозначенные на рисунке органы нельзя представлять как единую систему управления, активно участвующую в развитии радиодела. Для большинства из них вопрос был периферийным, и вовлекались они по мере необходимости. Причем это касалось даже профильных наркоматов, таких, как Наркомпочтель и Наркомпрос. Дело в том, что функционал между ними был поделен нечетко, хотя НКПиТ отвечал за технологическую часть, а Наркомпрос – за содержательные аспекты. Но вопросы фактического развития радиовещания в начале 1920-х гг. частично были переданы номинально негосударственным структурам, призванным привлекать для этого внегосударственные финансовые и общественные ресурсы. В руководстве этих организаций были представители партии, которые имели непосредственный выход на ЦК и перетягивали на себя часть функционала профильных Наркоматов.

Общественный сегмент управления и развития массового радиовещания включал в себя несколько ключевых организаций, осуществлявших фактическое развитие отрасли наряду с наркоматами или частично замещающих их функции. Это были, с одной стороны, Общество друзей радио (ОДР) и Акционерное общество «Радиопередача», на которые были возложены ключевые функции развития радиосети, но следует уточнить их функции относительно декларируемых. Деятельность ОДР была направлена на развитие потребительского рынка для создаваемой сети радиовещания, что в условиях слабого образования и низкой покупательской способности населения было сверхактуальной задачей. С другой стороны, ОДР должно было направить радиолюбительство в нужное русло и сохранить контроль политической системы над ним.

Кроме того, к развитию радиовещания подключались и уже существующие общественные организации, основными среди них были профсоюзы. Их привлечение к развитию радиовещания было действительно эффективной мерой. Несмотря на номинальное ограничение их сферы деятельности, профсоюзы обладали необходимыми финансовыми и организационными ресурсами для массового развития радиоклубов. В условиях, когда приобретение радиоприемников частниками было затруднено в силу низкой покупательской способности населения и дефицита оборудования, профсоюзы могли позволить себе не только развивать массовое радиолюбительство при профсоюзных клубах и организациях, но и участвовать за счет своих средств в организации радиовещания.

В целом, создание и привлечение таких объединений существенно повышало финансовые и организационные возможности как производителей, распространителей, так и потребителей радиосигнала. При этом, несмотря на свой номинально негосударственный статус и формальное подчинение вышеперечисленным наркоматам (хотя бы в рамках правовой регламентации), организации эти также напрямую курировались партийными органами, обладали определенной автономностью по отношению к государственным органам и могли вступать с ними в дискуссии, апеллируя к органам ЦК.

Общество друзей радио было типичным детищем эпохи. Советская власть в условиях нехватки ресурсов в 1920–1930-е гг. часто стремилась задействовать существующий общественный ресурс для развития значимых для страны проектов. Так было с развитием авиации, флота, армии, промышленности[34]. Не исключением стала и сфера радиовещания. В условиях, когда частные потребители не только не могли быть драйверами развития производства радиопромышленных товаров, но и не всегда были желательным элементом этого развития, Общество друзей радио выполняло ряд ключевых для развития радиолюбительства функций, среди которых была популяризация радио, создание профильных кружков, просвещение населения, сбор средств, наконец, организация и производство радиоприемных станций[35]. Создание отделений и кружков любителей радио осуществлялась ОДР при профсоюзных организациях, клубах, промышленных предприятиях. При этом отделения в своей деятельности широко опирались на помощь местных партийных[36] и профсоюзных органов, а также на руководство предприятий, получая субсидии, помещения и аппаратуру. В свою очередь, сами кружки широко привлекали энтузиастов, предоставляя им определенные технические возможности, закупали необходимую аппаратуру, осуществляли обучение радиоделу, организовывали коллективное прослушивание радио. Словом, формировали массовую базу радиослушателей в стране, выступая при этом крупными потребителями производимой в стране радиоприемной аппаратуры.

Отделения ОДР были организованы в 1920-е гг. фактически по всей стране. При этом процесс этот был крайне неравномерным. Если в центральных регионах СССР количество отделений и привлеченных людей было достаточно весомым уже в 1925–1926 гг.[37], то в отдаленных республиках и областях их формирование происходило гораздо медленнее[38].

Несмотря на номинально негосударственный характер общества, фактическое его положение предполагало полную, хотя и неформальную, инкорпорированность в государственные и партийные институты. Так, в состав правления ОДР и региональных отделений обязательно входили представители партии и соответствующих наркоматов, их деятельность курировалась агитационно-пропагандистскими отделами партии на местах, а сам ОДР обладал возможностью выходить с проблемами своего развития как в ЦК партии, так и в профильные наркоматы.

Коммерческая составляющая в развитии отечественного радиовещания была представлена, прежде всего, созданным Акционерным обществом «Радиолюбитель». Организованное осенью 1924 г., АО «Радиолюбитель» стало той административно-организационной надстройкой, которая должна была, с одной стороны, обеспечить бурное развитие радиовещания за счет коммерческой инициативы, привлечения финансовых средств государственных и частных организаций, реализации населению аппаратуры и услуг по ее установке, создания технологической базы для развития радиолюбительства в стране, а с другой – учитывая состав учредителей и курирование со стороны ЦК РКП(б), сохранить общий контроль государства над этой сферой. При этом одной из важнейших функций нового общества стала организационно-экономическая: «Радиопередача» не только объединила различные, наиболее заинтересованные в развитии радиовещания производственные и административные субъекты, но и позволила аккумулировать для организации массового радиовещания в стране существенные средства со стороны этих субъектов. А учитывая довольно слабую вертикальную интеграцию субъектов административно-управленческих процессов в стране в этот период, такое объединение позволяло не только ускорить процесс принятия решений, но и эффективно задействовать ведомственные средства организаций.

При этом одной из основных целей новой организации была, прежде всего, коммерческая деятельность по распространению радиоустановок, строительству радиопередатчиков и радиоузлов. Вместе с тем общество по согласованию с государственными органами должно было осуществлять радиовещание, заниматься культурно-просветительской деятельностью. В целом, в 1925–1926 гг. АО «Радиопередача» должно было стать системообразующей организацией в области радиовещания в СССР.

Уставной фонд акционерного общества «Радиопередача»[39] состоял из средств, внесенных учредителями, среди которых были

Наркомат почт и телеграфов (60 000 рублей), РОСТА (20 000 рублей) и Электротехнический Трест Заводов Слабого Тока, специализировавшийся на производстве радиоаппаратуры (60 000 рублей). Кроме того, акционером общества выступило Главное управление электротехнической промышленности ВСНХ (Главэлектро), которое также внесло на счет фонда 60 000 рублей[40].

Сумма в 200 000 рублей, изначально появившаяся на счетах организации, была достаточно скромной по меркам тех задач, которые стояли перед новым объединением[41]. Причем, как указывают документы, далеко не все взносы были выделены деньгами, но частично заменялись материальной продукцией[42]. Прежде всего, это касалось Треста слабых токов. Поскольку он выступал не только соучредителем общества, но и подрядчиком – производителем необходимой аппаратуры для развертывания радиовещания, – именно он в качестве учредительного взноса поставлял аппаратуру в объеме, эквивалентном необходимым для вложения средствам.

Предоставленные средства фактически сразу были вложены в дело. Общество только за первые три месяца своей деятельности сформировало пакет заказов на 205 000 рублей. Львиную долю из них, правда, получил все тот же Трест слабых токов, который, как показывают документы, был главным подрядчиком Радиопередачи по технологической линии. В частности, его заводы получили заказы на сумму в 190 000 рублей на изготовление различного радиооборудования. Еще 10 тысяч рублей для производства необходимой продукции получил трест Аккумуляторных заводов, и 5 тысяч – Госпромцветмет[43].

Позднее общество было докапитализировано с помощью ссуды от государства[44], а также за счет выпуска новых акций. На эти средства общество развернуло достаточно бурную деятельность по закупке оборудования, его реализации, а также по организации культурно-просветительской деятельности. Так, только за первые десять месяцев работы обществом было реализовано около 9 тысяч радиоустановок, более тысячи громкоговорительных установок было смонтировано в различных регионах страны[45]. Доход общества от продажи аппаратуры уже к августу 1925 г. превысил миллион рублей[46].

Однако в своей работе общество фактически сразу столкнулось с проблемами, которые сыграли крайне негативную роль в его дальнейшем развитии. Функционально организация частично замещала ряд государственных органов, что нередко приводило к конфликтам с ними. Это касалось и контента, и хозяйственных

вопросов, и, наконец, стратегии развития радио[47]. Трения возникали и с представителями ОДР и профсоюзов[48].

Кроме того, экономическую деятельность общества сложно было признать удачной. Уже в 1925–1926 гг. оно начало генерировать убытки, что было связано как с неэффективным коммерческим планированием (в частности, с неспособностью эффективно реализовывать заказанную у промышленности аппаратуру, что приводило к затовариванию)[49], так и с несвоевременным поступлением абонентской платы от населения[50] и с расходами по организации радиовещания.

Совокупность этих факторов способствовала критической оценке опыта коммерческих подходов к организации радиовещания еще до того, как это стало политической тенденцией. Так, уже в 1926 г. Коллегия Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции предлагала АО «Радиопередача» отказаться от торговой и коммерческой деятельности[51]. И хотя руководство общества уже осенью 1927 г. свернуло коммерческую деятельность «Радиопередачи», передав существующие функции сторонним организациям[52], его судьба была предрешена. В условиях централизации власти и перехода к ускоренной индустриализации сам принцип хозрасчета в отношении средств коммуникации выглядел анахронизмом. Его сменила новая модель управления, централизованная и опирающаяся на Наркомат почт и телеграфов как базовую организацию, отвечающую за развитие радиосети.

Причем новая структура не была оптимальной и в 1930-е гг. претерпела серьезные изменения, как юридические, так и организационные, однако общая логика централизации радиовещания, полноценного контроля над ним и планового типа хозяйствования в экономической сфере сохранилась до конца 1980-х гг.

Заключение

Бум радиовещания, который начался в СССР в 1924 г., стал следствием решений – политических, экономических, правовых, а также технологических, которые были приняты на уровне партийных властей и позволили резко активизировать развитие массового радиовещания. Эти решения фактически позволили создать материальную, социокультурную, правовую базы для развития массового радиовещания в стране.

Вместе с тем развитие радиовещания шло очень неравномерно. Не хватало технологических ресурсов, специалистов, инфраструктуры. При этом опора на коммерческую и общественную инициативы стала традиционной для начала этого периода и, надо признать, принесла определенные плоды. Однако такого рода развитие радиовещания имело ряд недостатков как организационного, так и экономического характера, что сказывалось на темпах и эффективности развития массового радиовещания. Но, главное, такой формат развития к концу 1920-х гг. не отвечал политическим и экономическим задачам, поставленным руководством партии в условиях ускоренной модернизации страны. В этих условиях коммерческое акционерное общество «Радиопередача» было упразднено, а его функции были переданы Наркомату почт и телеграфов. Общественный сегмент поддержки развития радиовещания сохранялся гораздо дольше, но его юридическая и фактическая регламентация стала более системной в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Радиовещание и организационно, и экономически стало сугубо – без всяких оговорок – государственным.

Примечания

[1] *Круглова Л.А.* О зарождении радиовещания: документы, цифры, даты (1914–1927 гг.) // Радио: начало истории. К 120-летию. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2017. С. 52–56.

[2] См. напр.: *Овсепян Р.П.* История новейшей отечественной журналистики. М., 1999.

[3] *Николаев А.М.* Ленин и радио. М., 1958 Режим доступа: http://www.museum.unn.ru/managfs/index.phtml?id=13_6_07 (дата обращения: 01.09.2016).

[4] Декрет «О централизации радиотехнического дела в РСФСР». Режим доступа: http://lawru.info/dok/1918/07/21/n1206108.htm (дата обращения: 23.06.2017).

[5] См. напр.: Радиожурналистика / под ред. *Шереля А.А.* М., 2000.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Лл. 94–96.

[7] Там же. Л. 99.

[8] Именно такой термин чаще всего использовался в документах 1920-х гг. применительно к массовому радиовещанию.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Л. 94–95.

[10] Там же. Л. 95.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Лл. 94–96.

[15] Там же. Л. 96.

[16] Постановление СНК от 4.07.1923 г. «О радиостанциях специального назначения» // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 972–973.

[17] Постановление СНК «О частных приемных радиостанциях» // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 973.

[18] Там же.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Л. 82.

[20] См.: Из стенограммы заседания комиссии ЦК ВКП(б) по улучшению радио и кино // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 50–66.

[21] Сост. по: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 804. Л. 173–174.

[22] Наиболее загадочно в данной таблице выглядит «Госрадио». На практике такой организации не существовало как серьезного центра управления вопросами радио. При этом, учитывая позднейшие дискуссии по вопросу создания специализированного органа управления радиовещанием между представителями АПО ЦК, АО «Радиопередача» и Наркомпочтеля и др., а также пересечение ряда его функций с другими профильными структурами, можно предположить, что создание органа предлагалось, но так и не состоялось в обозначенном виде.

[23] *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 37–38.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 804 Л. 172.

[25] Декрет СНК РСФСР от 21.07.1918 «О централизации радиотехнического дела» // Декреты советской власти. М., 1964. Т. 2. С. 54–61.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Наркомфин обычно не выделяют среди организаций, регулирующих СМИ в период НЭПа, однако фактически он осуществлял финансовый контроль в сфере, а также частично осуществлял субсидирование отрасли. В отношении радио см. напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 804. Л. 172.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 805. Л. 149.

[30] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Л. 86.

[31] Из стенограммы заседания комиссии ЦК ВКП(б) по улучшению радио и кино // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 57.

[32] Так, например, вопрос государственной ссуды для АО «Радиопередача» в 1925 году санкционировался, в том числе, Советом труда и обороны СССР.

[33] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 804. Лл. 173–174.

[34] В качестве одной из наиболее знаковых организаций подобного рода в этот период можно вспомнить ОСАВИАХИМ.

[35] См. напр.: *Петрова В.Д.* Деятельность общества друзей радио в Якутии в 1920–1930-х годах XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 89.

[36] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 747. Л. 50.

[37] Там же.

[38] Так, в Якутской АССР отделение ОДР было создано в 1929 г. См.: *Петрова В.Д.* Деятельность общества друзей радио в Якутии в 1920–1930-х годах XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 89–95.

[39] Изначально называлось «Радио для всех». Оно было организовано 1 октября 1924 года, но почти сразу сменило название на «Радиопередача».

[40] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр.757. Л. 88.

[41] Там же.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] В частности, весной и летом 1925 года АО «Радиопередача» получила ссуду в 1,5 млн руб // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Л. 80.

[45] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 757. Л. 81.
[46] Там же. Л. 82.
[47] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Ед. хр. 804. Л. 180, 184–185.
[48] Там же. Л. 176.
[49] Там же. Л. 172.
[50] Там же. Л. 151.
[51] Из постановления Коллегии НК РКИ СССР по вопросу о радиотелефонном деле // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 32/
[52] Информационное письмо руководителям радиовещания и уполномоченным «Радиопередачи» от 14 февраля 1928 года // «Великая книга дня...» Радио в СССР / под. ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007. С. 36.

Библиография

«Великая книга дня...». Радио в СССР / под ред. *Т.М. Горяевой*. М., 2007.

Глейзер М. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). М., 1989.

Горяева Т.М. Радио России: политический контроль советского радиовещания в 1920–1930-х годах. М., 2009.

Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание: страницы истории. М., 1976.

Летунов Ю.А. Время, люди, микрофон. М., 1974.

Николаев А.М. Ленин и радио. М., 1958.

Петрова В.Д. Деятельность общества «Друзей радио» в Якутии в 1920–1930-х годах XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 89–95.

Пряженникова М.В. Становление и развитие радиофикации на территории восточного Забайкалья (1920–1930-е гг.) // Гуманитарный вектор. Серия: педагогика, психология. 2011. С. 100–104.

Радио: начало истории / под ред. *О. Тихоновой*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017.

Радиожурналистика / под ред. *Шереля А.А.* М., 2000.

Ружников В.Н. Лекции по истории отечественного радиовещания 1895–2001. М., 2002.

Хисамутдинова Н.В. От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. С. 104–112.

Notes

Dekrety sovetskoy vlasti. T2. [Decrees of the Soviet Power. Vol. 2 (1964)]. Moscow.

Il'ina I.N. (2000) *Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody.* [Russian Public Organizations in the 1920s]. Moscow.

Kruglova L.A. (2017) O zarozhdenii radioveshchaniya: dokumenty, tsifry, daty (1914–1927 gg.) [On the Emergence of Radio Broadcasting: Documents, Figures,

Dates (1914–1927)]. In *Radio: nachalo istorii. K 120-letiyu.* [Radio: the Beginnings of History. To the 120th Anniversary]. Moscow: Faculty of Journalism. Pp. 52–56.

Ovsepyan R.P. (1999) *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistiki*. [History of Contemporary Russian Journalism]. Moscow.

RGASPI. F. 17. Op. 60 [Russian State Archive of Social and Political History. F. 17, inv. 60].

References

Gleyzer M. (1989) *Radio i televidenie v SSSR. Daty i fakty (1917–1986)*. [Radio and Television in the USSR. Dates and Facts (1917–1986)]. Moscow.

Goryaeva T.M. (ed.). (2007) *«Velikaya kniga dnya...». Radio v SSSR.* ["The Great Book of the Day...". Radio in the USSR]. Moscow.

Goryaeva T.M. (2009) *Radio Rossii: politicheskiy kontrol' sovetskogo radioveshchaniya v 1920-1930-kh godakh* [Radio in Russia: the Political Control of Soviet Radio Broadcasting in the 1929s – 1930s]. Moscow.

Gurevich P.S., Ruzhnikov V.N. (1976) *Sovetskoe radioveshchanie: stranitsy istorii.* [Soviet Radio Broadcasting: Pages of History]. Moscow.

Khisamutdinova N.V. (2016) Ot «Proletradio» k regulyarnomu veshchaniyu. [From Proletradio to Regular Broadcasting]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa:* 104–112.

Letunov Yu.A. (1974) *Vremya, lyudi, mikrofon.* [Time, People, Microphone]. Moscow.

Nikolaev A.M. (1958) *Lenin i radio.* [Lenin and Radio]. Moscow.

Petrova V.D. (2014) Deyatel'nost' obshchestva «Druzey radio» v Yakutii v 1920–1930-kh godakh XX veka. [Activities of the Friends of Radio Society in Yakutia in the 1920s –1930s]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* 4: 89–95.

Pryazhennikova M.V. (2011) Stanovlenie i razvitie radiofikatsii na territorii vostochnogo Zabaykal'ya (1920–1930-e gg.) [Emergence and Development of Radio Installation in the Eastern Transbaikal Territory (the 1920s – 1930s)]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: pedagogika, psikhologiya:* 100–104.

Ruzhnikov V.N. (2002) *Lektsii po istorii otechestvennogo radioveshchaniya 1895–2001.* [Lectures on the History of Russian Radio Broadcasting of 1895–2001]. Moscow.

Sherel' A.A. (ed.) (2000) *Radiozhurnalistika* [Radio Journalism].Moscow.

Tikhonova O. (ed.) (2017) *Radio: nachalo istorii* [Radio: the Beginnings of History]. Moscow: MSU.

Поступила в редакцию
07.09.2017

Кузнецова Наталья Владимировна, соискатель кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: nataly-journ@yandex.ru

ОБРАЗ ВЕДЬМЫ В «ИСТВИКСКИХ ВЕДЬМАХ» ДЖ. АПДАЙКА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Статья посвящена анализу романа Дж. Апдайка «Истви кские ведьмы». Обратив современную женщину в ведьму, Апдайк наделяет ее властью устанавливать новый миропорядок и таким образом переосмысливает ее роль в современном – эмансипированном – обществе. Ведьма приводит общество к гротескному матриархату. В результате нарушение природного баланса между мужчиной и женщиной, возникшее несколько веков назад, не только не устраняется, но, напротив, пускает еще более глубокие корни. В статье приведен краткий обзор изображения ведьмы в европейской (романтической) и американской литературе, устанавливается связь романа «Истви кские ведьмы» с традициями предшественников, обосновывается новизна в трактовке Апдайком образа ведьмы.

Ключевые слова: *американский реализм, Апдайк, «Истви кские ведьмы», Сейлемский процесс, ведьма, мифологема.*

Natal'ya V. Kuznetsova, PhD degree-seeking student at the Chair of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nataly-journ@yandex.ru

THE IMAGE OF A WITCH IN J. UPDIKE'S NOVEL "THE WITCHES OF EASTWICK": TRADITIONS AND INNOVATION

The author gives a brief comparative analysis of the image of a witch and witchcraft in European Romantic and American literature, then links J. Updike's novel "The Witches of Eastwick" with the traditions of his predecessors and finally emphasizes the novelty of the writer's portrayal of witchcraft in the aforementioned book. The witch is traditionally portrayed as a woman associated with nature and possessing new knowledge. Updike uses this tradition in his novel with some modifications: he empowers his witches of Eastwick with a supernatural force and allows them to establish a new world order in the new American society. The witches, like tricksters, destroy the former order and transform the society into a grotesque matriarchy. As a result, the age-old disruption of the natural balance between men and women is far from being removed; moreover, the situation only deteriorates.

Key words: *American realism, Updike, "The Witches of Eastwick", Salem witch trials, witch, mythologem.*

Введение

Исследователи творчества Апдайка по-разному относятся к мифологизму его произведений: одни восхищаются мифотворчеством писателя, другие обвиняют его в отсутствии вкуса, вторичности, искусственной усложненности. Исследователь Апдайка Роберт Детвейлер пишет, что после выхода «Кентавра» роман в лучшем случае называли неудачным, а в худшем – обвиняли в продажности и потакании популярной моде (Detweiler, 1984: 62). Весьма негативный отклик, который часто цитируют в монографиях об Апдайке, принадлежит писателю и критику Дж. Олдриджу: «Один из очевиднейших изъянов Апдайка – это <...> несоответствие между сложностью и претенциозностью его символизма и бедностью драматизма» (Aldridge, 1977: 26). Даже Р.Д. Орлова-Копелева, близко знавшая Апдайка, писала: «Переходы из одного художественного мира в другой не всегда плавны, подчас они головокружительны <...> тогда сбивается настройка на одну волну, и все мертвеет, обнажается конструкция, за блистательной сценой видны пыльные задники декораций» (Апдайк, 1966: 283). Одним из немногих, кто оказался способен разглядеть талант Апдайка сразу же после выхода романа «Кентавр», был литературовед и переводчик С.П. Маркиш. В предисловии к первому советскому изданию «Кентавра» он говорит о мастерстве, с которым «все эти элементы (реальный, мифологический и фантастический. – *Н.К.*) переплетаются и пронизывают друг друга, и в особенности истинно ювелирная тонкость таких переходов не может не восхищать. <...> На стыках, идеально пригнанных и зашлифованных, и обнаруживается всего яснее смысл и назначение вновь введенного мотива» (Маркиш, 1966: 10).

В дальнейшем критики все охотнее признавали мифотворческое мастерство Апдайка. К примеру, Н.Л. Иткина, посвятившая его творчеству монографию, пишет: «В мифе находит он искомые «глубину и перспективы», которых не хватает многим его современникам, совершает прорыв в иное пространство и время. <...> В мифе проявляется единство всего сущего. Природное и человеческое переступают разделяющие их границы, одни жизненные формы перетекают в другие, срастаются в бесконечные ряды овидиевских метаморфоз» (Иткина, 2010: 177). Американская исследовательница Руфь-Мари Митч, защищая Апдайка от обвинений в манипулировании мифом и его упрощении, писала о романе «Бразилия»: «Апдайк добился успеха в преобразовании классической истории (о Тристане и Изольде. – *Н.К.*), так что его роман способен

говорить сквозь поколения, культуры и страны» (Mazzeno, 2013: 119). Называя Апдайка реалистом (так называл себя и он сам), большинство критиков тем не менее сходится во мнении, что мифологический характер свойственен всему его творчеству в целом: и тем произведениям, в которых миф нарочито выставлен наружу («Кентавр», дилогия об Иствикских ведьмах, «Бразилия»), и тем, в которых миф тщательно скрыт под реалистически-бытовым покровом («Ярмарка в богадельне», «Ферма», «Супружеские пары», «Давай поженимся», тетралогия о Кролике, «Переворот»)[1]. Сам Апдайк так характеризовал свое творчество: «Простой реализм никогда меня не удовлетворял: все эти реплики типа «сказал он» и «сказала она», эти скучные домашние неурядицы и обязательная глава, в которой герой обретает прозрение. Конечно, читатели должны видеть сюжет, где правдиво изображается своеобразие обыденности; однако необходимо, чтобы страница печатной прозы придавала этому подражанию действительности нечто большее, нечто сверхъестественное <...> некую сверхнорму, соответствующую всей сложности реального мира»[2].

В основу настоящего исследования лег роман «Иствикские ведьмы», написанный Апдайком в 1984 г., который американская критика приняла достаточно тепло[3]. Главная задача исследования заключается в том, чтобы после краткого обзора изображения ведьмы в американской и европейской художественной литературе XIX и XX вв. обозначить в романе «Иствикские ведьмы» как традиционные для этой тематики черты, так и новаторство Апдайка, а также выявить новые смыслы, которые вложены Апдайком в этот образ. Научная новизна обоснована недостатком комплексного исследования образа ведьмы как в американской литературе в целом, так и в творчестве Апдайка в частности. Научные работы о ведьмах либо посвящены историческому аспекту (см., к примеру, сочинения Demos J.P. “Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England”, 1982; Upham C.W. “Salem Witchcraft: With an Account of Salem Village and a History of Opinions on Witchcraft and Kindred Subjects” (Vol. 1, 2), 1959; Boyer P. “Salem Possessed: The Social Origins of Witchcraft”, 1974; Karlsen C.F. “The Devil in a Shape of a Woman”, 1998 и др.), либо образ ведьмы рассмотрен в контексте феминистских выступлений (например, в диссертациях Grafton. D. “New American Witches: A Transitioning Figure in the Twentieth Century”, 2008; Kimberly A.W. “Screaming, Flying, and Laughing: Magical Feminism’s Witches in Contemporary Film, Television, and Novels”, 2007;

Pegram W.S. “Witchcraft and Womanhood: John Updike’s Vision of Power in the Witches of Eastwick”, 1993 и др.).

Здесь же отметим несколько противоречивую роль ведьмы в американской литературе. С одной стороны, историческое прошлое Америки, связанное со скандальными Сейлемскими процессами – жестокими и несколько архаичными (по меркам вполне рационалистического конца XVII века в Европе), – не могло не найти отражения в художественной литературе. Однако на деле, за исключением Готорна, чей предок был одним из главных действующих лиц Сейлемского процесса, американских романтиков – Ирвинга, По, Мелвилла – образ ведьмы не интересовал. Мелвилл о сверхъестественном (в строгом смысле слова) не писал и, подобно Ирвингу, не уделял образам женщин особого внимания. Э. По изображал женщин преимущественно в одной ипостаси: молодая, прекрасная, нервная, болезненная девушка – черты, прямо противоположные традиционным ведовским[4]. Впрочем, если определить ведьму как обладательницу магического знания, наделенную способностями воздействовать на природу и человека и совершать сверхъестественные поступки[5], то в один ряд с ведьмами можно поставить вампиров (Кларимонду из новеллы «Любовь мертвой красавицы» Готье, «Кармиллу» Ле Фаню, баронессу и Аврелию из «Вампиризма» Гофмана, Люси из «Дракулы», «Лигейю» и «Мореллу» Э. По и др.) персонажей, чья фантастическая, ведовская, сущность выражена лишь условно (графиня из «Пиковой дамы» Пушкина, Кунигунда фон Турнек из пьесы фон Клейста «Кетхен из Гейльброна», Джеральдина из поэмы Кольриджа «Кристабель», Перл и миссис Хиббинс из романа Готорна «Алая буква», героини пьесы А. Миллера «Суровое испытание») и даже произведения искусства – статую («Венера Илльская» Мериме) и куклу (Олимпия из «Песочного человека» Гофмана). В кратком обзоре «ведьм», изображенных в европейской и американской литературе, нас, прежде всего, будут интересовать отношения ведьмы с природой и социумом, а также ее конфликт с христианством и обладание мистическим знанием.

Европейские и американские традиции в изображении ведьм

Основополагающим в образе ведьмы является ее теснейшая связь с природой – куда более явная и концентрированная, чем у женщины в ее «культурной» ипостаси[6]. Практически полная неот-

делимость от природы проявляется, прежде всего, в месте обитания ведьмы: ее жилище, как правило, расположено вдали от цивилизации, в сакральном пространстве, где действуют особые законы. Это может быть либо лес («Вечер накануне Ивана Купалы», «Белокурый Экберт»), либо самые отдаленные городские и сельские окраины, граничащие с дикой природой («Карлик Нос», «Лафертовская маковница», «Золотой горшок», «Майская ночь», «Любовь мертвой красавицы»; в «Вампиризме» Гофмана замок графа расположен рядом с кладбищем). Связь с природной архаикой обнаруживается у ведьмы и во внешности (стара, сгорблена, обращена к земле, уродлива), и в разговоре (не членораздельная речь, а шепот, хрип, стон), и в способности превращаться в животных (кошка в «Майской ночи, или Утопленнице» или змея в «Руслане и Людмиле»), и в роде деятельности (травница в «Карлике Носе»), и в происхождении (торговка яблоками из «Золотого горшка» – результат брака свеклы с пером черного дракона). Другой ипостасью ведьмы (особенно в европейской литературе) является «культурная», цивилизованная женщина, зачастую – светская дама, которая зависима от социума и вынуждена время от времени обращаться к людям за необходимыми ресурсами. Колдунье из «Карлика Носа» приходится выбираться на городской рынок за продуктами; ведьма и колдун из «Вечера накануне...» не могут найти клад без помощи Петруся; старухи из «Золотого горшка» и «Лафертовской маковницы» продают свой товар по вполне меркантильным соображениям («...краснощекие яблочки, которые, когда люди их купят, опять перекатываются из их мешков в мою корзину»); ведьма в «Вие» содержит хуторок и иногда впускает постояльцев, чтобы восполнить недостающую энергию; Кунигунда фон Турнек соблазняет мужчин, чтобы расширить свои угодья; Кларимонда – чтобы добыть из любовников живительную человеческую кровь. Впрочем, из-под «культурной» маски – старой няньки Лизы, маковницы, соседской знахарки, молодого рыцаря, благородной правнучки императора – то и дело проступает страшное лицо: ведьма оказывается разоблаченной и либо погибает, либо вновь вынуждена прятаться от людей.

Отметим, что у американской ведьмы несколько иные отношения с социумом. Сейлемский процесс – сугубо исторический материал для литературы, – прежде всего, привел к большей связи с реальностью: зачастую покров сверхъестественного в произведениях американских писателей лишь небрежно набросан на реаль-

ные факты (как, например, в романах Готорна «Алая буква» и «Дом о семи фронтонах», в его же «Молодом Брауне», где фантастика может быть объяснена кошмарным сновидением, или в пьесе Миллера «Суровое испытание», которая формально посвящена Сейлемскому процессу, а на деле является жесткой критикой маккартистской «охоты на ведьм»). По сути, ведьма в американской литературе – персонаж, во многом лишенный «инаковости», экзотики, которая полностью отчуждала бы ее от социума и роднила с природой. Повествователь в «Хохолке» признается: «Честное слово, если бы я не слыхал этой сказки, еще сидя на коленях у моей бабушки, и если бы тогда же, до того как я смог проверить ее достоверность своим детским умом, она не утвердилась бы в моем сознании как нечто столь же достоверное, как и самые правдоподобные вещи, я сомневаюсь, посмел бы я ее теперь рассказывать»[7]. Местом обитания ведьмы является жилище в черте поселения, по соседству с остальными горожанами. В «дикое» пространство она приходит лишь за энергией, сакральным знанием либо «для приобщения к родному племени» – ситуация, прямо противоположная европейской, где ведьма, наоборот, приходит за необходимыми ресурсами из дикой природы в цивилизацию. Ее внешность в целом неотличима от внешности любого другого человека, ее характер – более цельный, не распадается на «культурную» и «дикую» ипостаси, по сравнению с «двуликой» европейской ведьмой, а ее речи не только не походят на свист, хрип или стон, но, напротив, могут, подобно речам матушки Ригби («Хохолок») или тетушки Клойз («Молодой Браун»), являться образцом для других («Она учила меня катехизису»[8]). Все это не делает ведьм полноправными членами общества – обычные горожане их боятся и ненавидят, – но все же больше сближает их с социумом. Благодаря этому становится весьма существенным обличение вполне реальных, а точнее – социально-исторических проблем посредством образа ведьмы (и ведовства), из которых главные – намеренная десоциализация человека, незаконное присвоение чужих земель, а также кризис церкви и подмена истинной веры фанатизмом (наиболее ярко эти проблемы проиллюстрированы в романах Готорна «Алая буква» и «Дом о семи фронтонах», а также в пьесе Миллера «Суровое испытание»).

И в европейской, и в американской литературе ведьма ведет активную борьбу с христианским учением, предлагая взамен новое, альтернативное христианскому мистическое знание[9]. В европей-

ской новелле это знание – прямая противоположность христианству как таковому (христианство//язычество в «Венере Илльской»), а также христианским добродетелям (невинность, смирение//сладострастие, разврат в «Любви мертвой красавицы», «Дракуле», «Кармилле»; любовь к ближнему//жестокосердие, безразличие в «Снежной королеве». Вспомним также, что в «Вие», «Кармилле», «Любви мертвой красавицы» ведьмы вступают в открытую борьбу со священнослужителями). В американской литературе ведьмы также предлагают согражданам новое (в противовес старому – отжившему, христианскому) мистическое знание, сопряженное с новым мироустройством, однако исходное противостояние христианского//языческого, божественного//дьявольского оказывается несколько размыто[10]. Более того, новое мистическое знание зачастую опирается на церковную атрибутику – молитву или ритуал. К примеру, на шабаше в лесу в новелле «Молодой Браун» воспроизводится церковная проповедь: туда являются «весьма благочестив(ая) матрон(а), которая в детстве учила его (Брауна. – *Н.К.*) катехизису и до сих пор оставалась его советчицей в делах религии и нравственности», священник («ведь вы же знаете, без меня там не могут начать») и церковный староста Гукин. Сам дьявол обращается в Брауна – самого сурового салемского пуританина. Мелодия, звучащая на шабаше, – это гимн из молитвенного дома, место обращения схоже «с алтарем или кафедрой, и вокруг нее, точно свечи на вечерней молитве, стояли четыре горящие сосны»[11]. У Лавкрафта в «Снах в Ведьмином доме» весьма способствует колдовству ведьмы возносящий молитвы польский католик: «Молитва – заговор от Хаоса Наступающего – вот она обращается в необъяснимо торжествующий визг – насмешливая действительность слилась наконец с лихорадочным сном»[12].

Таким образом, ведьма в европейской и американской литературе XIX – первой половины XX в. представляется существом, наделенным особым, мистическим знанием, превосходящим человеческое, а также медиатором, посредником, который, с одной стороны, несет в себе признаки обоих враждующих лагерей – бытового и сакрального, однако, с другой стороны, с трудом вписывается в социум.

Исходя из двух основных положений – 1) отношение ведьмы с цивилизацией и обществом; 2) отношение ведьмы с природой, – мы определим преемственность традиций и новаторство в изображенных Апдайком иствикских ведьмах. Здесь же следует огово-

рить наше отношение к двуплановому характеру романа. Как и в «Кентавре», в «Иствикских ведьмах» Апдайк выставляет мифологический план наружу, отдавая тем самым предпочтение более архаичному и статичному, в сравнении с бытовым, «ядру» мироустройства. Именно миф, по мнению как самого Апдайка, так и его исследователей, способен наиболее ярко и доказательно объяснить социальные сдвиги (сам он писал: «(миф) олицетворяет дурное сознание нации: изъяны национального духа увеличиваются и ведут к закономерной гибели» (Schiff, 1992: 8)). Мы также сосредоточимся на мифологическом плане, оставив реалистическую ипостась ведьмы за рамками данной работы.

Иствик как модель нового мироустройства

Вымышленный провинциальный городок Иствик помещен Апдайком в штат Род-Айленд. Наравне с Массачусетсом (Сейлем в произведениях Готорна и Миллера, а также вымышленный Аркхем у Лавкрафта), Вермонтом («Дом о семи фронтонах») и штатом Мэн (подавляющее большинство произведений Кинга) Иствик входит в старейший в Америке регион Новую Англию[13] – место, где истории о ведьмах и прочей нечисти еще не забыты. В географическом плане этот город является точкой, где локальность (Род-Айленд – самый крошечный из 50 штатов) включает в себя «безбрежные американские просторы, почти неезженные дороги посреди протяженных индустриальных пейзажей» (11)[14]. Исконно ведовское (именно здесь жила легендарная ведьма Энн Хатчинсон) в нем переплетено с пуританским и католическим («изначально штат был прибежищем квакеров и антиномов, последних апологетов пуританизма, – теперь здесь заправляют католики»); викторианские домики соседствуют с «ублюдочной местной архитектурой»; фабрики и супермаркеты стоят на фоне заболоченных полей и «лунных» пейзажей; бедные районы располагаются рядом с курортами для богачей. Иными словами, Иствик, собравший в своей истории и географии столько противоположных и противоречивых элементов, представляется моделью самой Америки. Именно Иствик, а не его окраины или дикие леса и болота наполняет магией трех ведьм, что указывает на их включенность в жизнь общества. Более того, когда ведьме надоедает соседство с обществом, она *изгоняет* назойливых горожан («Александра решила очистить пляж для себя и Коула, вызвав грозу» (18)). Апдайк даже отчасти наделяет ведьм функция-

ми Бога, единого в трех лицах, – ситуация немыслимая ни для европейской романтической литературы, ни для американской. Так, Александру, которая создает из глины человеческие (исключительно женские) фигурки, можно соотнести с Богом-Творцом, Сьюки, которая работает репортершей в газете с говорящим названием «Слово» и несет это слово иствикцам, – с Богом-Сыном, а играющую на виолончели в церкви Джейн – хоть и не так очевидно – со Святым Духом («механические движения (ее) рук вкупе рождали дух» (253)).

В «Иствикских ведьмах», как и в «Кентавре» и более поздней «Бразилии», мифологический сюжет сосуществует на равных правах с бытовым[15] и возникает на сугубо реалистическом фундаменте. Исторический фон романа – американская провинциальная рутинная жизнь 1960-х гг., отмеченная всплеском феминистических выступлений[16] и дополненная реалистическими описаниями адюльтеров, сплетен, слухов, семейных дрязг и бытовых деталей. Даже секс, который Апдайк часто мифологизирует[17], здесь предельно прозаичен и натуралистичен, что обнажает исключительно плотскую связь между мужчиной и женщиной, лишенную всякой духовности. Серость и унылость будничной жизни Апдайк – будучи профессиональным художником – раскрашивает в блеклые, мутные цвета: все ауры церковных прихожан «смешались в единое серое пятно, словно растекшиеся акварельные краски»; ковровое покрытие на полу церковной гостиной – «уныло-зеленого цвета гусиного поноса» (63). Ведьмы, способные трансформировать мир вокруг себя, не просто «оживляют» пространство, внося в него элементы игры, но и устанавливают в нем новый порядок. В этом сочетании разрушительного озорства и созидания, или, по выражению М. Липовецкого, «подрывной деятельности» с «культуростроительным эффектом», заложен ключ к пониманию особенной – трикстерской – природы апдайковских ведьм.

Борьба феминисток за свои права в реалистическом плане оборачивается гротескным матриархатом в плане мифологическом, где женщина есть «оплот продолжающегося Творения, дщерь дщери и женщин[а], чьи дочери, в свою очередь, выносят дочерей» (18). Мужские и женские качества рассматриваются Апдайком в бинарной оппозиции «мужское–женское» и в целом не выходят за рамки традиционных мифологических представлений. Ведьме свойственна слитность с Вселенной, на бытовом (садоводство, кулинария, хобби) и сакральном (колдовство) уровнях – взаимодействие с органикой и

природой. Магическая сила и энергия ведьмы в условиях иствикского пространства увеличивается. Посредством магических действий она возвращается к прошлому, первобытному, в глубь веков, к истокам: «... эта бесконечность стала прорастать сквозь людские поколения и поколения людей-приматов вспять, потом еще дальше в глубь веков, сквозь эру земноводных и рыб, к эре водорослей, из которых состряпалась первая на пустынной тогда земле ДНК» (18). Мужчина, напротив, тянется в будущее, к прогрессу, его деятельность связана с миром неорганическим, искусственным: «Нынешний век – лишь младенчество; синтетические полимеры будут сопровождать нас до наступления миллионного года или по крайней мере до тех пор, пока мы не взорвем себя...» (58). В условиях иствикского «женского» пространства мужчине свойственен распад, вплоть до рассыпания («К моменту их официального развода ее бывший господин и повелитель превратился просто в прах... некую полихромную пудру, которую Александра смела в кучку, ссыпала в банку и хранила теперь в качестве сувенира» (8)). В отличие от ведьмы, мужчина в Иствике слабеет и деградирует, приближаясь по своему интеллектуальному развитию к уровню ребенка («Здесь, в Род-Айленде, сила стала расти и заполнять Александру словно газ, и, пока ее дорогой Оззи ежедневно мотался своим обычным маршрутом <...>, она сократила его сначала до размеров обычного мужчины <...>, а потом – до размеров ребенка <...>. Он совершенно утратил контакт с ширящейся внутри нее Вселенной, стал на равных с их сыновьями участвовать в деятельности лиги малышей <...>» (8)).

Итак, главным свойством Иствика является некоторое искажение действительности, а точнее – нарушение естественного равновесия: мужчины подавлены или уничтожены женщинами либо утрачивают индивидуальность, эмоции, мышление. Угнетатели женщин и преобразователи природы в недавнем прошлом, в настоящее время они либо превратились в автомат (яркий пример – безэмоциональная сцена убийства Клайдом своей жены), либо переняли часть женских свойств (Ван Хорн и Крис показаны в романе гомосексуалами). Женщины, подвергавшиеся в прежние времена обвинениям в ведовстве, гонениям и унижениям, обретают «мужскую» энергичность, стремление к доминированию («Он ненавидел «энергичных» женщин-губернаторов, истеричных демонстранток против войны <...> Всех их Монти считал мужиками в юбках» (9)). Таким образом, нарушенное когда-то давно равновесие не устранено: ведьмы лишь переставили местами одни и те же слагаемые.

Амбивалентное отношение к природе

В отношениях с природой иствикские ведьмы отчасти наследуют традиции европейской и американской литературы: их магия неотделима от природы, наполнена ею и черпает из нее энергию. Не ограничиваясь природой земной, Апдайк, вслед за Лавкрафтом, открывает ведьме доступ к Вселенной. Более того, ведьма, по мысли писателя, и есть Вселенная, способная вобрать в себя окружающий мир («Невидимо для посторонних Александра начала расти и сделалась огромной, как воплощение вселенского материнского гнева, вобравшего в себя весь этот умиротворенный сентябрьский мир» (19)). Как ведьма в своих ритуалах копирует и имитирует природные процессы – от магического формирования грозы до искусственного создания/прерывания человеческой (и животной) жизни, – так и природа вслед за ведьмой копирует (а точнее – пародирует) ее жизнь. Так, к примеру, Александра получает не в меру богатый урожай помидоров, связав свою жизнь с «плодовитым» любовником, от которого его жена из года в год рожала детей («С тех пор как два года назад Джо Марино стал навещать ее ложе, какое-то абсурдное плодородие обуяло привязанные к колышкам растения <...>» (7)).

Однако намеренное игнорирование ведьмами основ естественного, природного созидания приводит их к неизбежному поражению в борьбе с природой за возможность создавать органическую жизнь. Во втором романе о ведьмах «Иствикские вдовы» (2008) Александра признается, что собственное отношение к природе всегда ставило ее в тупик: «Она воспитывалась на Природе, училась у нее, она сама была ею, и тем не менее было в ней нечто еще, нечто другое, что заставляло бояться Природы и ненавидеть ее»[18]. Почему же Александра ненавидит природу и, как следствие, проигрывает ей в создании новой органической жизни? Во-первых, исходное стремление ведьмы к нарушению равновесия противоположно сущности гармоничной природы, в которой торжествует соотносимость и согласованность всех составляющих (будто в насмешку, природа гармонично наделяет каждую ведьму четырьмя детьми – двумя мальчиками и двумя девочками). Впрочем, Апдайк не выступает здесь новатором. Вспомним литературных предшественников Александры, создатели которых также стремились к искусственному «конструированию»: и Кунигунде фон Турнек, и Хохолку, и Якобу, и Олимпии, и Мурлыкину, и Бурому Дженкину в той или иной степени свойственна неестественность

и несогласованность (либо непропорциональность) частей тела, которая зачастую приводит к рассыпанию на составные элементы. У глиняных скульптур Александры «одна половина фигурки получается нормальной, а вторая – абсолютно бесформенной, просто какое-то нагромождение комков и торчащих концов» (202). Во-вторых, Александру пугает стремление природы к усложнению, в то время как ее магия основана на примитивизме: она замечает в природе тягу к постоянному увеличению, неконтролируемому росту, который не подчиняется человеческому – и ведовскому – сопротивлению (даже комично разросшиеся помидоры эту тягу символизируют). Связав природное «самоумножение» с раковой болезнью, Александра приходит к парадоксальному выводу: *соединение* частей в природе приводит к *разрушению* и гибели: «Рак. Александра боялась этого знака и повсюду в природе находила его подобие – в кустиках черники <...>, в гроздьях винограда <...>, в конусообразных гранулированных домах-холмиках, которые муравьи строили в расщелинах <...> – в любом неосмысленном, но неотразимо влекущем множестве» (30). Ведьма не способна увидеть в этом гармоничном множестве конструктивный элемент – в отличие от Ван Хорна, который объясняет, что даже микроорганизмы, бесконечно множась, могут создать особый мир («Этот маленький жучок каким-то образом, просто размножаясь, обратит все озеро в гигантскую батарею» (313)[19]). Кстати, «дьявола» Ван Хорна – представителя мужского лагеря – в природе страшит именно ее «возвращение» к простоте: в своей проповеди в церкви он с отвращением и ужасом рассказывает прихожанам о функционировании простейших организмов («Бог мой, какую же изобретательность проявил этот старый дед – Великий Творец, когда щедрой рукой создавал этих ничтожных дьяволят» (362)). В этом стремлении к примитивизму и упрощению заложено существенное отличие апдайковских ведьм от традиций предшественников: несмотря на дисгармонию, непропорциональность и несогласованность составных элементов, созданным «искусственным» образом существам в целом свойственно усложнение (возможно, поэтому им так сложно постоянно «удерживать» в себе большое количество разрозненных деталей). К примеру, «органические» существа представляют собой сложный синтез человека и зверя (Дженкин: крыса+обезьяна+человек; Мурлыкин: кот+человек), либо, как в случае с Кунигундой, «мозаику», собранную из человека, природных первоэлементов и неорганики, либо – как Олим-

пия – чрезвычайно тонкий и хрупкий механизм. Даже созданный из подручного хлама Хохолок в течение всего повествования стремится к утончению манер и усложнению своего внутреннего мира, пусть и вопреки воле матушки Ригби. В целом же деятельность иствикской ведьмы деструктивна: неугодный ей чужеродный элемент ведьма не преобразует, а уничтожает, будь то человек – в случае с убийством Дженнифер – или животное (белки и щенок, убитые Александрой).

В отношениях апдайковских ведьм с природой заложено противоречие более глубокое, чем у их предшественниц: не сумев отделить себя от природных и биологических процессов, которые совершаются вопреки их воле, и в то же время отвергая основы природного созидания, ведьмы в создании новой органической жизни бросают природе вызов и вполне закономерно проигрывают ей (сама Александра во второй книге дилогии называет свою созидательную деятельность – попытку сконструировать себе идеального мужа – лишь *имитацией* Творения).

Заключение

В целом, в своем романе Апдайк не выходит за границы традиционного изображения ведьмы. Остается теснейшая связь ведьмы с природой, а именно: умение слиться с ней, понимание ее глубинных таинств, познание ее сакральных свойств, недоступное обычному человеку («Укреплялось ощущение, что она (Александра) не просто несется на хребте Вселенной, но является ее соучастницей, такой же огромной изнутри, способной извлекать целебные соки из водорослей, кипящих в гигантском котле, и усилием воли обрушивать на землю ураганы. Александра была неотъемлемой частью этого коловращения» (248–249)). Остаются также традиционные мифологические характеристики, свойственные женщине: тяготение к слитности, архаике и органике, к хаосу, а не гармонии в создании новой материи. Между Природой (с прописной буквы, согласно Апдайку) и ведьмой писатель, на первый взгляд, ставит знак равенства, признавая ее самой природой и даруя ей возможность создавать человека из подручных материалов. Однако исторический фон, социальные сдвиги, сексуальная революция с ее радикальными феминистскими выступлениями, позволяют Апдайку внести в образ ведьмы некоторые новаторские черты, главная из которых – обретение ведьмой традиционно мужских свойств и качеств: энергичности, тяготения к

простым и грубым формам, к физической, а не духовной любви. Если в романтической литературе женщине было свойственно утончать, рафинировать уже имеющуюся материю[20], то иствикская ведьма склонна не столько к преобразованию, сколько к созданию новой материи, упрощенной и примитивной по сравнению с искусством Природы. По своим свойствам апдайковская ведьма вполне сходна с трикстером, если вслед за М. Липовецким выделить в трикстере такие ключевые признаки, как амбивалентность (ведьмы в романе связаны с природой и отрицают ее, отказываются от материнства и замужества и испытывают потребность быть матерью и женой) и функции медиатора (между магическим и реальным миром); трансформацию плутовства в художественный жест – «особого рода перформанс» (см. игру в теннис или порчу, наведенную на Фелисию); связь с сакральным контекстом[21]. Более того, ведьмы Апдайка наделены такой функцией трикстера, как конструирование мира, которое, в конечном счете, оборачивается его деконструкцией.

В новаторском ключе показаны в «Иствикских ведьмах» мужчины: в отличие от ведьм, они пассивны, неуверены в себе, тяготеют к более утонченным, изящным, хрупким и сложным формам («Вы не поверите, но имитация виноградных гроздьев на канделябрах такая ювелирная, что видны малейшие завитки усиков, есть даже пара маленьких жучков, на листьях можно разглядеть следы от укусов насекомых» (107), – восхищается Ван Хорн). Дьявол, который в традиции Готорна и Лавкрафта брал (или пытался взять) власть над миром в свои руки, а также выступал в качестве наставника или покровителя ведьмы, в романе предстает в роли актера и шута («Внезапно он раскланялся в шутовской манере фильма ужасов, приседая в своем старом черном смокинге, как хромой, его ноги производили неверные движения, как прикрепленные на шарнирах» (280)), вынужденного подчиняться законам иствикского матриархата и власти ведьм.

Ведовская магия на мифологическом уровне и радикальная женская эмансипация – на бытовом – не вносят в миропорядок ничего существенно нового. Сравнивая цели иствикских ведьм и Ван Хорна, Апдайк подчеркивает их тождественный характер: подчинить себе природу, избавиться от ее навязывающего гнета. Нарушение сбалансированного, гармоничного взаимодействия между мужчиной и женщиной, которое прослеживалось в Америке еще со времен первых колонистов и Сейлемских процессов, не только не исправлено, но укоренилось еще глубже.

Примечания

[1] Среди множества диссертаций и монографий, в которых рассматривается мифологический характер романов Апдайка, назовем работы Дональда Грейнера (Greiner, D. John Updike's Novels, 1984); Джека Де Беллиса (The John Updike Encyclopedia, 2000); Н.Л. Иткиной («Художественный мир Джона Апдайка», 2010).

[2] Цит. по: Bailey P. J. "Rabbit (un)redeemed: The Drama of Belief in John Updike's Fiction". P. 32.

[3] До выхода «Иствикских ведьм» Апдайка нередко обвиняли либо в женоненавистничестве, присвоении женским персонажам намеренно отталкивающих портретных черт и свойств характера, либо в том, что он вообще не уделяет образу женщин никакого внимания. Практически сразу же после выхода романа в газете New York Times появилась положительная рецензия Маргарет Атвуд, которая хоть и посетовала, что новый роман Апдайка представляет собой хаотичное нагромождение ярких метафор и перекрестных ссылок, все же отметила, что «Иствикские ведьмы» очень хорошо сделаны, что книга переосмысливает «магический реализм», что это, скорее, путешествие, а не конечный пункт назначения. В романе она видит отсылки одновременно к философии Кьеркегора, свифтовскому «Скромному предложению», популярному комиксу об Арчи Эндрюсе и лирике Джона Китса.

[4] Здесь стоит сделать небольшое пояснение. Традиционно считается, что ведьма должна представать либо безобразной старухой – именно такой образ оставил в наследство Шекспир, – либо роковой красавицей (А.В. Амфитеатров в труде «Дьявол в быту, легенде и литературе Средних веков» пишет о связи ведьмы с Венерой: «Венера, богиня любовной страсти, сохранив и в чертовках свою прелесть и очарование, по-прежнему распаляет людей неугасимой возлюбленностью, отнимает новобрачных мужей и жен»). Однако статистика американского историка Дж. П. Дэмоса показывает следующее: из 112 салемцев мужского и женского пола, обвиненных в колдовстве, только 18 женщинам на момент обвинения было меньше 18 лет и лишь двоим – больше 70. Возраст большинства (42) обвиняемых женщин – от 41 года до 60. На основании этой статистики Дэмос делает следующий вывод: большинство «ведьм» принадлежали среднему возрасту, когда человек, с учетом жизненного опыта, достигнутого материального положения и авторитета, мог наиболее полно использовать все свои возможности (см. подробнее: Demos J. P. Entertaining Satan, P. 65–68).

[5] Мифологический словарь / под ред. *Мелетинского*. М., 1990. С. 119–120.

[6] Б.А. Максимов в статье «Романтические координаты любви: «Люцинда» Ф. Шлегеля» пишет: « <...> женщина в современном мире, все более индустриальном и урбанизированном, менее отделена от природы, нежели мужчина. Цивилизация затронула ее лишь поверхностно, внутри же повелевает голос природы...». И далее: «По мысли романтиков, относительно слабая причастность женщины к процессам индустриализации и урбанизации и, с другой стороны, ее безоговорочная зависимость от биологических циклов <...> не позволяют ей радикально эмансипироваться, выделиться из природного состояния» (Максимов, 2015: 81).

[7] Сравним, к примеру, с гоголевским «Вечером накануне...»: историю эту рассказывает некий дьячок ***ской церкви, которому рассказал об этом его дед, а деду – тетка, при этом все повести «Вечеров» «швырнул в свет» какой-то пасичник Рудый Панько; у Гофмана «Золотой горшок» хоть и имеет подзаголовок «Сказка из новых времен», однако повествователь подчеркивает, что нет ни одного свидетеля произошедших событий («Но ни ты, благосклонный читатель, ни другой кто не шел 23 сентября в бурную и для колдовства приятную ночь...»); действие «Кетхен...» раз-

ворачивается в далеком средневековье; повествователь из «Любви мертвой красавицы» признается: «я сам не могу поверить, что это произошло со мной – настолько необычно случившееся»; повествование в «Кармилле» ведется от первого лица, но представляет собой найденный манускрипт. Намеренная дистанцированность от произошедших событий в европейской литературе в американской явно сглаживается (см., например, повествование от первого лица в «Морелле» и «Лигейе» По, отсылку к историческим сейлемским событиям в «Снах в Ведьмином доме» Лавкрафта и «Суровом испытании» Миллера).

[8] *Готорн Н.* Избранные произведения: в 2 т. Л., 1982. Т. 2. С. 61.

[9] «Новым в преследованиях В(едьм) в 16–17 вв. было то, что церковь и светские власти видели в них уже не одиночек, а «антицерковь» во главе с сатаной. Поэтому вопрос о шабаше как зримом выражении этой «антицеркви» со своим культом, представлявшимся перевернутым церковным культом, приобрел столь большое значение в судебных допросах обвиненных в ведовстве». (Мифологический словарь / под ред. *Мелетинского*. М., 1990. С. 119–120).

[10] Вероятно, это может быть связано с суровостью пуританской веры, в которой (парадоксальным образом) стирается различие между христианством и язычеством, богом и дьяволом. В ремарках и репликах «Сурового испытания» Миллер пишет: «Для европейцев эта была страна, населенная *варварской сектой фанатиков* <...> Даже рождества они не праздновали»; «Многие жалуются, что в Ваших проповедях *имя бога почти не упоминается*»; «Я не раз слышала, что люди боятся приводить в церковь своих детей». У Лавкрафта эта проблема нашла отражение в образах жутких и жестоких богов-демонов – Ньярлатхотепа, Дагона, Азатота, Ктулху и др.; у Кинга – в образе «языческого» Христа в «Детях кукурузы» («Ветхозаветный или, может быть, языческий Христос, который, вместо того чтобы пасти своих овец, ведет их на заклание», – пишет С. Кинг).

[11] *Готорн Н.* Указ соч. С. 65.

[12] *Лавкрафт Г.Ф.* Сны в Ведьмином доме. М., 2010. С. 278–279.

[13] Примечательно и то, что все вышеперечисленные писатели либо родились (Готорн, Лавкрафт, Кинг), либо умерли (Миллер) в Новой Англии. Кстати, и Апдайк – родом из соседней, Средне-Атлантической Пенсильвании – писал (и умер) в Массачусетсе.

[14] *Апдайк Д.* Иствикские ведьмы. М., 2011. Здесь и далее цит. по: *Апдайк, Дж.* Иствикские ведьмы. М.: АСТ: Астрель, 2011; с указанием номера страницы.

[15] Н.Л. Иткина замечает: «Метафоры и метаморфозы, бесконечные превращения одних форм в другие создают сплав реалистического сюжета с архаическими суевериями, верованием в магию, шаманство, ведьмовщину, – сплав житейской прозы со зловещей фантазией, отрезвленной апдайковской иронией <...> Быть может, ни в одном другом романе Апдайка искусство так не обнаруживает свое архимифическое сознание, свой дар мимикрии, сродни колдовским, шаманским играм «иствикских ведьм», свое упоение богатством жизненных форм» (Иткина, 2010: 181).

[16] Рост феминистических настроений и активная маскулинизация женщины в Америке – тема, достойная отдельного исследования, так что коротко остановимся лишь на основных причинах этого явления. Утрата американками традиционно «женских» качеств и добродетелей (скромность, молчаливость, покорность, необходимость и умение приспособиться к любым жизненным обстоятельствам) начала отражаться в американской литературе уже во второй половине XIX в. Вспомним, к примеру, заглавную героиню рассказа Г. Джеймса «Дэйзи Миллер» (1878): в ее простодушии и нежелании подчиняться правилам света окружающие увидели лишь вульгарность и чудовищную распущенность (в рассказе повествователь задается вопросом: «Является ли эксцентричность Дэйзи особенностью, *присущей ее*

стране и национальности, или же это ее личное качество»). Социально-историческими предпосылками к активизации феминисток послужили, несомненно, многочисленные ограничения в таких сферах жизни, как политика, образование, наука, а также эксплуатация женского труда в семье и на производстве; реакцией же стали протестные женские движения, охватившие весь мир, в том числе и Америку. Другой значимой причиной маскулинизации женщин нам представляется Великая депрессия, которая оставила мужчин без работы и вынудила женщин взять хозяйство полностью в свои руки (вспомним, к примеру, образ матери Джоуд из «Гроздьев гнева» Стейнбека). Наконец, еще одной важной причиной стал резкий экономический и технологический подъем в послевоенной Америке, упростивший жизнь домохозяйкам и предоставивший женщинам сферы деятельности, не связанные с физическим трудом.

[17] Н.Л. Иткина, например, видит в творчестве Апдайка глубинную связь между религией и сексом. Секс в романах Апдайка она называет инструментом познания индивидуальной психологии, новой религией, заменившей старую, единственной религией, которая осталась новому поколению, главной пружиной действия романов и – наконец – единственной сферой, где «герой способен чувствовать жизнь с той интенсивностью, которую художнику дает искусство» (Иткина, 2010: 73–74). Тони Тэннер связывает воедино темы секса и смерти: в эротическом натурализме Апдайка он видит зарождение ужаса, вызванного ощущением того, что мир растворился в хаосе (Mazzeno, 2013: 29).

[18] *Апдайк Дж.* Иствикские вдовы. М., 2010. С. 24.

[19] Идея схожа с мыслью Уэллса в романе «Война миров», где мир бактерий, сумев уничтожить армию марсиан, оказался в этом смысле куда могущественнее человеческого мира.

[20] Максимов Б.А. пишет о женском сознании, «которое, действуя *изнутри* и в согласии с телесной логикой и телесными позывами, постепенно облагораживает, *рафинирует* материю, т.е. делает ее более сложной и разнообразной, не сотрясая ее основ» (курсив – автора). (Максимов, 2015: 83).

[21] *Марк Липовецкий*. Трикстер и «закрытое» общество // НЛО. 2009. № 100. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html

Библиография

Амфитеатров А.В. Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://coollib.com/b/346679/read (дата обращения: 23.04.2017).

Иткина Н.Л. Художественный мир Джона Апдайка, М., 2010.

Максимов Б.А. Романтические координаты любви: «Люцинда» Ф. Шлегеля // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2015. № 5–6. С. 201–231.

Маркиш С. Олимп, Пенсильвания, 1947 // Апдайк Дж. Кентавр. М., 1966. С. 1–12.

Bailey P.J. (2006) *Rabbit (un)redeemed: The Drama of Belief in John Updike's Fiction*. Fairleigh Dickenson University Press.

Detweiler R. (1984) *John Updike*. Boston.

Demos J.P. (1982) *Entertaining Satan*. New York, Oxford.

Greiner D.J. (1984) *John Updike's Novels*. Ohio University Press.

MacNaughton W. R. (1982) *Critical Essays on John Updike*. G.K. Hall.

Mazzeno L.W. *(2013) Becoming John Updike*. Camden House.

McTavish J. (2016) *Myth and Gospel in the Fiction of John Updike*. Cascade Books.

Schiff J.A. (1992) *Updike's Version: Rewriting the Scarlet Letter*. University of Missouri.

Notes

Hawthorne N. (1982) *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 2.* [Selected Works in Two Volumes. Vol. 2]. Leningrad.

Lipovetskiy M. (2009) Trikster i «zakrytoe» obshchestvo [A Trickster and "Closed" Society]. *NLO* 100. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html

Lovecraft H.P. (2010) *Sny v Ved'minom dome*. [The Dreams in the Witch House]. Moscow.

Meletinskiy E.M. (ed.) (1990) *Mifologicheskiy slovar'*. [Mythological Dictionary]. Moscow.

Updike J. (2011) *Istvikskie ved'my.* [The Witches of Eastwick]. Moscow.

Updike J. (2010) *Istvikskie vdovy.* [The Widows of Eastwick]. Moscow.

References:

Amfiteatrov A.V. *D'yavol v bytu, legende i v literature Srednikh vekov* [The Devil in Everyday Life, Legend and Literature of the Middle Ages]. URL: http://coollib.com/b/346679/read

Bailey P.J. (2006) *Rabbit (Un)redeemed: The Drama of Belief in John Updike's Fiction*. Fairleigh Dickenson University Press.

Detweiler R. (1984) *John Updike*. Boston.

Demos J.P. (1982) *Entertaining Satan*. New York, Oxford.

Greiner D.J. (1984) *John Updike's Novels*. Ohio University Press.

Itkina N.L. (2010) *Khudozhestvennyy mir Dzhona Apdayka* [The Fictional World of John Updike]. Moscow.

MacNaughton W. R. (1982) *Critical Essays on John Updike*. G.K. Hall.

Maksimov B.A. (2015) Romanticheskie koordinaty lyubvi: Lyutsinda F. Shlegelya [Romantic Coordinates of Love: F. Schlegel's "Lucinde"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* 5–6.

Markish S. (1966). Olimp, Pensil'vaniya, 1947 [Olympus, Pennsylvania, 1947]. In J. Updike *Kentavr*. [The Centaur]. Moscow. Pp. 1–12.

Mazzeno L.W. *(2013) Becoming John Updike*. Camden House.

McTavish J. (2016) *Myth and Gospel in the Fiction of John Updike*. Cascade Books.

Schiff J. A. (1992) *Updike's Version: Rewriting the Scarlet Letter*. University of Missouri.

Поступила в редакцию
30.08.2017

Фролова Нина Викторовна, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ninavfrolova@mail.ru

СВОЯ КОЛЕЯ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МИР РУССКОЙ УСАДЬБЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.А. ФЕТА

В статье рассматривается изображение хозяйственно-экономического мира русской усадьбы дореформенной и пореформенной России в воспоминаниях А.А. Фета. Анализ мемуаров позволяет глубже понять особенности хозяйственно-экономического уклада России и по достоинству оценить личность А.А. Фета-помещика, избегнув какой бы то ни было тенденциозности.

***Ключевые слова:** А.А. Фет, А.Н. Шеншин, воспоминания, Степановка, русская усадьба, хозяйственно-экономический уклад, вольнонаемный труд.*

Nina V. Frolova, Senior Lecturer at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ninavfrolova@mail.ru

ONE'S OWN PATH: THE ECONOMIC WORLD OF THE RUSSIAN MANOR IN A.A. FET'S RECOLLECTIONS

The article examines the depiction of the economic world of the Russian manor in pre- and post-reform Russia in A.A. Fet's recollections. The analysis of his memoirs gives us a deeper understanding of Russia's economic structure and allows us to do justice to the personality of A.A. Fet as a landlord avoiding any bias.

***Key words:** A.A. Fet, A.N. Shenshin, memoirs, Stepanovka, Russian manor, economic structure, civilian labor.*

Введение

Творческое наследие Фета многообразно: это поэтические произведения, воспоминания, публицистика, прозаические опыты, переводы зарубежных поэтов и философов, огромная переписка.

Наиболее известны и оценены по справедливости поэтические произведения Фета[1]. Время все расставило по своим местам, и Фет занял по праву принадлежащее ему место среди поэтов первого круга России. Этому способствовали работы таких российских поэтов, как А.Блок и В.Брюсов, исследования выдающегося литературоведа Б.Я. Бухштаба (1990), работа Г.П. Блока «Летопись жизни и творче-

ства Фета» (1985)[2], составленная в 30-е гг. XX в., к которой обращаются все серьезные исследователи творчества Фета. Готовится полное издание сочинений А.А. Фета[3].

Менее известны проза Фета, его эпистолярий, публицистика и мемуары. Однако исследования по этим направлениям активно ведутся. Прежде всего надо назвать работы Л.И. Черемисиновой[4] и Т.О. Земледельцевой[5]. Анализу публицистики Фета посвятили свои статьи В.А. Кошелев[6] и Г.Д. Асланова[7]. Большая заслуга в изучении творчества Фета принадлежит А.Е. Тархову, подготовившему к публикации мемуары Фета[8].

Воспоминания А.А. Фета состоят из двух книг: «Мои воспоминания. А. Фет. Ч. I-II», изданные при жизни автора в 1890 г., и «Ранние годы моей жизни», их Фет готовил позже, они вышли уже после смерти автора, в 1893 г.[9] Впоследствии обе книги были опубликованы с сокращениями под общим названием «Афанасий Фет. Воспоминания»[10].

Воспоминания – важный источник для изучения истории и культуры. Их важнейшая социальная функция состоит в способности сохранять память о прошлом. Они содержат бесценные свидетельства и подробности о жизненном укладе, быте и нравах прошлого. Очень часто эти факты описываются сквозь личное восприятие автора, который и является в них главным действующим лицом.

Современное изучение мемуаристики строится на историко-типологическом подходе. Этот метод позволяет вычленить из мемуаров не только ретроспективную (выраженную) информацию, но и так называемую синхронную (косвенную, ненамеренную), помогающую полнее и правдивее охарактеризовать и самого автора, и окружающую его обстановку, а часто и уйти от давно устоявшихся стереотипов. *Мы не ставим своей целью проанализировать идейно-политическую позицию Фета*. Наша задача – показать, каким в воспоминаниях Фета отразился хозяйственно-экономический мир дворянской усадьбы.

Мемуары Фета, на первый взгляд, носят камерный характер, автор не пытается как можно шире представить свою эпоху. Они, безусловно, нарративны. Подобно летописному рассказу, воспоминания Фета строятся по хронологическому принципу. Фет выступает как повествователь, стремящийся лишь правдиво воспроизвести события прошлого, он не претендует на их обобщение или переосмысление. Ему довольно констатации единичных фактов. Но этим

значение мемуаров Фета не исчерпывается. Исследователь его прозы Л.А Черемисинова справедливо отмечает, что «личная летопись А.А. Фета была частью литературно-общественной летописи России 40-х—начала 90-х годов XIX века»[11].

А.А. Фет прожил очень долгую жизнь и был свидетелем ухода старого экономического уклада России. Это важнейшее событие в жизни России не могло не отразиться в его воспоминаниях. Однако он являлся не просто наблюдателем, но и непосредственным «строителем» этого нового хозяйственно-экономического уклада.

Для нас в его воспоминаниях наибольший интерес представляют именно хозяйственно-экономические подробности. Самое большое место они занимают в так называемом Степановском периоде, много меньше – в Воробьевском, когда Фет в буквальном смысле слова собственными руками строил свои имения, но интересны также и воспоминания юности, которые позволяют сопоставить различные хозяйственные подробности «века нынешнего и века минувшего».

Хозяйственная философия рачительного помещика Афанасия Неофитовича Шеншина

Из воспоминаний мы узнаем о семье Фета, его воспитании и образовании, о начале поэтической деятельности. В них возникает патриархальный мир русской усадьбы со всеми ее хозяйственными подробностями, ритуалами, раз и навсегда установленными правилами.

В семье Шеншиных было пятеро детей: Афанасий, старшая дочь Любовь, младшая – Надежда, Василий и Петр. Еще двое детей – мальчик и девочка – умерли во младенчестве. Любовь вышла замуж за своего однофамильца А.Н. Шеншина[12], а Надежда за И.П. Борисова[13], человека недюжинного ума, состоявшего в переписке с И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым. Письма Борисова являются важным источником по изучению не только биографии Фета, но и общественно-литературной жизни 40–60-х годов. Именно через И.П. Борисова в 1853 г. Фет познакомился с И.С. Тургеневым, ставшим его другом. Отец Фета, Афанасий Неофитович, являлся опекуном Борисова, тот часто приезжал в имение Шеншиных Новоселки и был товарищем детства Афанасия Фета.

И.П. Борисов женился на Надежде – любимой сестре Фета. Судьба распорядилась так, что Фет стал опекуном Петра – сына

Борисова и Надежды, и Ольги – дочери брата Василия. Не имея своих детей, он стал главой семьи Шеншиных и заботился о племянниках, как о родных детях, на протяжении многих лет[14].

Очень подробно Фет описывает родовую усадьбу Шеншиных Новоселки Мценского уезда. Усадьба эта была далеко не роскошна, так как Шеншины относились к дворянам средней руки, частью не достроена, но пропитана духом дворянского гнезда, о котором Фет грезил впоследствии всю жизнь.

Как и многие помещики, Шеншины жили натуральным хозяйством. В воспоминаниях Фет пишет о том, что «за исключением свечей и говядины да небольшого количества бакалейных товаров, все, начиная с сукна, полотна и столового белья и кончая всевозможной съестной провизией, было или домашним производством, или сбором с крестьян» (Фет, 1983: 39). Даже клавикорды для сестры Любочки делал домашний мастер.

Рассказывая о патриархальном укладе усадьбы Шеншиных, Фет вспоминает своих бабушку и деда, многочисленных тетушек и кузин, гостей, приезжавших в Новоселки. Большой привязанностью мальчика пользовался дядя – Петр Неофитович Шеншин, старый холостяк, ставший крестным маленького Афанасия, он раньше других угадал и поддержал интерес племянника к поэзии.

Фет, вспоминая, что слуг в усадьбе было много, рассказывает, что отец сам выдавал им жалованье. Так, например, горничным, получавшим обувь, белье и домашнюю пестрядь на платье, выделяли, кроме того, «на подметки и каблучок» по полтиннику в год (Фет, 1983: 40).

В воспоминаниях много ярких бытовых сцен, изображающих дворовых людей – неотъемлемую часть любого дворянского дома. Это буфетчик и кондитер Павел Тимофеевич, попавший, по причине своей грамотности, в приказчики при продаже дубового леса, и Афанасий, «прекрасно ворковавший голубем» и ставший первым учителем грамоты для Фета. Немецкому языку его учила мать – Елизавета Петровна. Книг в доме почти не было, но выписывались «Московские ведомости» и «Вестник Европы». Тем не менее дети получили хорошее образование. Фет, как известно, закончил курс в Московском университете по историко-филологическому (словесному) отделению, Петр и Василий учились в Киевском университете. Любовь воспитывалась в Екатерининском институте в Петербурге, а Надежда – в Смольном.

Фет отмечает, что среди дворовых было довольно много людей мастеровитых и знавших грамоту, имелись и свои повара, проходившие выучку у поваров Яра и Английского клуба, а также у поваров известного гурмана Сергея Михайловича Голицына[15], и искусные портные, которых соседи «одалживали» по случаю торжественных событий. Впоследствии семьи Шеншиных, Борисовых и Фетов славились поварами, прошедшими выучку у поваров Афанасия Неофитовича Шеншина.

К 1820-м гг. XIX в. у образованных в плане сельского хозяйства помещиков сложилась своеобразная рациональная философия ведения хозяйства. Была она и у Афанасия Неофитовича. Отец Фета «неизменно держался правила: всякий крестьянин или дворовый по достижении сыном соответственных лет обязан был испросить позволения отдать его (сына) на обучение известному ремеслу, и бывший ученик обязан был принести барину на показ собственного изделия: овчину, рукавицы, подкову, полушубок или валенки, и только в случае одобрения работы отцу ученика дозволялось просить о женитьбе малого. Что же касается грамоты, то желающие отдавали мальчика попу» (Фет, 1983: 40–41). Как помещик Афанасий Неофитович Шеншин был очень строгим, но не жестоким. О пользе своих крестьян он пекся как о собственной. В подобном отношении к крестьянскому устройству Фет впоследствии, когда сам стал помещиком и мог судить на практике, видел причину благополучия отцовских крестьян.

В 30–40-х гг. XIX в. наметился повышенный интерес к успехам агрономии и новым земледельческим орудиям. За это время, кроме уже существовавших – Петербургского и Московского, возникло еще около двадцати различных сельскохозяйственных обществ (Шарков, 1909). Стало издаваться свыше десятка газет и журналов по отдельным отраслям сельского хозяйства. Новинки садоводства освещались в «Вестнике Императорского российского общества садоводства», в журналах «Плодоводство», «Промышленное садоводство и огородничество», «Сад и огород» и других.

На сельскохозяйственных выставках-ярмарках начали появляться многочисленные образцы не только зарубежных, но и отечественных усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, часто создаваемых самими крестьянами. Возникли первые заводы сельскохозяйственного машиностроения. Первый русский завод сельскохозяйственных машин и орудий в России принадлежал англичанину Христофору Вильсону и был известен уже с 1802 г., а в

1830 г. в России заработал крупнейший завод по изготовлению сельскохозяйственных машин братьев Бутеноп. К 1861 г. таких заводов насчитывалось уже 60 (Вторый, 2009). Многие помещики имели в усадьбах небольшие заводы, работавшие на собственном сырье, или выращивали домашний скот на продажу. Особой популярностью пользовались конные заводы, так как самым доступным и популярным транспортом был гужевой. Все эти факты свидетельствуют о неуклонном росте хозяйственно-экономического развития России.

В одном из имений Афанасия Неофитовича размещался конный завод[16], и отец Фета непременно посещал знаменитую Коренную ярмарку[17], проводившуюся ежегодно в Курске.

В России XIX в. существовали три крупных ярмарки: самая большая – Нижегородская, затем Коренная Курская и Ирбитская. Многие помещики съезжались на эти ярмарки, чтобы познакомиться с новейшими хозяйственными достижениями. Эпицентром Курской ярмарки считалась Конская ярмарка, куда приезжали любители, коннозаводчики и десятки ремонтеров[18] из всех гвардейских и армейских полков. Здесь находился ипподром, на котором за несколько дней до официального открытия ярмарочного торжища начинались конские торги. Табуны лошадей сюда сгонялись со всей Центральной России в количестве до 5 тысяч голов.

Вот как описывает свою поездку на эту ярмарку Фет: «Ехали же мы, конечно, на своих двумя экипажами: отец на шестерке гнедых в дормезе[19], куда поочередно брал меня и брата, а сзади на тройке вороных шел тарантас с посудой, поваром и лакеем; другой лакей помещался на козлах дормеза» (Фет, 1983: 245). Подобное устройство путешествия было достаточно обычным, оно стоило значительно дешевле, нежели ехать на казенных, т.е. почтовых лошадях и закупать припасы на месте. В дни проведения ярмарки все дорожало в несколько раз. А отец Фета – рачительный хозяин – денег зря не тратил.

Фет вспоминает, что по вечерам отец сидел за бухгалтерскими книгами, сводя счеты по имению. Пятна от чернил на руках Афанасий Неофитович называл своими мозолями.

Подобные «счетные» книги существовали и у хозяек дома. В них записывались всякий расход по дому, оброк, выполняемый крепостными девушками для домашних нужд, иногда кулинарные или медицинские рецепты, меню обедов и много других хозяйст-

венных подробностей. Некоторые хозяйки записывали туда и значительные события в жизни своей семьи, т.е. это были своеобразные домашние летописи. Однако Фет не упоминает о подобной расходной книге у своей матери, зато постоянно пишет о ее нездоровье и о том, что она редко вставала с постели. В подобных случаях – болезни или смерти хозяйки дома – ее роль исполняла какая-нибудь, чаще немолодая, родственница. В доме Шеншиных, может быть, ввиду особого положения Елизаветы Петровны[20], подобной помощницы не имелось. Была экономка-ключница из простых крестьян. Но хозяйку она, конечно, заменить не могла.

В целом, положение семьи могло бы быть достаточно обеспеченным: в ее владении было 300 душ и 2 200 десятин земли, 700 из которых находились в пользовании крестьян[21], что позволяло помещику иметь постоянный доход.

Однако имение было заложено и обременено казенными и частными процентами, так как в молодости отец Фета наделал карточных долгов, с которыми долгие годы расплачивался, перезакладывая имение. Но так жили многие помещики. Фет пишет, что долги были и у его зятя А.Н. Шеншина, «который долго не мог выпутаться из петли долгов, сделанных в первые годы женитьбы» (Фет, 1983: 371).

Заложив имение, помещики ежегодно выплачивали проценты, а если урожай плох и средств недоставало, перезакладывали имение вновь. С 1824 г. «Положение об открытии вновь займов из Государственного заемного банка» предусматривало выдачу ссуд на 8, 12 лет и 24 года. Ссуды на последние два срока предоставлялись из расчета 6% годовых и 2% в счет погашения ссуды. Ее размер устанавливался от 5 до 500 тысяч рублей в зависимости от количества заложенных ревизских душ. Под одну душу предоставлялось 150–200 рублей ассигнациями[22]. Но это «казенные» проценты, частные заимодавцы брали гораздо больше, и долги росли.

Хозяйство требовало постоянного присмотра и неусыпных забот. Уже офицером, в 1848 г., Фет, получив отпуск, посетил отца и вместе с ним другую отцовскую деревню – Грайвороновку, где, как уже говорилась ранее, у Афанасия Неофитовича находился небольшой конный завод. Афанасию Неофитовичу минуло в то время уже около 80-ти лет, но он зорко следил за всеми хозяйственными делами и верхом осматривал как собственные, так и крестьянские поля. Но денежные трудности не прекращались, и Фет пишет, что «отец за уплатою прежних опекунских залогов[23]

никогда не располагал большими деньгами и нередко брал взаймы у своих же мужиков по две тысячи рублей» (Фет, 1983: 245).

Конечно, на тот момент в усадьбе Шеншиных имелся управляющий, но грамотный, самостоятельный управляющий являлся большой редкостью, так как стоил дорого. В основном это были имеющие соответствующее образование иностранцы или русские, которым платили большое жалование. Обычно в роли управляющих-приказчиков выступали крестьяне, поэтому многие помещики, не надеясь на слуг, составляли своеобразные инструкции или наказы управляющим, где объяснялось, как правильно вести хозяйственные и полевые работы. Подобные инструкции появились уже в XVIII в.[24] В качестве примера можно привести помещичьи инструкции, опубликованные в трудах Вольного Экономического общества в рамках проводимого Конкурса на лучший наказ деревенскому управителю. Подробные публикации этих помещичьих инструкций принадлежат М.В. Довнар-Запольскому[25]. К середине XIX века наказы очень сократились в объеме и превратились в своеобразные памятки, посвященные какой-то одной стороне хозяйства. Чаще всего они были предназначены для заводских отраслей: коневодства, производства тканей, винокурения и т.д.

К первой половине XIX века появились новшества в ведении сельского хозяйства. Это и внесение удобрений, и использование новых орудий труда – литовской косы[26] и грабель, и покупка новых пород скота, и т.д. Все это, по воспоминаниям Фета, существовало у отца в Новоселках.

Покупка и обустройство Степановки

Многие «хозяйственные» впечатления детства повлияли в дальнейшем на Фета. Специально его хозяйственным премудростям не обучали, тем более что уже в 12-летнем возрасте его увезли из дома для получения образования[27]. Но пример отца, невольное наблюдение за его деятельностью сказались на будущих хозяйственных способностях Фета. Так, в первой части своих воспоминаний «Ранние годы моей жизни» он рассказывает о страсти отца к постройкам: Афанасий Неофитович беспрестанно что-то строил в Новоселках, отчего господская усадьба постепенно перемещалась вдаль от реки, поэтому возникла необходимость в дополнительном водоснабжении, и Афанасий Неофитович копал новые пру-

ды. Много времени и сил отец отдавал устройству плотины на реке Тим, которая пополнялась только снегами и дождями, а летом сильно мелела.

Впоследствии мы найдем перекличку с этими воспоминаниями, когда Фет будет обустраивать свое первое собственное имение – Степановку: здесь и перенос молотильного сарая, и строительство ледника, и обустройство пасеки, и рытье пруда, и копка колодцев. Правда, это произойдет в других условиях, когда надеяться на крестьян уже нельзя, а надо нанимать вольных работников. Все эти мероприятия впоследствии дали возможность Фету вывести формулу, сейчас мы бы сказали, создать концепцию своего хозяйства: «*При настоящем положении вольного хозяйства должно всеми мерами избегать сложных производств*»[28].

Пишет Фет и о письме отца, из которого четырнадцатилетний мальчик узнал, что он не Шеншин, а Фет: «Однажды отец без дальнейших объяснений написал мне, что отныне я должен именоваться Фетом, и письмо ко мне было адресовано Аф. Аф. Фету» (Фет, 1983: 121–122). Это письмо сделало Фета взрослым человеком, рано понявшим, что всего в жизни ему придется добиваться самому. С тех пор им владела лишь одна мысль – вернуть любыми путями имя Шеншина и звание дворянина. Одним из таких способов была деятельность помещика[29].

Женившись в 1856 году на М.П. Боткиной, Фет через некоторое время приобрел Степановку[30] – 200 десятин черноземной пахотной земли и недостроенную усадьбу, которую и усадьбой-то назвать было нельзя, – так, небольшой, мало приспособленный к жизни домик под соломенной крышей. Местоположение ее считалось неудачным. Помещичьи дома ставились обычно где-нибудь в низине, среди обширных владений, прилегающих к усадьбе, в окружении леса и сада. Строились дома из дуба и сосны, как правило, одноэтажные, тесноватые, но теплые, прочные, уютные.

Степановка не отвечала многим из этих требований. Во-первых, дом стоял на открытом месте, во-вторых, река находилась в 7 верстах, а дом внутри был совершенно не отделан. Щели были повсюду. Сада также не имелось.

По свидетельству современников, покупка Степановки была импульсивной, но впоследствии оказалась чрезвычайно важной для Фета. На полное обустройство Степановки по предварительным подсчетам было необходимо около 25–30 тысяч рублей. Да и земля достаточно дорога – 100 рублей за десятину. И.С. Тургенев в

письме назвал эту цену фабулозной[31]: средняя цена была 40 рублей, а где земля победнее – то и 30 рублей за десятину. Решающими аргументами оказались те, что земля не обременена никакими отношениями с крестьянами, почва плодородна, труд дешев и имение родственника, А.Н. Шеншина, рядом[32].

Фет признавался, что в момент покупки имел весьма смутное представление о сельском хозяйстве: «Попав прямо со школьной скамьи на коня во фронт, я всю жизнь не имел никакого понятия о ходе земледельческих занятий, но <...> я махнул рукой на земледельческую школу и решил приступить к делу в качестве слепца. <...> Я хотел, хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное» (Жизнь Степановки, 2001: 60).

Однако он весьма трезво и практично рассматривает различные варианты покупок, учитывая и наличие леса, и состояние помещичьего дома, и хозяйственные постройки, проводя всему подробный расчет и делая вывод о *будущей доходности* имения: «Сколько же он (хутор[33]) может дать доходу? <...> Можно получить до 1 500 р. в год, то есть то же, что дает 25 тыс., капитал по 6%. Я не гонюсь за барышами, лишь бы убытку не было» (Жизнь Степановки, 2001: 62-63).

По тем временам подобный процент достаточно доходен. Выше упоминалось, что ссудный процент был 8%. А тут и собственный капитал обеспечен землей, и доход дает такой же, как в банке. В результате покупка земли – 200 десятин – встала ему в 20 тысяч рублей, еще 2,5 тысячи он заплатил за домик в семь комнат с отдельной кухней, скот, пасеку и хозяйственные постройки.

Надо сказать, что время для своего замысла Фет выбрал самое неподходящее, так как уже через год после покупки Степановки[34] были изменены, а практически обрушены, все более или менее известные Фету помещичьи права и обязанности, что не могло не сказаться на доходности имения. Поэтому И.С. Тургенев назвал эту «затею» Фета самоубийственной.

И ранее в большинстве своем бюджет поместного дворянства носил *расходный характер*. Расходы на содержание семьи, образование детей, налоги поглощали б**о**льшую часть дохода даже у среднепоместного дворянина. На усовершенствование хозяйства денег почти всегда не хватало. В случае пожара или неурожая помещик помогал собственным крестьянам. Если денег не было, помещик, как уже говорилась выше, либо закладывал имение, либо увеличивал крестьянские повинности.

После отмены крепостного права дворянское землевладение довольно быстро сокращалось, и начался процесс, который публицисты 1880–90-х гг. XIX в. назвали «дворянским оскудением». Реформа 1861 г. полностью переменила отношения помещика и крестьянина, и Фету пришлось строить их на основе уже вольнонаемного труда, так как купил он только землю и временнообязанных крестьян у него, в отличие от того же А.Н. Шеншина, не было. И тут весьма пригодились и педантизм Фета, и его трудолюбие, и житейская сметка.

Свое «строительство» Степановки Фет описывает в большой статье «Жизнь Степановки или лирическое хозяйство»[35], опубликованной в «Русском вестнике» под названием «Заметки о вольнонаемном труде»[36], а также в цикле очерков «Из деревни»[37].

В статье «Лирическое хозяйство в эпоху реформ» исследователь В.А. Кошелев (2001) указывает на несомненную *мемуарную* установку «Жизни Степановки...», подчеркнутую самим Фетом, который пишет не только о фактах, но и о своих соображениях и ощущениях. Отсюда *лирическое* начало, которое он хотел показать в первоначальном заглавии (там же: 8) и которое присутствует в воспоминаниях.

Хозяйственно-экономические взгляды Фета, изложенные в публицистических статьях, и, прежде всего, в «Жизни Степановки ...», впоследствии будут проступать как водяные знаки на страницах его воспоминаний, поэтому мы будем обращаться и к ним.

Практический опыт и теоретические принципы хозяйственной деятельности Афанасия Фета

В пореформенное двадцатилетие обозначились два пути эволюции аграрного строя России. Центрально-земледельческий район выбрал путь перестройки хозяйства с сохранением крупного помещичьего землевладения. А в степных районах Заволжья и Северного Кавказа, где большую часть составляли средние землевладельцы, стал вырисовываться другой путь — фермерский, предпринимательский, который впоследствии показал себя как наиболее успешный. Фермерский способ зависел от инициативы и участия хозяина, являвшегося центральной фигурой, своеобразным двигателем хозяйственного функционирования имения. Такая позиция целиком и полностью совпадала с мыслями Фета, который, опираясь на известный ему отцовский опыт, тоже считал, что в сельском хозяйстве

главной фигурой является хозяин, его инициатива и предприимчивость. По его мнению, истинными работниками на земле были именно средние землевладельцы, так как мелкие не могут позволить себе ни новой техники, ни наемного труда, а крупные – не привыкли этим заниматься. Поэтому в основу своей хозяйственной деятельности Фет положил фермерский принцип ведения хозяйства.

На этот путь Фета направила сама жизнь. По натуре он был практиком, человеком деятельным, педантом. Да и денег лишних не было. С недостаточностью средств Фету приходилось бороться всю жизнь. Эта же недостаточность сделала его *экономистом,* вынужденным считать каждую копейку. Он рассказывает о недобросовестности вольнонаемных рабочих, которые, получив задаток, часто либо просто исчезали, либо бросали работу недоделанной. Еще одна формула, которой научила его жизнь, гласила: «*Всякая законность, только и законность, что необходима, что без нее не пойдет само дело*» (Жизнь Степановки, 2001: 89).

Первая статья Фета «Заметки о вольнонаемном труде (авторское название «Жизнь Степановки..») почти не обратила на себя внимания. Но дальнейшие циклы очерков о положении русского крестьянства, получившие название «Из деревни», вызвали целый шквал неодобрительной критики, прежде всего со стороны М.Е. Салтыкова-Щедрина, обвинявшего Фета в жестокости и горьком сожалении об утраченном крепостном праве[38]. Вслед за Салтыковым-Щедриным на Фета обрушилось огромное количество обвинений в яром крепостничестве и ретроградстве. Исследователь прозы А.А. Фета Л.И. Черемисинова пишет, что «принципиальная фактографичность очерковой манеры «хозяйствующего лирика» дала повод для нападок на него со стороны представителей демократического лагеря, чему не помешало отсутствие анализа фетовской земледельческой программы. Представители демократического лагеря определили его политическую позицию как безусловно консервативную, а самого поэта представили «ярым крепостником», разведя в противоположные стороны в нем «Фета» и «Шеншина»»[39]. Не устоял даже близкий друг Фета И.С. Тургенев, назвав Фета закоренелым консерватором и поручиком старинного закала.

Однако внимательное прочтение воспоминаний и «Жизни Степановки...» показывает явную тенденциозность данных суждений. Правда была на стороне Фета.

«Жизнь Степановки...» состояла из 17 небольших главок, в каждой из которых анализировалась одна из сторон новой сельс-

кой жизни. Это такие, например, как, «Покупка», «Контракт», «Испольная десятина» и т.д. Автор, опираясь на факты и собственный практический опыт, пытался разобраться в положительных и отрицательных сторонах сельской жизни в современных условиях, а главное, во взаимоотношениях помещика и крестьянина, ставшего вольнонаемным рабочим, но не ушедшего от крестьянского менталитета и воспринявшего вольнонаемный труд как освобождение от всяких обязательств.

Безусловно, многим современникам была чужда попытка Фета посмотреть на ситуацию в сельском хозяйстве с противоположной стороны – со стороны помещика. Но разве это справедливо – учитывать только одну точку зрения? А ведь Фет проповедует определенное равенство между помещиком и крестьянином, и, прежде всего, равенство правовое и трудовое, хотя на самом деле, по мнению Фета, положение помещика было более уязвимым. В главке «Контракт» он четко прописывает все обязанности наемного рабочего, с улыбкой спрашивая при этом, «что стал бы он делать, если бы подписавший нарушил условия, а он подал бы на крестьянина в суд», и тут же отвечает, что «ничего не выиграл бы подобным выигрышем» (Жизнь Степановки, 2001: 91–93).

Фет постоянно говорит о *неприученности* мужиков к наемному труду, который они воспринимают как полную от него свободу, и, вследствие этого, об их недобросовестности. Но говорит он и о том, что надо защищать крестьян от их собственного невежества. Так, в уже упомянутой главке «Контракт» он приводит в качестве примера молодого работника Карпа, который ранее отдавал все заработанные деньги своему дяде и находился у того в полной, почти рабской зависимости, а, ссылаясь на подписанную «грамотку»-контракт, Фету удалось оградить Карпа от этой нечестности.

Фет считает, что *крестьяне не готовы к самостоятельной деятельности*: нет ни опыта, ни соответствующих знаний. В главке «Осенние хлопоты» он описывает поразившую его стройность и слаженность труда крестьян под руководством барщинных старост: «Это заведенный порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. <...> При вольном труде стройность еще впереди» (Жизнь Степановки, 2001: 76). По мнению Фета, главная беда русского крестьянина – леность и отсутствие дисциплины, конечно, это касается не всех, но большинства. *Существовавший порядок утрачен преждевременно*.

С самого начала хозяйственной деятельности Фет стал главной движущей силой всех начинаний, не передоверяя никому самых мельчайших подробностей обустройства своего хозяйства. Он уверен, что ежедневные хозяйственные мелочи и есть самое главное в хозяйстве. Без этих мелочей, без их правовой регуляции не создать порядка нового, невиданного в России вольнонаемного труда.

Деятельность Фета дала свои плоды. Уже через 3 года И.С. Тургенев из писем В.П. Боткина с удивлением узнает, что имение разрастается и хорошеет и туда начинают приезжать родственники. Трудясь в Степановке не покладая рук, Фет не прерывает и литературной деятельности. К поэтическому творчеству он практически не обращается, но подробно описывает свою хозяйственную деятельность в публицистических очерках, и, прежде всего, в «Жизни Степановки...».

Надо сказать, что и до Фета хозяйственно-экономические проблемы занимали многих писателей как, например, Пушкина. В литературном плане этот интерес проявляется у него в «Романе в письмах», где главный герой говорит о необходимости жить в деревне, так как забота об имении и крестьянах есть долг всякого порядочного дворянина. Хозяйственно-экономические взгляды Пушкина нашли развитие и в его рукописном наследии. Здесь нельзя не вспомнить статью Павла Щеголева – известного историка и автора многих работ о Пушкине – «Пушкин – экономист», опубликованную в газете «Известия» в 1930 г.

Анализу этой темы посвятил книгу «Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина» (Аникин, 1989) и статью в журнале «Коммерсантъ-Деньги» доктор экономических наук А.В. Аникин. О работе Щеголева он пишет: «Щеголев анализировал несомненно принадлежащие руке поэта краткие замечания на книгу декабриста Михаила Орлова «О государственном кредите», изданную в Москве в 1833 году, и был поражен здравомыслием суждений Пушкина. Щеголев отмечал, что Пушкин был близок к некоторым оценкам, содержащимся в рецензии на рукопись Орлова, которую дал самый крупный русский экономист того времени академик Андрей Шторх[40], рецензии которого, считает Щеголев, Пушкин прочитать не мог. Разумеется, заглавие статьи Щеголева «Пушкин – экономист» не надо понимать буквально. Ничто не было так чуждо поэту, как ученый педантизм»[41].

А.В. Аникин ссылается также на книгу «Дух русской экономической науки» (The Spirit of Russian Economics) – популярную

историю русской экономической мысли до 1917 г., опубликованную в 1945 г. в США на английском языке. Ее автор – русский эмигрант первой волны И.И. Левин, выступавший в данном случае под псевдонимом Дж. Ф. Нормано и имевший намерение посвятить отдельное исследование А.С. Пушкину. Такая работа, к сожалению, не появилась.

Фет же свою книгу «о сельской экономике» написал, причем именно в этой книге очень ярко проявилось чувство гармонии, свойственное Фету-поэту, и неизбывное творческое, лирическое начало. В одной из заметок он пишет о том, что нет ничего прекрасней гармонической стройности во всем, что происходит *правильно*. Но как сделать правильно в сельских работах – Фет не знал: «Самыми затруднительными были для меня специальные земледельческие работы касательно времени полевых работ и последовательности их приемов. На первое время Алекс. Никит.[42] справедливо советовал мне держаться крестьянского правила «как люди, так и мы», т.е. соображать свои действия с действиями соседей. <...> О своих первых попытках на ниве вольнонаемного труда я писал своевременно в «Русском вестнике» под заглавием «Из деревни»» (Фет, 1983: 374).

Хлопот по обустройству имения у Фета было несметное количество. Но потихоньку жизнь налаживалась, и уже летом приезжали И.С.Тургенев и Л.Н.Толстой[43] по дороге на охоту, тем же летом сестра Надя с мужем И.П. Борисовым приехала из Новоселок навестить брата, но зиму Феты провели в Москве, в доме Боткиных, где вновь окунулись в литературную среду.

Весной они вернулись в Степановку на постоянное житье. Постепенно Степановка становилась образцовым имением, и в этом была огромная заслуга Фета, постоянно входившего во все проблемы своего хозяйства. Степановка процветала, в ней уже в 1865 г., кроме мельницы, появился и конный завод, о чем с восторгом И.П. Борисов сообщал в письме к Тургеневу[44].

Несмотря на огромное количество дел в Степановке, довольно скоро, уже через 5 лет, Фет стал активным участником местной общественной жизни. Будучи владельцем Степановки, он имел подземельный ценз, позволявший ему баллотироваться в гласные[45], и вскоре был избран большинством голосов, а потом в июне 1867 г. стал мировым судьей и оставался в этой должности 10 лет. Этот факт тоже характерен для русского поместного дворянства. Будучи разобщенным по местам расселения, оно в большинстве своем всячески стремилось к активной общественной деятельности,

считая ее почетным долгом дворянина. Эта деятельность стала для Фета хорошей школой жизни: «С первых шагов я почувствовал громадную разницу между желательным и действительным», – пишет он (Фет, 1983: 402).

Известно, что с 1869 г., по совету И.С. Тургенева, писатель собирал и обрабатывал материал для книги «Записки судьи», отсылая готовые очерки на прочтение Тургеневу вплоть до 1874 г., когда отношения между литераторами были прерваны. Позднее Фет поместил часть «судейских очерков» в V главу второго тома мемуаров «Мои воспоминания»[46].

Разрастались посаженные вдоль дороги ветлы, колосились поля и множились стада. Образовался цветник перед домом. Процветал небольшой конный завод. И во все мелочи хозяин входил сам, считая это своей прямой обязанностью. Для сравнения можно привести следующую деталь: в имении А.К. Толстого, куда Фет с Борисовым отправились на охоту, он, с недоумением разглядывая копны сена, накопившиеся за несколько лет и гнившие под дождем, услышал от хозяина, графа А.К. Толстого, известного писателя, что тот хозяйством не занимается[47].

Хозяйственные заботы и семейные разочарования

Весной 1869 г. умерла младшая сестра Фета Надежда, а через два года умер ее муж И.П. Борисов. На попечении Фета остались малолетний сын Борисовых Петр и четырнадцатилетняя Оля Шеншина, опекуном которой после смерти ее отца Василия Шеншина был И.П. Борисов. По обычаям того времени Фет стал опекуном племянников и управляющим их имениями. Имения эти, вследствие долгой болезни Борисова, были расстроены, и Фет деятельно принялся наводить порядок. Поскольку земли прибавилось, он в 1871 г. взял себе в помощники в качестве управляющего весьма образованного человека И.А. Иоста – обрусевшего швейцарца, но, как обычно, принимал самое деятельное участие во всех хозяйственных начинаниях.

Петр поступил в университет, Ольга первоначально училась в пансионе мадам Эвениус[48] в Москве, затем Феты взяли ее в Степановку, наняли хорошую гувернантку, а чтобы она не росла в одиночестве, в дом приняли девочку Регину из немецкого почтенного, но бедного семейства. Гувернантка Оли мадемуазель Оберлендер была не только высокообразованным человеком, но и прекрасной пиа-

нисткой. Ее игрой восторгался Л.Н. Толстой, бывший тонким ценителем музыки. Навестив Фета в середине лета 1876 г., он переиграл с ней, по воспоминаниям Фета, в четыре руки почти всего Бетховена. «Знаете ли, – говорил мне граф, – что во время нашей юности подобные пианистки разъезжали по Европе и давали концерты. Она всякие ноты читает так же, как вы стихи, находя для каждого звука соответственное выражение», – вспоминал Фет (Фет, 1983: 441–442). Все расходы на содержание, образование и здоровье Оли Фет покрывал из ее доходов, приумножая при этом основное состояние племянницы.

Столь же рачительно он управлял и состоянием племянника Петра, не пожелавшего стать помещиком. Переехав в Воробьевку, Фет уже не мог самостоятельно присматривать за имениями племянника, что сказалось на их доходности. По взаимному решению имения Петра Борисова были проданы, а деньги положены в банк на его имя[49].

Не имея своих детей, Фет относился к племянникам очень нежно. Он с радостью пишет об отличных отметках Пети – студента университета, его заботит больной зуб Оленьки, и он спешно везет ее в Москву к врачу (Фет, 1983: 443). Когда настало время возвращаться в Степановку, Ольга попросила разрешения остаться в Москве на несколько дней, а еще через неделю Фет получил письмо, в котором Ольга писала, что хочет остаться в пансионе мадам Эвениус. Решение это было неожиданным и ничем не оправданным и глубоко огорчило всю семью, а больше всех – Фета. Он писал об этом очень лаконично, даже сухо, но за этими словами скрывалась глубокая душевная рана. Не препятствуя племяннице, Фет сложил с себя обязанности опекуна (Там же: 443).

Через несколько лет Ольга попросила у Фета прощения, была прощена, но тогда ее поступок глубоко ранил Фета[50]. С этого момента Степановка – его детище – стала глубоко ненавистна ему. Чтобы развеяться, он уезжает в отцовскую Грайвороновку, а по возвращении решает продать Степановку и купить новое имение. Может быть также, что Степановка – ныне процветающее доходное имение – была «тесна» деятельной натуре Фета, но, скорее всего, причиной продажи был поступок Ольги.

В 1877 г. Фет купил имение Воробьевку, и в 1878 г. Феты покинули Степановку. Покупка Воробьевки встала в 105 тысяч рублей. Судя по цене, Фет стал достаточно богатым человеком, достигнув всего собственным трудом.

Купив Воробьевку, Фет вновь обрел смысл жизни. Теперь это была уже настоящая барская усадьба с огромным парком из вековых дубов и каменным домом, с большим куском земли в 850 десятин. После внимательного осмотра Фет увидел, что усадьба весьма запущена, а дом нуждается в серьезном ремонте. И с прежним рвением принялся исправлять дело. Рассказывая о благоустройстве дома, Фет не забывает и о других хозяйственно-экономических сторонах, между делом отмечая, что «воробьевские поля состоят уже 30 лет в аренде у крестьян и поэтому исправны, но требуют внимания» (Фет, 1983: 446). Казалось бы, начался новый этап в его хозяйственных преобразованиях.

Однако, по сравнению со Степановкой, в Воробьевке трудовой энтузиазм Фета несколько поутих. Больше всего его теперь занимало не сельское хозяйство, которое он частично передоверил верному управляющему А.И. Иосту, а устройство кабинета, переводы Горация и подготовка к изданию сборника стихов «Вечерние огни». Вместе с тем Н.Н. Страхов сообщает в письме Л.Н. Толстому, что Фет в Воробьевке все так же радуется своему хозяйству и, указав на огромный стог сена, с шутливой интонацией называет этот стог бегемотом[51].

Обустроившись в Воробьевке, Фет с женой поехали в Крым. Несколько позже в Москве на Плющихе был куплен небольшой, но уютный и вместительный дом[52].

Вернувшись из крымского путешествия, Фет вновь занялся переводами Горация и текущими хозяйственными делами.

Юбилейные итоги

Свои воспоминания Фет заканчивает кратким упоминанием о юбилейных днях 28 и 29 января 1889 г., когда было отмечено 50-летие его творческой деятельности, ссылаясь на то, что «об этих днях говорено было в разных изданиях много» (Фет, 1983: 468).

Однако на самом деле говорено было не так уж много. Да и «умалчивание» Фета о своем юбилее весьма показательно. Ко времени юбилея он, казалось бы, получил полное официальное признание: в 1884 г. стал обладателем Пушкинской премии Императорской академии наук[53] за перевод сочинений Горация, в 1886 г. по совокупности трудов был избран ее членом-корреспондентом. Ранее, в 1873 г., по Высочайшему Указу Фету вернули дворянское звание и фамилию Шеншин. В 1889 г. он получил почетное при-

дворное звание камергера. Великий князь Константин Константинович объявил себя учеником Фета и посещал его дом на Плющихе для обсуждения поэтических опытов. Но литературная общественность повела себя весьма сдержанно, акцентируя внимание на *неизменности тем* в лирике Фета, на его *последовательно консервативной жизненной позиции*.

Юбилей Фета отмечался в Москве в течение двух дней: 28 января 1889 г. Фет принимал поздравления в своем доме на Плющихе, где был отслужен торжественный молебен, а 29 января состоялся торжественный обед в ресторане «Эрмитаж», организованный Московским психологическим обществом. Об этих торжествах писали «Московские ведомости» и «Исторический вестник»[54]. Полный отчет всех подробностей юбилея Фета собрал впоследствии Б.А. Садовский[55].

«В 1889 году, 28 и 29 января, был с большим торжеством празднован в Москве пятидесятилетний литературный юбилей Фета», – пишет Н.Н. Страхов в очерке «Афанасий Афанасьевич Фет»[56].

Эта торжественность понравилась далеко не всем. Очень резко отозвался о юбилее Фета Л.Н. Толстой в своих дневниках, В.А. Гольцев[57] и К.К. Арсеньев[58] писали в связи с юбилеем о творческом упадке Фета, а Н.В. Шелгунов[59] снова отправил поэзию Фета в разряд легких развлечений. Близкий знакомый Фета – критик и публицист Н.Н. Страхов поместил в «Новом времени» лишь небольшую заметку[60]. Цитируемый выше очерк был написан им только для посмертного издания сочинений Фета в 1901 г.

Может показаться, что к теме нашей статьи рассказ о юбилее А. Фета прямого отношения не имеет. Но это не так.

Юбилей еще раз подчеркнул *особенность*, т.е. обособленность и независимость Фета, *стоящего всегда вне всяких партий и лагерей и идущего своей дорогой*. И эту независимость ему не прощали ни друзья, ни враги.

Оказавшись по природе своего поэтического таланта на рубеже 1850-х – 1860-х «не ко времени», но осознавая важность и значительность перемен, предстоящих России в связи с отменой крепостного права, Фет попытался организовать образцовое хозяйство. Теоретические принципы нововведений Фета вырастали из практического опыта и активного, заинтересованного обсуждения на страницах русской печати вопросов, связанных с судьбами земледельческого сословия в стране. Он выбрал свою собственную

дорогу, трудную, неблагодарную, но столь важную и для него и, как ему думалось, для России.

Воспоминания А.А. Фета позволяют нам отдать должное силе его духа, преодолеть сложившиеся стереотипы в оценке роли поместного дворянства и фигуры помещика в хозяйственно-экономическом развитии России.

***

Великий русский поэт Фет – образцовый помещик Афанасий Шеншин – умер в 1892 г. Отпевали его 24 ноября в церкви Московского университета, а потом гроб был отвезен в село Клейменово Мценского уезда. Село Клейменово — родовое имение Шеншиных.

Примечания

---

[1] Ранее, с легкой руки М.Е. Салтыкова-Щедрина, о поэзии Фета писали в презрительно-ироническом тоне. См. напр.: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 5. С. 41.

[2] Впервые опубликована в сб.: А.А. Фет. Традиции и проблемы изучения // сб. науч. трудов / редколл.: *Н.Н. Скатов* и др. Курск, 1985. С. 122–182.

[3] *Фет А.А.* Сочинения и письма: в 20 т. М.; СПб: Альянс-Архео, 2014. К настоящему времени вышло 5 томов. Издание является проектом ИРЛИ и Курского педагогического университета.

[4] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

[5] См.: *Земледельцева Т., Евгеньев С.Т.* Сюжетная проза и мемуары Фета: проблемы комментария. На материале повести «Дядюшка и двоюродный братец» // А. А. Фет и русская литература: XVII Фетовские чтения. Курск, 2003. С. 113-122 и др.

[6] *Афанасий Фет*. Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство / втуп. ст., подгот. текста *В.А. Кошелева*; коммент. *В.А. Кошелева, С.В. Смирнова*. М.: Новое лит. обозрение, 2001.

[7] *Фет А.А.* Наши корни / подг. текстов и сост. *Г.Д. Аслановой*; коммент. *Г.Д. Аслановой* и *В.И. Щербакова*. Росток: Санкт-Петербург; содружество «Посев»: Москва. 2013.

[8] Книга «Афанасий Фет. Воспоминания», подготовленная к публикации А.Е. Тарховым, вышла в издательстве «Правда» в 1983 г. В дальнейшем, все ссылки будут даваться по этому изданию.

[9] Фет умер в 1892 г., не дожив 2-х дней до 72 лет.

[10] См. сноску 8.

[11] Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008 г. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

[12] Шеншин Александр Никитич (1814–1873) – орловский помещик.

[13] Борисов Иван Петрович (1832–1871) – орловский помещик, друг Фета, И.С. Тургенева и братьев Н.Н. и Л.Н. Толстых. С Толстыми Фет познакомился в конце 1850-х гг.

[14] Шеншина Ольга Васильевна, в замужестве Галахова, находилась на попечении Фета с 1871 по1877 г. Петра Борисова Фет опекал до конца его короткой жизни. Петр умер в 1888 г. в больнице Св. Николая в Петербурге.

[15] Князь Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — яркая личность грибоедовской Москвы, владелец и устроитель усадеб Кузьминки и Гребнево, прозванный «последним московским вельможей».

[16] В имении Грайвороновка, полученном отцом Фета в наследство в 1838 г.

[17] Коренная Курская ярмарка была известна с 1708 г.

[18] Военный, занимающийся ремонтом, т.е. закупкой лошадей для армии.

[19] Дормез – большая карета для дальних поездок со спальными местами.

[20] Мать Фета Шарлотта Карловна Беккер, жившая с мужем в Германии, была увезена от мужа А.Н. Шеншиным в Россию. В Германии он обвенчался с ней по лютеранскому обряду. В России они 4 года прожили невенчанными. Шеншин узаконил свой брак с Шарлоттой Беккер только в 1826 г. после рождения старшей дочери. Именно тогда Шарлота крестилась и приняла в православии имя Елизаветы Петровны.

[21] В 1842 г. вышел «Указ об обязанных крестьянах». В нем предусматривалась возможность передачи помещиком крестьянам земли в арендное пользование, за что крестьяне обязывались выполнять предусмотренные законом повинности и подчиняться суду помещика.

[22] Банки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Режим доступа: http://www.vehi.net/brokgauz/

[23] Обычно ссуды под залог имений помещики брали в Опекунском совете – государственном учреждении благотворительного ведомства императрицы Марии, кроме прочего ведавшем делами таких банковских учреждений, как Ссудная касса (выдача денежных ссуд под залог недвижимости). Средства, получаемые от этих ссуд, шли на поддержание многих благотворительных проектов.

[24] См., напр., *Болотов А.Т.* Наказ управителю или приказчику, каким образом ему править деревнями в небытность своего господина // Труды ВЭО. 1770. XVI. С. 169–230.

[25] *Довнар-Запольский М.В.* Материалы для истории вотчинного управления в России. Положение для крестьян Ефремовской вотчины и деревни Варваровки князя Федора Николаевича Голицына // Университетские известия. 1910. № 11. С. 275–276 и др.

[26] В Прибалтике конструкция косы отличается от среднерусской тем, что имеет две ручки (стационарные, отнесённые на 20–25 см от рукоятки). Впоследствии эти косы стали называться литовками.

[27] С 14 лет Фет учился в пансионе Кюммеля в Верро (сейчас город Выру в Эстонии), затем в 17 лет был отвезен в Москву, где поступил в Московский университет.

[28] *Афанасий Фет.* Жизнь Степановки или лирическое хозяйство. Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 82. В дальнейшем ссылки будут даваться по этому изданию.

[29] В 1873 году по Высочайшему Указу Фету вернули дворянское звание и фамилию Шеншин.

[30] В 1860 г.

[31] Т.е. фантастической.

[32] Имение А.Н. Шеншина Ивановское находилось в 7 верстах от Степановки.

[33] В данном случае, отдаленное от других жилых мест.

[34] В 1861 г.

[35] Редактор «Русского вестника» М.Н. Катков изменил название, данное Фетом. Впоследствии большая часть статей Фета о сельскохозяйственной экономике составила цикл «Из деревни». Согласно первоначальному замыслу автора, мы будем называть эту статью «Жизнь Степановки или лирическое хозяйство».

[36] Русский вестник. 1862. Т. 38. № 3.

[37] Из деревни. [1863]. Русский вестник. 1863. Т. 43. № 1; Из деревни. [1863]. Русский вестник. 1864. Т. 50. № 4; Из деревни. [1868]. Литературная библиотека. 1868. № 2; Из деревни. [1871]. Заря. 1864. № 6.

[38] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: в 20 т. М., 1968. Т. 5. С.3 65–366.

[39] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

[40] Шторх Андрей Карлович (1766–1835) – российский экономист, первый в России популяризатор идей Адама Смита, историк и библиограф, академик (1804), вице-президент Петербургской АН (1830). Шторх сформулировал закон земельной ренты, на который впоследствии опирался в своих исследованиях К.Маркс.

[41] *Аникин А.В.* «И был великий эконом..» // «Коммерсантъ Деньги». № 21 от 02.06.1999. С. 47. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/22865/print

[42] Шеншин Александр Никитич.

[43] И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой были в гостях у Фета 26–27 мая 1861 г.

[44] Письмо И.П. Борисова И.С. Тургеневу от 8 февраля 1865 г.

[45] В России до 1917 г.: выборный член городской думы или земского собрания (губернского и уездного).

[46] *Черемисинова Л.И.* Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

[47] Летом 1869 г. А.А. Фет и И.П. Борисов по приглашению А.К. Толстого приехали на охоту в его имение Красный Рог Брянского уезда Орловской губернии.

[48] Эвениус Александра Ивановна (?–1868) – общественная деятельница и директриса одного из лучших пансионов для девочек в Москве. После ее смерти пансионом стала управлять Ш.Е. Эвениус.

[49] Петр Шеншин унаследовал душевный недуг матери – Надежды Афанасьевны и скончался в Петербурге в больнице Св. Николая в 1885 г.

[50] Исследователь В.А. Кошелев называет эту размолвку ничтожной, но, по моему мнению, это не так. Как уже говорилось выше, Фет относился к племянникам как к собственным детям, и неблагодарность Ольги должна была глубоко задеть его.

[51] Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб, 1914. С. 304.

[52] В 1881 г. по адресу: ул. Плющиха, д. 36. Не сохранился.

[53] Учреждена 17 августа 1881 года Императорской Петербургской академией наук. Вручалась каждые два года (в 1888–1895 годах — ежегодно) «за напечатанные на русском языке оригинальные произведения изящной словесности в прозе и поэзии». Премия присуждалась Отделением русского языка и словесности Академии наук. Первое присуждение премии состоялось в 1882 г., последнее — 6 декабря 1919. Была первой в России литературной премией, хотя ранее за труды в области словесности иногда вручались Демидовская, Ломоносовская и Уваровская премии.

[54] Московские ведомости. 1889 г., 29–30 января. Исторический вестник. 1889 г., № 3.

[55] *Садовский Б.А.* Ледоход: Статьи и заметки. Пг.: [изд. авт.], 1916. Борис Александрович Садовской (наст. фам. *Садовский*, 1881–1952) – русский поэт, прозаик, критик и литературовед Серебряного века.

[56] Страхов Николай Николаевич – критик, философ и публицист был близким знакомым Фета. Биографический очерк написан им для первого посмертного издания Фета (Лирические стихотворения, Ч. 1–2, 1894), затем перепечатывался вместе с другими статьями Страхова о Фете в двух изданиях «А.А.Фет. Полное собрание стихотворений», издание т-ва А.Ф. Маркс, 1901 и 1912.

[57] Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – русский журналист, публицист и литературный критик; доцент Московского университета, редактор «Юридического вестника», «Русского курьера», сотрудник «Русских ведомостей», редактор «Русской мысли».

[58] Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) – русский писатель, общественный и земский деятель, адвокат. С 1 марта1880 г. Арсеньев принял на себя ведение внутреннего обозрения и общественной хроники «Вестника Европы».

[59] Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — русский публицист и литературный критик, на момент юбилея Фета сотрудник «Русской мысли».

[60] *Страхов Н.Н.* Юбилей поэзии Фета // Новое время. № 4640. 1889. 29 янв.

Библиография

Аникин А.В. Муза и мамона: Социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль.1989.

Афанасий Фет. Воспоминания. М., 1983.

Афанасий Фет. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство // Новое литературное обозрение. М., 2001.

Блок Г.П. «Летопись жизни и творчества Фета» // А.А. Фет. Традиции и проблемы изучения / редкол.: *Н.Н. Скатов* и др. Курск, 1985. С.129–180.

Бухштаб Б.Я. Фет. Очерк жизни и творчества. Изд. 2-е. Л.: Наука. 1990.

Вторый В.Ф. Становление сельскохозяйственного машиностроения в России (XIX век) // Сб. науч. трудов ГНУ СЗНИИМЭСХ Россельхозакадемии. 2009. Вып. 81. Стр. 203–215.

Земледельцева Т., Евгеньев С.Т. Сюжетная проза и мемуары Фета: проблемы комментария. На материале повести «Дядюшка и двоюродный братец» (К постановке проблемы) // А.А. Фет и русская литература: матлы Всероссийск. науч. конф. «XVII Фетовские чтения» / под ред. *В.А. Кошелева, М.В. Строганова, Н.З. Коковиной*. Курск, 2003. С. 113–122.

Кошелев В.А. Лирическое хозяйство в эпоху реформ // Фет А. Жизнь Степановки или лирическое хозяйство // Новое литературное обозрение. М., 2001. С. 5–56.

Садовский Б.А. Ледоход: Статьи и заметки. Пг.: [изд. авт.], 1916.

Страхов Н.Н. А. А. Фет. Биографический очерк / *А. А. Фет*. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. / вступ. ст. *Н.Н. Страхова* и *Б.В. Никольского*. СПб: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1912. Т. 1. С. 3—11.

Тархов А.Е. Проза Фета-Шеншина / *Фет А.А.* Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. Проза / подгот. текста, сост., коммент. *А.Е. Тархова*. С. 363—458.

Черемисинова Л.И. Проза А. А. Фета. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х годов // автореф. ... докт. дис. 2008. Новгородск. гос. ун-т имени Ярослава Мудрого.

Шарков В.В. Сельскохозяйственные общества. СПб,1909.

Notes

A.A. Fet. Traditsii i problemy izucheniya: Sb. nauch. tr. (1985) [A.A. Fet. Traditions and Research Problems. Collection of scientific papers (1985)]. Kursk.

Banki. [Banks (1890-1907)] In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vol.] Saint Petersburg. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/

Bolotov A.T. (1770) Nakaz prikazchiku, kakim obrazom eme pravit' derevnyami v nebytnost' svoego gospodina. [A Direction to the Estate Manager on How He Should Rule Villages in the Absence of His Master]. *Trudy VEO* XVI: 169–230.

Dovnar-Zapol'skiy M.V. (1910) Materialy dlya istorii votchinnogo upravleniya v Rossii. Polozhenie dlya krest'yan Efremovskoy votchiny i derevni Varvarovki knyazya Fedora Nikolaevicha Golitsyna [Materials for the History of Manorial Rule in Russia. Regulation for Peasants of the Efremovo Manor and Varvarovka Village by Prince Fedor Nikolaevich Golitsyn]. *Universitetskie izvestiya* 11: 275–276.

Fet A.A. (2013) *Nashi korni*. [Our Roots]. Rostok: Saint Petersburg; sodruzhestvo «Posev»: Moscow.

Fet A.A. (2014) *Sochineniya i pis'ma: v 20 t.* [Writings and Letters: in 20 vol.] Moscow; Saint Petersburg: Al'yans-Arkheo Publ.

Istoricheskiy vestnik. 1889. №3. [Istoricheskiy Vestnik. 1889. № 3].

Kommersant Den'gi. №21 ot 02.06.1999. [Kommersant Dengi. №21 from 02.06.1999]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/22865/print.

Literaturnaya biblioteka. 1868. № 2. [Literary Library]. 1868. № 2.

Moskovskie vedomosti. 1889. 29–30 Jan. [Moskovskie Vedomosti. January 29–30, 1889].

Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovym. [Correspondence Between L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov]. (1914). Saint Petersburg.

Russkiy vestnik. 1862. T. 38. № 3. [Russkiy Vestnik. 1862. Vol. 38. № 3].

Russkiy vestnik. 1863. T. 43. № 1. [Russkiy Vestnik. 1863. Vol. 43. № 1].

Russkiy vestnik. 1864. T. 50. № 4. [Russkiy Vestnik. 1864. Vol. 50. № 4].

Sadovskiy B.A. (1916) *Ledokhod: Stat'i i zametki.* [Ice Drift: Articles and Notes].

Saltykov-Shchedrin M. E. (1966). *Sobranie sochineniy v 20 t. T. 5.* [The Complete Works in 20 vol. Vol. 5] . Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.

Strakhov N.N. (1889) Yubiley poezii Feta [The Jubilee of Fet's Poetry]. *Novoe vremya* 4640. 29 Jan.

Zarya. 1864. №6. [Zarya. 1864. № 6].

References

Afanasiy Fet (1983). *Vospominaniya.* [Recollections]. Moscow.

Afanasiy Fet (2001) *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khozyaystvo* [Life of Stepanovka, or Lyrical Economy]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie Publ.

Anikin A.V. (1989) *Muza i mamona: sotsial'no-ekonomicheskie motivy u Pushkina* [The Muse and the Mammon: Social and Economic Motifs in Pushkin's Works]. Moscow: Mysl' Publ.

Blok G.P. (1985) «Letopis' zhizni i tvorchestva Feta» ["A Chronicle of Fet's Life and Work"] In *A.A. Fet. Traditsii i problemy izucheniya: Sb. nauch. tr.* (1985) [A.A. Fet. Traditions and Challenges of Studying. Collection of scientific articles]. Kursk. Pp. 129–180.

Bukhshtab B.Ya. (1990) *Fet. Ocherk zhizni i tvorchestva*. [Fet. An Essay on His Life and Work]. L.: Nauka. Publ.

Cheremisinova L.I. (2008) *Proza A.A. Feta*. [A.A. Fet's Prose]. Saratov: SGU Publ.

Cheremisinova L.I. (2008) *Proza A.A. Feta v istoriko-literaturnom kontekste 1850–1880-kh godov. Avtoreferat doktorskoy dissertatsii.* [F.F. Fet's Prose in the Historical and Literary Context of the 1850s-1880s. Abstract of Dr. philol. sci. diss.] Novgorodskiy Gosudarstvennyy Universitet imeni Yaroslava Mudrogo.

Koshelev V.A. (2001) Liricheskoe khozyaystvo v epokhu reform [Lyrical Economy Under Reforms] In Fet A. *Zhizn' Stepanovki, ili liricheskoe khozyaystvo*. [Life of Stepanovka, or Lyrical Economy]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie Publ. Pp. 5–56.

Vtoryy V.F. (2009) Stanovlenie sel'skokhozyaystvennogo mashinostroeniya v Rossii (XIX vek) [Establishment of Agricultural Engineering in Russia (the 19th Century)]. *Sbornik nauchnykh trudov GNU SZNIIMESKh Rossel'khozakademii* 81: 203–215.

Sharkov V.V. (1909) *Sel'skokhozyaystvennye obshchestva*. [Agricultural Societies]. Saint Petersburg.

Strakhov N.N. (1912) A.A. Fet. Biograficheskiy ocherk [A.A. Fet. Biographical Essay] In. *A. Fet. Poln. sobr. stikhotvoreniy: V 2-kh t.* [F.F. Fet. The Complete Poems: in 2 vol.] Saint Petersburg: Izd-vo t-va A. F. Marks. T. 1. Pp. 3–11.

Tarkhov A. E. (1982) Proza Feta-Shenshina [Fet-Shenshin's Prose] In *Fet A.A. Sochineniya: V 2 t.* [Fet. A.A. Works: in 2 vol.] Moscow: Khudozh. Lit Publ. T. 2. Pp. 363–458.

Zemledel'tseva T., Evgen'ev S. T. Syuzhetnaya proza i memuary Feta: problemy kommentariya. Na materiale povesti «Dyadyushka i dvoyurodnyy bratets» [Fet's Narrative Prose and Memoirs: Challenges of Commenting. A Case Study of the Story "Uncle and Cousin Brother"] In *A.A. Fet i russkaya literatura: XVII Fetovskie chteniya*. [A.A. Fet and Russian Literature: the 17th Fet Readings]. Kursk. Pp. 113–122.

Поступила в редакцию
28.06.2017

ЯЗЫК СМИ

Груздева Маргарита Михайловна, преподаватель кафедры стилистики русского языка, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: mar-gruzdeva@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕЦЕНЗИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СТИЛИСТИКИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

При анализе состояния языка современных СМИ актуально сравнить стилистические особенности рецензий (советского периода 1960-х – 1980-х гг. и современных) на спектакли, поставленные на единой литературной основе. Театроведы отмечают, что театр как культурное явление в 1960-х – 1980-х гг. обрел особую значимость для духовной жизни советского общества, поэтому и театральная критика этого периода представляет особый интерес. В ходе сравнительного анализа выделяются факторы, определяющие стиль рецензии, в том числе влияние самого спектакля на язык рецензии, а также связь стиля рецензии с идеологическим фактором в советскую эпоху и с рекламным – в современных СМИ. Основной задачей советской рецензии было выполнение культуроформирующей функции, а не развлекательной и не рекламной. В статье рассматриваются такие вопросы, как жанровая контаминация и основные тенденции в стилистике театрального дискурса российских СМИ. Анализ показывает, что стилистика театральной рецензии связана с общими тенденциями в журналистике, с состоянием культуры, а также с запросами аудитории.

Ключевые слова: *театральный дискурс, театральная рецензия советского периода и современная, стилистические особенности.*

Margarita M. Gruzdeva, Lecturer at the Chair of Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, e-mail: mar-gruzdeva@yandex.ru

SOVIET AND CONTEMPORARY THEATRE REVIEWS AS A REFLECTION OF THE STYLISTICS OF THE TIME

When analyzing the condition of the language of modern media, it is worth to compare the stylistic characteristics of reviews of Soviet (from the 1960s till the 1980s) and contemporary performances based on the same literary source. Theatre critics note that in the 1960s – 1980s theatre as a cultural phenomenon acquired a special significance for the spiritual life of Soviet society. That is why theatre criticism of that period is also of special interest. In the course of a comparative analysis, the author identifies the factors which determine the style of the review including the influence of

the performance on the language of the review as well as the connection of the style of the review with ideological factors in the Soviet period and with publicity factors in modern media. The main task of Soviet reviews was to fulfill the culture-forming function but not the entertaining and advertising ones. Such questions as genre contamination and the main tendencies in the stylistics of theatrical discourse in modern Russian media are also examined in the article. The performed analysis shows that the stylistics of theatre reviews is closely connected with the general tendencies in journalism, cultural condition and audience demands.

Key words: *theatrical discourse, theatre review of the Soviet period and contemporary one, stylistic characteristics.*

Введение. Теория и литература

Жанр театральной рецензии за прошедшие годы претерпел различные трансформации, – в связи с этим, анализируя язык современных СМИ, представляется актуальным сравнить стилистические особенности театральной критики (советского периода 1960–1980-х гг. и современной) на спектакли, поставленные по единой литературной основе. По мнению многих театроведов, в 1960–1980-х гг. театр как культурное явление обрел особую значимость для духовной жизни советского общества, поэтому и театральная критика этого периода представляет особый интерес. В данной статье мы рассмотрим такие вопросы, как жанровая контаминация, исторический, эстетический и этический аспекты, взаимодействие СМИ и рекламы, а также основные тенденции в стилистике театрального дискурса.

Объектом рассмотрения стали рецензии на постановки произведений классической литературы («Гамлет» У. Шекспира, «Идиот» Ф.М. Достоевского, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова), а также популярных советских пьес («Таня», «Мой бедный Марат» А.Н. Арбузова, «Варшавская мелодия» Л.Г. Зорина), которые входят и в репертуар современных театров. Выбор рецензий на постановки именно этих пьес и романов обусловлен значимостью данных произведений в истории театрального искусства, а также их тематической и жанровой разноплановостью. Спектакли по этим произведениям привлекали внимание критиков и вызывали противоречивые оценки как в советское время, так и в современный период, поэтому мы можем сравнить большое количество рецензий, опубликованных в разные годы. В статье сравнивается язык театральной критики в изданиях для массовой читательской аудитории и в специализированных изданиях (журналы «Театр», «Театральная жизнь»). Уровень

знаний аудитории о театральном искусстве определяет отличия критики в специальных изданиях и в СМИ, ориентированных на широкий круг читателей, однако тем интереснее проследить общие тенденции, касающиеся особенностей стиля публикаций.

Для сопоставительного анализа используются материалы, опубликованные в изданиях различного типа: в газетах (как центральных, так и региональных) и журналах, освещающих широкий спектр тем; в современных тематических изданиях, посвященных досугу; в специализированных изданиях о театре. Взяты публикации советского периода (1960–1980-х гг.) и современные материалы (преимущественно 2009–2016 гг.). При анализе публикаций советского периода были использованы материалы РГБИ (Российской государственной библиотеки искусств), в том числе архивного фонда газетных вырезок.

Тема театрального дискурса в СМИ вызывает большой исследовательский интерес. Значительная часть опубликованных по этому вопросу работ посвящена истории театральной критики. В настоящее время особую актуальность приобретает проблема функционирования жанра рецензии, ее истории, трансформации и стилистических особенностей, отражающих языковые тенденции в целом. Важными для рассмотрения являются труды Н.С. Гараниной (1970, 1981), посвященные стилю русской театральной критики. Также большой интерес представляют работы театроведов, касающиеся истории, социологии театра, его эволюции и основных принципов театральной критики («Театральная критика и театроведение» Н.А. Таршис (2011); монография В.Н. Дмитриевского (2013) «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917–1991 гг»). Так как изменения, происходящие с жанром рецензии, связаны с основными тенденциями в журналистике и системе масс-медиа, то актуальной для статьи работой является монография Е.Л. Вартановой (2013) «Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики». В связи с осмыслением языковых особенностей рецензии используются идеи, выдвинутые в монографии И.В. Анненковой «Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ» (2011), а также в статье И.Б. Александровой и В.В. Славкина (2015) «Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества».

Театральная критика рассматривает искусство в непосредственной связи с жизнью, историческим контекстом, состоянием обще-

ства, поэтому очевидна зависимость стиля рецензий от разных факторов, в том числе от специфики культуры в конкретный исторический период, от основных тенденций в искусстве, наконец, от содержания и формы конкретной постановки, о которой идет речь. Так, Н.А. Таршис в работе «Театральная критика и театроведение» пишет, что в узком, непосредственном смысле обновление театрально-критической мысли стимулируется движением живого театра. Сама эстетическая база фактически находится в непрерывном становлении (Таршис, 2011: 161). Что касается спектаклей советского и досоветского периода, то именно благодаря театральной критике, анализирующей и воссоздающей восприятие постановок, удалось сохранить память о них. Таким образом, театральные рецензии прошлых эпох имеют огромное культурно-историческое значение и представляют большой интерес для сравнения с современными текстами рецензий и выявления их отличительных особенностей.

Театральное искусство зависит от эпохи в целом: от вкусов и предпочтений аудитории, общественных настроений, явлений социальной жизни, исторических, политических событий. Л.Г. Кайда пишет о новом поле исследования проблемы «читатель – авторский подтекст»: надо вычитать не только эстетическую оценку рецензируемого журналистом спектакля, но и понять принципы восприятия его в контексте времени (Кайда, 2013: 123). Интересно проследить взаимосвязь стиля рецензии с языком эпохи и с содержанием, формой самого объекта – театральной постановки. С помощью сравнительного подхода и анализа можно выявить особенности функционирования языка СМИ под влиянием экстралингвистических факторов (социального, политического, культурного и других). При таком рассмотрении вопроса очевидна взаимосвязь культуры и языка, соответственно, явлений искусства и языковых средств, выбираемых для оценки и описания, в частности, театральной постановки. Театральное искусство является показателем смены ценностных и эстетических ориентиров, а театральная рецензия является своеобразным отражением состояния культуры, так как вбирает в себя воссоздание, анализ и оценку всего происходящего в театральной сфере, составляющей значимую часть культурной жизни общества. Лексическое наполнение, различные способы выражения оценочности, стилистические средства – все это оказывается связано с непосредственными функциями театральной критики. Причем функции могут меняться в зависимости от эпохи.

Так, в советских рецензиях зачастую большое значение имела идеологическая составляющая. Советская критика нередко выступала рупором официальной идеологии, выполняла функцию государственной пропаганды, формировала определенные этические и эстетические идеалы, что не могло не отражаться на содержании и определенной стилистике текстов. В работах Н.С. Гараниной проводится идея, что искусство должно оцениваться с позиций коммунистического идеала. Она подчеркивает, что, разбирая и оценивая современное искусство с позиций идейно-эстетического идеала своего времени – коммунистического идеала, советская литературно-художественная критика выполняет задачу идейно-эстетического воспитания народа (Гаранина, 1981: 174). По мнению Гараниной, идеологическая составляющая должна быть максимально выражена наиболее яркими лингвистическими средствами. Высокоидейный, партийный анализ сценических произведений журналист должен воплотить в выразительную, публицистически страстную, общедоступную форму (Гаранина, 1970: 3).

Следует отметить, что рассматриваемый в данной статье советский период 1960–1980-х гг. – это уже время после «оттепели». В.Н. Дмитриевский в работе «Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917–1991 гг.» утверждает, что вехой, наметившей рубеж в изменении сложившейся в 1930–1950-е гг. государственной культурной политики, стала редакционная статья в газете «Правда» 27 ноября 1953 г. «Право и долг театра», опубликованная спустя полгода после смерти Сталина. Здесь впервые за много лет санкционировалась возможность неоднозначного взгляда на искусство (Дмитриевский, 2013: 651–652). В это время в искусстве на первый план выходили общечеловеческие ценности, вопросы морали и совести, проблемы личности. Дмитриевский пишет также, что театр в этих условиях вышел за рамки иллюстратора жизни, выступил как интерпретатор происходящих в обществе событий, взял на себя важные социально-ролевые функции, стал активным интегратором общественных настроений, стимулируя социальные преобразования. По мнению исследователя, театральность в 1960–1980-х гг. обрела мощную энергетику, стала категорией социального мышления, способной через интеллектуальное и духовно-эмоциональное потрясение, художественное обобщение раскрыть и объяснить суть и смысл отношений человека и общества (Дмитриевский, 2013: 695).

Однако в 1990-е гг. XX в. в жизни России, включая культуру, и в частности театр, произошли кардинальные перемены. Это повлекло за собой существенную трансформацию театральной критики, которая, по мнению многих специалистов, в настоящее время переживает кризис, заметно снижаются эстетические критерии и самих спектаклей, и театральных рецензий. Современный театр все чаще напоминает шоу, что отражается и на выборе лексических средств в рецензиях. Во-первых, многие постановки характеризуются именно как «шоу», а во-вторых, рецензенты зачастую специально стремятся выбрать провокативную, эпатажную лексику, соответствующую формату «шоу», используют приемы языковой игры для выполнения аттрактивной или же развлекательной функции.

Для российского театра характерно сосуществование разных стилевых систем – реалистической, модернистской и постмодернистской. Явление постмодернизма оказало огромное влияние не только на сами спектакли, но и на весь театральный дискурс, в том числе на язык критики. Одной из определяющих культуру постмодернизма принято считать идею деконструкции. Ж. Деррида расширил сферу применения деконструкции до области постмодернистской эстетики и философии в целом. Идея деконструкции предполагает интерпретационный тип мышления, при котором изменяется статус традиционных ценностей и идеалов. Как известно, главными категориями классической эстетики являются понятия прекрасного, возвышенного, трагического, тогда как современное искусство все чаще акцентирует внимание на безобразном, низменном, ироничном. Современный театр зачастую провозглашает крах традиционных эстетических категорий, изменяются цели и функции искусства. Этот процесс влияет и на язык рецензий.

Одной из преобладающих становится гедонистическая функция (искусство как наслаждение). В современном искусстве гедонистическая функция приближается к развлекательной. Категории прекрасного, возвышенного и трагического часто разрушаются, что подтверждают примеры эпатажных трансформаций на сцене в спектаклях классических литературных произведений. В таких постановках целенаправленно «убивается» авторская эстетика, устраняется категория возвышенного, принципиально важная для многих классических произведений литературы. Постмодернистская свобода выражения позволяет режиссерам использовать в та-

ких спектаклях нецензурную лексику (отсутствующую в литературном источнике), вольно трактовать и переделывать сюжет, акцентировать уродливое и безобразное, превращать трагедию в фарс и клоунаду. Подобные постановки могут провоцировать критиков на очень резкие оценки с использованием грубой, разговорной лексики в соответствующем ключе, а также даже в случае положительной или нейтральной оценки способствуют переходу на сниженную, сленговую лексику в соответствии с задачей воссоздания увиденного на сцене и выражения субъективных эмоций.

Театральная критика советского периода не допускала возможности использования грубой, разговорной лексики, сленга, жаргонизмов (впрочем, в то время и нельзя было представить на сцене скандальные трактовки классики, подобные современным). Главное же отличие языка советских и современных рецензий связано с изменением их задач и с разными условиями функционирования СМИ. Е.Л. Вартанова в работе «Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики» отмечает: «Сенсации и скандальные разоблачения, ориентация на вкусы массовой аудитории, профессиональная необходимость завоевывать и удерживать внимание и доверие читателей и зрителей, характерные для нацеленных на прибыль зарубежных медиакомпаний, практически отсутствовали в советских массмедиа. Выполняя свою роль в качестве просветительского и культурного института, советская журналистика часто вступала в противоречие с информационными и социальными запросами аудитории, что в условиях плановой экономики не могло корректироваться механизмами рынка» (Вартанова, 2013: 53).

Действительно, культуроформирующая функция изначально была основополагающей для театральной критики. Это обстоятельство подчеркивает Н.А. Таршис, говоря о том, что театральному критику полагается быть во всеоружии не только истории и теории театра, но и культуры в широком охвате. В связи с этим Таршис пишет: «Исторически всегда так и было: значительными критиками становились люди культуры с большим кругозором, заинтересованные проблемами развития искусства. Тогда и возникает содержательное, всякий раз индивидуальное соотношение сценической "эмпирики" и "генерализации", описания сценической фактуры и анализа структуры в тексте театрально-критической статьи. Здесь и рецепт от избыточной "оценочности", рецензентской грубости» (Таршис, 2011: 162).

Однако в настоящее время культуроформирующую функцию все больше замещает развлекательная, не только на сцене, но и во всем театральном дискурсе СМИ. И.В. Анненкова отмечает, что сегодня фактор развлечения очень часто перевешивает фактор информативности при выборе адресатом того или иного издания (Анненкова, 2011: 191). В связи с этим она рассматривает такое явление, как «гедонистический текст», задача которого – вызвать эмоции, доставить удовольствие, развлечь, испугать или шокировать. Основными чертами гедонистического текста являются индивидуализм, глумливость и десакрализация. «Еще один способ "зацепить" читателя – прибегнуть к глумливости, к унижению высокого, к издевке над чем-то незыблемым и вечным в сознании людей. И здесь можно говорить о пересечении стратегии гедонизма со стратегией секуляризации, или десакрализации» (Анненкова, 2011: 197).

Важный фактор, способствующий трансформации жанра театральной рецензии и влияющий на стилистику современных текстов о театре, – это рекламная функция многих материалов, заменившая идеологическую составляющую советских рецензий. Выбор спектаклей для освещения в СМИ связан не только с авторитетом театров и качеством постановки, многое зависит и от активной работы пиар-отделов, которые есть сейчас в большинстве театров.

Стилистические особенности советской и современной театральной рецензии

Целям убеждающего воздействия в критике подчинена вся система разбора произведения, однако в основе жанра театральной рецензии – анализ и оценка. В различные исторические периоды искусство приобретает определенные особенности, в связи с чем способы выражения оценочности не могут быть одинаковыми.

Так, например, в рецензиях советского периода обязательно указываются государственные звания заслуженных, народных артистов, деятелей искусства. Это связано с официозной составляющей публицистических текстов и с определенными нормами этикета, сложившимися в то время в области искусства.

...Так начинается спектакль, поставленный по хорошо известной ленинградцам пьесе Л. Зорина ***заслуженным деятелем искусств***

***РСФСР** П. Монастырским* (рецензия на спектакль «Варшавская мелодия», Вечерний Ленинград, 13.08.1970).

*...И **заслуженная артистка РСФСР** Алиса Фрейндлих тонко и ненавязчиво раскрывает сущность своей героини* (рецензия на спектакль «Таня», Комсомолец (г. Ростов-на-Дону), 1.07.1967).

В современных рецензиях обычно указываются полное имя и фамилия актера без перечисления государственных званий, зато часто можно встретить такие эпитеты, как «звезда», «медийный актер», «кумир молодежи» и т. п., что также является показателем успеха актера, но безотносительно к государственным наградам и званиям: *Поколение Next представлено группой хамоватых лиц и инфантильным Лопахиным (Лопахина играет 25-летний **кумир сегодняшней молодежи** и **звезда «Стиляг»** Антон Шагин)* (рецензия на спектакль «Вишневый сад», URL: http://os.colta.ru/theatre/events/details/10806/).

Идеологическая составляющая советских рецензий является одним из основополагающих факторов, влияющих на содержание и стилистику: *Но общее, как известно, проявляется в единичном, а **чувства всегда историчны и социальны*** (рецензия на спектакль «Варшавская мелодия», Советская Киргизия (г. Фрунзе), 14.07.1970).

Даже в такой лирической истории категория чувств оказывается связанной не с индивидуальным началом, а с историей и значением для общества в целом. Интересно отметить, что в рецензиях на современную постановку «Варшавской мелодии» критики проводят различные политические аналогии, которые сложно было бы представить в советской прессе. Таким образом, сам ход истории меняет угол рассмотрения одних и тех же тем и определяет выбор лексических средств.

Но еще сильнее, чем акцент, действует взгляд актрисы, даже в самые захватывающие минуты отстраненный, сохраняющий дистанцию. И – как Европа для России – тем сильнее она влечет к себе Виктора... Чем дальше – тем желаннее (Независимая газета, 30.11.2009).

Идеологический подход очень сильно влиял на язык и стиль советских рецензий, на трактовку содержания, а также на лексическое наполнение, синтаксис, стиль, патетику речи, часто напоминающей выступление на партийном собрании. Впрочем стоит отметить наряду с идеологической составляющей возможность

проявления искренних патриотических чувств, выражаемых авторами в текстах рецензий.

Советские люди взрастили прекрасный сад социализма, они строят новое коммунистическое общество. <...> Мы приветствуем коллектив Московского Художественного театра, мы благодарны ему за все хорошее, что он сделал для Родины (рецензия на спектакль «Вишневый сад», Горьковская правда (Горький), 5.07.1960).

И когда опускается занавес, зритель уверен, что придут люди, которые будут достойны всей красоты родной земли. Они очистят, искупят все ее прошлое и превратят всю Родину в волшебный сад (рецензия на спектакль «Вишневый сад», Красный Север (Вологда), 16.11.1960).

Важный для рассмотрения аспект – способы выражения критической оценки в советских рецензиях, когда должны были соблюдаться нормы литературной речи (что свойственно языку советских СМИ в целом), не допускалась сниженная, разговорная лексика, сленг. В данном случае мы не рассматриваем примеры совсем разгромных рецензий, которые часто были связаны с идеологическими моментами. К тому же с учетом цензуры того времени и малой вероятности постановок, глобально противоречащих государственной идеологии, разгромные материалы подобного типа не были распространены. Проводился определенный принцип уважительного отношения к деятелям искусства, замечания критиков строились на нейтральной лексике, давались в основном в уважительной форме к деятелям искусства. Н.С. Гаранина пишет по этому поводу следующее: «Чуткое, благожелательное отношение к деятелям искусства – к этому призывают критику партия и правительство – не исключает требовательности к художникам, но предписывает такие стилистические формы высказываний, которые не ущемляют их достоинства» (Гаранина,1981: 197–198).

Приведем примеры подобных критических замечаний:

Таков суровый и горький финал этого лирического спектакля. Спектакля, в котором, к сожалению, есть и недостатки. В первую очередь – не очень удачное исполнение роли Виктора артистом В. Никитиным (рецензия на спектакль «Варшавская мелодия», Вечерний Ленинград, 13.08. 1970).

Что же касается спектакля «Мастер и Маргарита», то, на наш взгляд, блестящая режиссура в нем опять-таки значительно преобладает над уровнем исполнения (рецензия на спектакль «Мастер и Маргарита», Заря Востока (Тбилиси), 30.09.1979).

Интересно рассмотреть известную разгромную рецензию на спектакль «Мастер и Маргарита» Театра на Таганке, опубликованную под заголовком «Сеанс черной магии на Таганке» в газете «Правда» от 29 мая 1977 г., в которой критик дает негативную оценку спектаклю, уверенно аргументирует свою позицию, выполняет убеждающую функцию, воздействуя на аудиторию. Лексическое наполнение разнообразно, есть элементы и официально-делового стиля, и публицистического. Образность, метафоричность, патетика речи соединяются с логичными и аргументированными рассуждениями автора. На первый план, конечно, выходит идеологическая составляющая рецензии.

...То, что не без оснований воспринимается как «ограниченность взгляда» применительно к довоенным десятилетиям, никак, разумеется, не может послужить безотказным камертоном мировосприятия, надежной прицельной оптикой для участия в битве идей сейчас, в год 60-летия Октября.

...Но и в этом представлении, где так много магических «чудес» и превращений и не присутствует дух конкретного историзма, увы, не удается срастить, уравнять на правах большой правды то, что рождено страстью, болью сердца и искренностью художника, с суетной и мелкой, словно подачка на зрительскую бедность, игрой в «остроту». Режиссерская магия тут бессильна.

Интересно заметить, что и в этой рецензии, особенно в ее финальной части, автор прибегает к иронии как к одному из распространенных способов выражения критической оценки.

В современных рецензиях ирония становится еще более распространенной, более язвительной, оценка может даваться в форме сарказма и стеба. Особенно часто рецензент в ироничном стиле подводит итоги.

Если в советских рецензиях достаточно строго соблюдались нормы речи, то в современных демократизация публицистического стиля привела к тому, что оценка все чаще выражается с помощью разговорной, сленговой лексики. Эта тенденция касается и выражения негативной оценки, и лексического наполнения текстов в целом, даже когда автор дает положительную оценку современному спектаклю. Активное использование жаргонизмов и сленговых элементов во многих случаях может быть связано и с развлекательной функцией, особенно в тех случаях, когда материал ориентирован на читательскую аудиторию, не готовую к серьезному и вдумчивому анализу.

Картина, открывшаяся сразу же после «поднятия» проекционного красного занавеса, ***была весьма крутой****. <...>* ***Отдельный и, пожалуй, главный респект*** *авторам режиссерской концепции Ирине Афанасьевой и Софье Сираканян за адекватный подход к тексту Булгакова. <...> Звуковая каша вредит индивидуальности замечательных артистов и придает в целом очень качественному шоу характер «елки в Лужниках»* (рецензия на спектакль «Мастер и Маргарита», Московский комсомолец, 4.03.2015).

Помимо общих изменений стилистики современной медиаречи, на язык рецензии, как уже говорилось, влияет сам объект (театральная постановка). Стилистика театральной рецензии зависит от самого объекта внимания, от жанра и специфики постановки, а также от запросов и общего культурного уровня аудитории (как зрителей театра, так и читателей конкретных изданий). В советское время не было постмодернистских трактовок классики, эпатажных спектаклей, где с самой сцены звучала бы сниженная, а зачастую и нецензурная лексика. И вряд ли советские постановки Булгакова можно было бы охарактеризовать как шоу.

В рецензиях разных периодов на постановки одного и того же произведения могут быть акцентированы принципиально разные эстетические категории:

Но в спектакле во всех его моментах в разных формах витает Красота.

Красота – неотъемлемая часть жизни и искусства. Даже победа справедливости, не осененная красотой, не полноценна (рецензия на спектакль «Мастер и Маргарита». Театр, 1988. № 5. С.42–51).

Находясь в режиссерской страшилке как в предлагаемых обстоятельствах, хорошие актеры по мере сил стараются сделать историю более глубокой и многогранной (рецензия на спектакль «Мастер и Маргарита», URL: http://izvestia.ru/news/499828).

Советская рецензия (как и постановка) привлекает традиционную идею красоты и прекрасного, а автор рецензии на современный спектакль, оценивая увиденное, сравнивает постановку со «страшилкой», используя разговорную лексику с иронической окраской.

В современной журналистике выходит много материалов о скандальных постановках, которые вызывают ажиотаж и повышенный интерес у публики. В то же время в современных рецензиях авторы зачастую акцентируют и то, что постановка не скан-

дальная и не эпатажная, подчеркивается уважение к автору и к авторскому замыслу.

Самый главный и неожиданный плюс – «Гамлет» Саркисова — его абсолютная традиционность (URL: https://www.vashdosug.ru/msk/theatre/performance/533913/tab-reviews/review72010/).

Говоря о влиянии объекта на язык, приведем пример критики на театральные постановки «Идиота» Ф.М. Достоевского. Большое значение для истории театрального искусства имел спектакль «Идиот» БДТ 1957 г., который, по словам А. Смелянского, сразу стал легендой: «В критике замелькали непривычные слова совсем не из театрального ряда: "чудо", "паломничество", "откровение"» (Смелянский, 1999: 25).

Однако, если объект рецензии – современный провокационный спектакль, по мнению рецензента, искажающий классику, то оценка критики может быть очень резкой в выражениях и в выборе лексических средств. Яркий пример – рецензия Александра Минкина на спектакль К. Богомолова «Князь». Приведем некоторые отрывки из этой рецензии: *Текст, звучащий со сцены, не Достоевского. Такое могла бы смастерить волшебная сказочная крыса (смертельный враг геройского Буратино). Она разгрызла роман, притащила куски на сцену, кое-как слепила. <...> Количество грязи портит качество жизни. <...> Похабщина на сцене «Ленкома» — тупая, бездарная, холодная, выученная и отрепетированная — это не смешно, а грязно. И артисты это понимают* (Московский комсомолец, 18 апреля 2016 года).

Конечно, сложно представить подобную лексику в отношении классической постановки советской эпохи. Важно отметить использование простой бытовой лексики для создания ярких, наполненных образов, причем чаще всего автор использует повтор лексем «грязь», «грязно», «похабщина».

В то же время критика – это всегда субъективная оценка, поэтому интересно сравнить мнение разных журналистов об одном и том же провокационном спектакле, рассмотреть под разными углами зрения разные лексические, стилистические средства. Пример – рецензия Марины Шимадиной в журнале «Театрал»:

...Эти слова действуют на моралистов как красная тряпка. Но их крики выдают несколько пещерное представление об искусстве <...> Для театральных критиков спектакль Богомолова – просто кладезь, о нем можно писать километры текстов, находить все новые повороты и аллюзии <...> В мире, изображенном режиссером,

нет ни бога, ни дьявола, есть только онтологическая тоска, отчаяние и пустота («Театрал». № 6(139), июнь 2016. С. 18–19).

В рецензии используется философская терминология, указание на просвещенность и автора, и современного зрителя.

Выражение авторской оценки в тексте возможно и с помощью **синтаксиса.** Структура предложения способствует выполнению не только информативной, но и воздействующей функции театральной рецензии. Здесь в советских и современных рецензиях достаточно много общего.

Для жанра театральной рецензии большое значение имеет авторское «я».

Могу уверить, что это не служебная привычка во что бы то ни стало определить каждому Гамлету свой инвентарный номер (Волжский Комсомолец (Куйбышев) 14.06.1967).

Ильинский в жизни моего поколения – спутник наш, неотрывный и скромно необходимый (рецензия на спектакль «Вишневый сад», Советская Россия (Москва) 3.03.1982).

Структура предложения во многих случаях воссоздает коммуникацию «автор–читатель». Часто используются местоимения первого лица множественного числа (с целью подчеркнуть, что точка зрения близка аудитории).

Гимнастерка? Да, она, та самая. Нам, сверстникам солдата, это сразу видно (рецензия на спектакль «Мой бедный Марат», Литературная газета, 8.05.1965).

Надо было видеть восторженные лица зрителей, чтобы понять, до чего же мы все истосковались по нормальным человеческим взаимоотношениям! (рецензия на спектакль «Варшавская мелодия», Российская газета, 1.12.2009).

Таким способом автор может устанавливать неформальный, дружеский тон общения. Диалогичность вообще становится особенно актуальной в современных текстах. В статье И.Б. Александровой, В.В. Славкина «Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества» говорится, что характерной чертой современной медиаречи можно признать конструирование автором диалога с потенциальным читателем. «Таким образом журналист повышает коммуникативный статус аудитории, воспринимает ее как равноправного участника диалога (даже если таковой и не состоится). В этом и проявляется феномен диалогического в массовой коммуникации: медиаречь всегда

потенциально диалогична» (Александрова, Славкин, 2015, URL: http://www.mediascope.ru/node/2029).

Журналисты используют для придания тексту диалогизированной формы особые долженствовательные синтаксические конструкции, а также вопросительные предложения – своеобразные реплики в беседе автора и читателя.

Если вы ждете почтения к классике, вам не в «Ленком» (URL: http://www.vashdosug.ru/yaroslavl/theatre/article/50981/).

Впрочем, если вам хочется получить чувство омерзения за деньги, то, наоборот, вам очень надо пойти в «Ленком» на Богомолова (Московский комсомолец, 18.04.2016).

Но как быть? Мы же имеем дело не с одноразовой акцией, а с явлением (Московский комсомолец, 18.04.2016).

Подобные обращения, побудительные предложения могут выполнять воздействующую функцию с разной целью. Если приведенные выше примеры косвенно выражали негативное отношение критика к постановке, то в других случаях категорические суждения, формы повелительного наклонения, обращения часто используются авторами для призыва посмотреть спектакль, что может быть связано и с реализацией рекламной функции материала.

Если только посчастливится туда попасть – никогда не забудете (URL: http://www.rg.ru/2014/03/27/lopahin.html).

В общем, фанаты жанра, не пропустите (URL: http:// www.vashdosug.ru/msk/theatre/perfomance/608531/tab-reviews/review75161/).

В настоящее время специфика текстов театральных рецензий часто заключается в том, что на первый план выходит реализация аттрактивной, а не аналитической функции. Поэтому в тексты театральной критики проникает все больше характерной рекламной лексики (*хит, шоу, уникальный, суперуспешный, суперзвезда, тренд, бренд, эксклюзивный* и т. п.).

Главный петербургский хит – мюзикл по роману «Мастер и Маргарита» – стартовал в Москве. В этом шоу, как и в суперуспешном мюзикле «Призрак Оперы» главную роль исполняет Иван Ожогин, артист с мощной харизмой и голосом уникального диапазона (URL: http://www.vashdosug.ru/msk/theatre/perfomance/608531/tab-reviews/review75161/).

Благодаря упоминанию имен популярных актеров, акцентации их медийности, перечислению кинороле́й также выполняется ат-

трактивная, рекламная функция. Особенно это характерно для массовых изданий, рассчитанных на самую широкую аудиторию.

Однако, несмотря на распространенность рекламной функции, культурологическая, просветительская функции также сохраняются в театральных рецензиях. Для постмодернистского искусства характерна интертекстуальность, что отражается и на языке театральной критики. Для авторской оценки широко распространено цитирование. Отметим, что некоторые отсылки (например, религиозные) было бы сложно представить в рецензиях советского периода:

Сергей Голомазов поставил мрачный спектакль. Горький, трагический, эпиграфом к которому могли бы стать строки из Евангелия: «В любви нет страха. Боящийся несовершенен в любви» (рецензия на спектакль «Варшавская мелодия», URL: https://www.vashdosug.ru/msk/theatre/article/66541/).

Однако философская составляющая была распространена и в рецензиях советского периода: *Пролог спектакля невольно отсылает нашу память к словам молодого Михаила Булгакова: «Звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле»* (рецензия на спектакль «Мастер и Маргарита», Правда, 29.05.1977).

Выводы

Результаты сравнения показывают, что современная театральная рецензия в результате жанровой динамики зачастую теряет аналитическую основу, становясь частью рекламного и развлекательного дискурса. В ходе сравнительного анализа можно выделить следующие факторы, определяющие стиль рецензии: влияние самого спектакля как объекта постановки (контент, жанр, режиссура) на язык рецензии; связь языка рецензии с идеологией в советскую эпоху и с рекламными установками – в современных СМИ. Основной задачей советской рецензии было выполнение культуроформирующей, просветительской функции, а не развлекательной. В советской и современной критике различны способы выражения оценки (как положительной, так и отрицательной). Демократизация публицистического стиля привела к распространению сниженной лексики в современных рецензиях, во многих случаях происходит сознательный отход от литературно-языковой нормы. Современные рецензии, приближенные к языку массовой аудитории, ча-

сто наполнены сленгом, в то время как советские рецензии характеризует уважительное отношение к языковым нормам.

И в советский период, и в настоящее время театральная критика рассматривает искусство в непосредственной связи с жизнью, историческим контекстом, состоянием общества. На жизнь современного театра оказали влияние постмодернистские концепции, в том числе изменился язык критики, в котором произошли жанровое и стилевое смешения. Театральное искусство предлагает обществу своеобразную «дорожную карту», намечая ценностные и эстетические ориентиры, а театральная критика становится отражением этих процессов, поэтому очевидна не только взаимосвязь стиля рецензии и основных языковых тенденций времени, но и параллель между эстетикой, стилистикой постановок и стилистическими особенностями рецензий на них.

Библиография

Александрова И.Б., Славкин В.В. Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества // Медиаскоп. 2015. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2029.

Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та; Фак. журн. МГУ, 2011.

Вартанова Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2013.

Гаранина Н.С. Стиль русской театральной критики (XIX–XX веков): Учеб.-метод. пособие к спецсеминару для студентов-заочников фак. журналистики гос. ун-тов / под ред. проф. *А.В. Западова*. 2-е изд., перераб. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

Гаранина Н.С. О стиле литературно-художественной критики // Стилистика газетных жанров / под ред. *Д.Э. Розенталя*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 173–204.

Дмитриевский В.Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Ч. 2.: Советский театр 1917–1991 гг. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013.

Кайда Л.Г. Интермедиальное пространство композиции. М.: Флинта, 2013.

Смелянский А.М. Предлагаемые обстоятельства. Из жизни русского театра второй половины XX века. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1999.

Таршис Н.А. Театральная критика и театроведение // Введение в театроведение: учеб. пособие / сост. и отв. ред. *Ю.М. Барбой*. СПб: Изд-во СПбГАТИ, 2011. С. 161–170.

References

Aleksandrova I.B., Slavkin V.V. (2015) Dialogichnost' kak kategorial'naya kharakteristika rechi sovremennogo obshchestva [Dialogueness as a Categorial Characteristics of Modern Society's Speech]. *Mediaskop* 4. Available at: http://www.mediascope.ru/2029.

Annenkova I.V. (2011) *Mediadiskurs XXI veka. Lingvofilosofskiy aspekt yazyka SMI*. [21st Century Media Discourse. The Linguo-Philosophical Aspect of the Media Language]. Moscow: Faculty of Journalism, MSU Publ.

Dmitrievskiy V.N. (2013) *Teatr i zriteli. Otechestvennyy teatr v sisteme otnosheniy stseny i publiki. Ch. 2.: Sovetskiy teatr 1917–1991 gg.* [Theatre and Spectators. National Theatre in the System of Relationships between the Stage and the Public. Part 2: Soviet Theatre of 1917–1991] Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya».

Garanina N.S. (1981) O stile literaturno-khudozhestvennoy kritiki In D.E. Rozental (ed.) *Stilistika gazetnykh zhanrov*. [On the Style of Literary and Art Criticism. In D.E. Rozental (ed.) Stylistics of Newspaper Genres]. Moscow: MSU Publ. Pp. 173–204.

Garanina N.S. (1970) *Stil' russkoy teatral'noy kritiki (XIX–XX vekov): Ucheb.-metod. posobie k spetsseminaru dlya studentov-zaochnikov fak. zhurnalistiki gos. un-tov.* [The Style of Russian Theatre Criticism (of the 19th-20th Centuries): study guide for extramural students of the faculties of journalism of state universities] Moscow: MSU Publ.

Kayda L.G. (2013) *Intermedial'noe prostranstvo kompozitsii*. [The Intermedial Space of Composition]. Moscow: Flinta Publ.

Vartanova E.L. (2013) *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki*. [Post-Soviet Transformations of Russian Media and Journalism]. Moscow: MediaMir Publ.

Smelyanskiy A.M. (1999) *Pre dlagaemye obstoyatel'stva. Iz zhizni russkogo teatra vtoroy poloviny XX veka*. [The Magic If. From the Life of Russian Theatre in the Second Half of the 20th Century]. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr.

Tarshis N.A. (2011) Teatral'naya kritika i teatrovedenie. In Yu.M. Barboy (ed.) *Vvedenie v teatrovedenie: uchebnoe posobie* [Theatre Criticism and Theatre Studies In Yu. M. Barboy (ed.) Introduction to Theatre Studies: study guide] Saint Petersburg.: SPbGATI Publ. Pp. 161–170.

Поступила в редакцию
21.07.2017

ПРАВО СМИ

Богданова Ольга Алексеевна, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: otheodorova@gmail.com

ГРЕЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕЧАТИ ДО ПРИНЯТИЯ ПЕРВОГО ЗАКОНА О СМИ (1821–1931 гг.)

История формирования и развития греческого права печати, а также развитие модели взаимоотношений между государством и прессой в Греции до сих пор оставалась за рамками отечественной науки. Мы впервые вводим в русскоязычное научное поле материал по этой теме. Он может быть интересен и полезен для изучения и понимания истории европейского права СМИ, поскольку греческое законодательство о печати составляет его неотъемлемую часть. Изучение греческих законодательных актов о печати позволит увидеть, чем положение греческой печати отличалось от положения прессы в других европейских государствах, насколько уникальными были взаимоотношения государства и печати на заре существования современной Греции. Как показывает изучение законодательства, в период с 1821 по 1931 г. в условиях частых перемен в политической ситуации в Греции сохранялась устойчивая тенденция развития противостояния между государством и печатью. До принятия закона 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других распоряжениях» печатные СМИ подвергались суровым наказаниям и уголовному преследованию. Вместе с тем Греция оказалась одним из первых европейских государств, где возникла идея саморегулирования работы печати.

Ключевые слова: *Греция, печать, законодательство о СМИ, законодательство о печати, право СМИ.*

Olga A. Bogdanova, PhD student at the Chair of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: otheodorova@gmail.com

PRESS LEGISLATION IN GREECE BEFORE THE ADOPTION OF THE FIRST MEDIA LAW (1821–1931)

The history of the formation and development of press legislation in Greece has not been studied in Russia so far, nor has the Greek model of the relationship between the state and the media. This article is the first attempt to introduce these subjects into the Russian-language academic context. It is of interest for the study of the European media law because press legislation in Greece represents its

inseparable part. The study of Greek legislative acts on the press makes it possible to identify the distinctions in the situation of the press in Greece and in other European states and also to understand how unique the relations of the state and the press were on the eve of modern Greece. The study of the legislation shows that in the period from 1821 to 1931, under conditions of permanent changes in the political situation, the stable tendency of opposition and confrontation between the state and the press continued. Before the law 5060/1931 "On the press, insults to honor in general and other orders" was adopted, print media were subject to severe punishments and criminal persecution. At the same time, however, Greece proved to be one of the first European states where the idea of self-regulation of the press emerged.

Key words: *Greece, press, media legislation, press legislation, media law.*

Введение

В статье в историко-эволюционном аспекте рассматривается формирование корпуса греческих законодательных актов о печати в период первых 110 лет существования современного Греческого государства (с 1821 по 1931 год).

История формирования и развития греческого права о печати до сих пор оставалась за рамками отечественной науки. Мы впервые вводим в русскоязычное научное поле материал по этой теме и считаем, что он может быть интересен и полезен сейчас, когда лакуны по истории европейского права СМИ постепенно заполняются.

Изучение греческих законодательных актов о печати позволяет увидеть, как и на каких основаниях выстраивались отношения между правительством и печатью в тот период, когда государственный строй современной Греции только начал формироваться.

Отличалось ли положение печати в Греции от ситуации в других европейских государствах и можно ли считать греческую ситуацию уникальной?

Сегодня, когда ряд европейских регионов отстаивает свое право на самостоятельность, а вопросы национального самоопределения даже для небольших по численности этнических групп становятся актуальными и острыми, есть реальная возможность образования новых независимых территорий, опыт Греции может быть полезен для понимания моделей и парадигм, по которым могут выстраиваться взаимоотношения в новообразованном государстве, а также для прогнозирования тех опасностей и рисков, которые реальны для печати (и для системы СМИ в целом) новообразованных государств.

Процесс формирования греческого законодательства в области СМИ начался вскоре после возникновения независимого греческого государства в 1822 г. До этого, со времени взятия Константинополя войсками Оттоманской Порты в 1453 г., Греция находилась под властью Порты и издание газет на ее территории было невозможно. Соответственно, отсутствовало и законодательство о печати.

Греческая пресса возникла за пределами Греции. Первая греческая газета была основана в 1784 г. в Вене, в 1790 г. там же появилась вторая, а в 1811 г. – третья. До начала греческого восстания и войны за независимость от Турции (1821 г.) две греческие газеты выходили в Париже и две – в Лондоне. Их деятельность регулировалась местными законами о печати. В 1821 г. первые газеты начали издаваться в самой Греции, в частности в Каламате (правда, она имела всего три выпуска) (Ψυχογιός, 2004: 357–358).

В 1822 г. в Греции была сформирована Первая республика и последовательно приняты четыре Конституции (в 1822, 1823, 1827 и 1832 гг.). Начиная с Конституции 1823 г., свобода слова была закреплена как одно из основных прав граждан нового государства. С этого момента берет начало история современного греческого законодательства о печати. Возникает вопрос: по какой модели в новом государстве строились взаимоотношения государства и печати, какую роль играли газеты и журналы в жизни греческого общества и можно ли говорить о том, что в новообразованной Греции положение прессы существенно отличалось от ситуации в других европейских государствах?

Положение печати в государстве отражается, в первую очередь, в законах, которые регулируют ее работу. На протяжении XIX–XX вв. политический строй в Греции неоднократно изменялся, что влекло за собой изменения законодательства о печати. Поэтому, чтобы ответить на заявленный вопрос, мы рассмотрим законодательные документы, которые регулировали деятельность греческой прессы до принятия первого единого закона о печати в 1931 г., который открыл новый этап в развитии системы греческого права СМИ, когда на смену совокупности разрозненных законодательных документов (иногда взаимодополняющих, а иногда и противоречащих друг другу) приходит единый свод распоряжений.

Тема настоящей статьи – эволюция взаимоотношений государства и печати в Греции с момента возникновения современного Греческого государства в 1821 г. до принятия первого греческого

закона о печати в 1931 г. Объект – законодательные акты в области печати, принятые в период с 1822 по 1931 г. Цель – проследить историю формирования корпуса законодательных актов Греческой республики в контексте развития европейского законодательства о печати и выявить модель, по которой складывались взаимоотношения государства и прессы. Задача – проанализировать выбранные законодательные акты и рассмотреть их как в диахроническом аспекте (на протяжении всей истории современной Греции), так и в синхроническом (в рамках каждого выделяемого специалистами исторического этапа и в сравнении с законодательством других европейских государств), с тем чтобы проследить, какую роль играла печать в истории современного Греческого государства и как развивались отношения государства и печати.

Проводя исследование, мы опирались на два текста, которые кратко описывают историю греческого права печати с 1822 по 1960-е гг. (Τσαπόγας, 2008) и дают общий обзор истории греческой печати (Ψυχογιος, 2004: 354–397), а также на работы по истории европейского права СМИ (Гроссман, 2001; Лабриола, 2001; Львов-Рогачевский, 2001; Новицкая, 2013). Они дают возможность встроить рассмотренные нами законодательные документы в контекст политической жизни Греции.

Мы работали с оригинальными греческими текстами документов (на русский язык официально до сих пор переведен только текст Конституции Греческой республики 1975 г.). В тексте статьи цитаты из документов приведены в переводе или пересказе автора.

Основы права Греции

Как было сказано выше, началом истории формирования системы греческого права СМИ служит Конституция 1823 г., в которой свобода слова была закреплена как одно из основных прав граждан нового государства. То есть изначально печать мыслились полностью свободной и могла быть площадкой для выражения мнений, доступной любому гражданину. Это отвечало общему духу и настроению свободы, которые царили в Греции после освобождения от Порты.

Конституция 1827 г. подтвердила право граждан на свободу слова и была дополнена пунктом об отсутствии цензуры в отношении печати. Несмотря на то что де-юре принцип свободы выраже-

ния мнений, в том числе посредством печати, закреплялся всеми последующими Конституциями, де-факто свобода печати подвергалась разной степени ограничениям, которые находили основание в законодательстве. В этом смысле ситуация в Греции в какой-то мере копировала законодательство Франции времен правления Наполеона III (1848–1870 гг.): предварительная цензура в отношении французской печати отсутствовала, однако появление нежелательных сообщений, сведений или материалов каралось постфактум. При этом существовал свод предостережений о том, чего не следует печатать (Львов-Рогачевский, 2001: 451). Позднее, в 1830-е гг., в греческом законодательстве был разработан список нежелательных для публикации сведений, появление которых квалифицировалось как злоупотребление и преступление печати. Иными словами, печать представлялась как источник нежелательной информации, от чего государство стремилось себя обезопасить. Так что практически с самого начала существования современной Греции между правительством и печатью возникла ситуация конфронтации. Кроме того, Конституция 1832 г. ограничила круг людей, которые могли издавать газеты. Отныне это могли быть только граждане Греции, обладающие соответствующим образованием и недвижимостью на территории страны (при этом образовательный и имущественный ценз не конкретизировался). Редакторам и издателям вменялась ответственность за содержание публикаций. Аналогичная ситуация сложилась в Швеции, где первый государственный акт об отмене цензуры был принят в 1766 г., а редакторы и издатели отвечали за тематику публикаций (Новицкая, 2013: 141).

До начала правления короля Оттона (1833 г.) в Греции издавались 20 газет (Ψυχογιός, 2004: 259). Отдельные законы о печати еще не были разработаны (в Конституции упоминается только принятый правительством документ 2085, который регулирует работу газет до момента вступления в силу закона о печати). Газеты контролировались враждующими между собой политическими группировками, представителями аристократии и военными, которые получали от них поддержку в обмен на денежные выплаты. Позднее работу печати взяло под контроль государство. В дальнейшем конфронтация между правительством и печатью сохранялась и, как следствие, в Греции развивалась тенденция ограничения свободы печати.

Правление короля Оттона I (1833–1862).
Начало формирования греческого законодательства о печати

Первые три закона, регулирующие работу печати (за исключением упомянутого выше распоряжения 2085), были приняты в годы правления короля Оттона (1833–1862). Главная их цель – ограничение свободы печати, за образец было взято законодательство континентальной Европы (Ψυχογιός, 2004: 359-360). Отметим, что если в Западной Европе изначально цензура печатной продукции исходила от Католической Церкви (Гроссман, 2001: 75; Львов-Рогачевский, 2001: 441–444), то в Греции подобной ситуации не было. Церковь вплоть до 1975 г. находилась под строгим контролем со стороны государства и не могла выступать как цензурирующий орган. Единственная печатная продукция, за содержание которой она отвечала и продолжает отвечать по сей день, – текст Священного Писания (обязанность Церкви следить за неизменностью текста Библии закреплена в Конституции).

Закон от 18 сентября 1833 г. «О преступлениях вследствие злоупотреблений печати» содержал список правонарушений печати: оскорбление властей, членов царской семьи и представителей дипломатического корпуса, разжигание вражды среди граждан, расшатывание мирных устоев, оскорбление веры и нравственности – и предполагал суровые наказания. В этом смысле греческое законодательство аналогично шведскому, в котором содержатся предостережения относительно публикаций такого рода содержания (Новицкая, 2013: 143). Но если в Швеции на заре формирования законодательства о печати (там же: 147–148) и в Германии, согласно закону 1874 г. (Гроссман, 2011: 88), внимание уделялось публикации сведений о судебных делах, то для греческого законодательства информация из зала суда стала интересна только во второй половине XX в. В XIX в. законодательство контролировало преимущественно политическое содержание публикаций. Это логично: печать рассматривалась правительством как источник возможной критики и угрозы для своего благополучия. Главной задачей было взять под контроль уже существующие газеты и жестко регулировать процесс возникновения новых.

В соответствии с этим закон 11–23 сентября 1833 г. «О полиции печати» определял предпосылки, необходимые для издания газеты или журнала. Для этого требовалось заплатить огромную по тем временам пошлину – 5 000 драхм, предоставить в полицию от-

тиск перед печатью тиража газеты и обязанность публиковать государственные объявления или ответы на вопросы в связи с материалами газеты. Система предоставления залога существовала во Франции после 1819 г. и даже после революции 1830 г., а практика предоставления оттисков в полицию была предписана немецким законом о печати 1874 г. (там же: 87). Таким образом, в Греции применялись те же инструменты экономического контроля и сдерживания свободы печати, которые существовали в XIX столетии во Франции и Германии.

Декрет от 11–23 сентября 1833 г. «О праве заниматься типографской, литографической и журналистской профессиями» определял условия основания типографии или книжного магазина и продажи печатной продукции (продажей газет занималась почта или местные власти, газетных киосков не существовало) (Ψυχογιος, 2004: 362). Необходимо было иметь разрешение властей и доску на здании с полным перечнем издаваемой продукции (для типографий). Заниматься типографским делом и продажей печатной продукции разрешалось только гражданам соответствующего возраста, собственникам недвижимого имущества, не совершившим никаких правонарушений (Τσαπόγας, 2008: 482).

Примечательно, что специальные распоряжения относительно правонарушений, совершаемых посредством печати, были введены в принятый в 1834 г. Уголовный закон, что говорит о том, насколько серьезную опасность газеты и журналы могли представлять для правительства: печать воспринималась как реальная власть, способная нанести государству существенный урон.

Однако этого показалось недостаточно: 23 ноября – 5 декабря 1837 г. был создан специальный (отдельный от общегосударственного Уголовного закона) Уголовный закон о печати – закон «О поношениях в целом и о печати». В нем кодифицировались преступления печати, которые подлежат уголовному преследованию. Использование печати в целях совершения общественного правонарушения рассматривалось как отягчающее обстоятельство, ответственность за его совершение возлагалась на множество лиц, в качестве самого тяжелого наказания был предусмотрен запрет на занятие журналистикой (Τσαπόγας, 2008: 482).

3 сентября 1843 года в Греции произошло народное восстание, вследствие чего в принятой 18 марта 1844 г. Конституции были вновь закреплены фундаментальные основы свободы печати. Из требований к издателям исключен пункт об образовании и владе-

нии недвижимым имуществом, ответственные редакторы, издатели и типографы освобождены от уплаты пошлины.

Закон 1837 г. оставался в силе, несмотря на противоречие с Конституцией. Он был дополнен рядом специальных распоряжений, связанных с политическими потрясениями и технологическими новшествами, например законом РЕГ 1850, который ужесточил наказание за оскорбление в печати царя; а закон ΥΕΔ 1858 подчинил определенные нарушения со стороны печати специальному суду, который находился под присягой (Ibid).

Уголовный закон о печати 1837 г. просуществовал почти 100 лет и был упразднен только распоряжением 30–31 июля 1926 г., но ненадолго. Спустя три года, с законом 4218/1929, он снова вступил в силу и был полностью заменен только законом 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других соответствующих распоряжениях».

Фактически же свободное выражение в печати мнений и взглядов было заведомо невозможно.

Правление короля Георга I (1863–1913)

Конституция 1864 г. снова закрепила свободу печати и запрет на предварительную цензуру и другие превентивные меры в отношении печати (ст. 14). Конфискация газет до выхода тиража была запрещена, после публикации она допускалась только в случаях оскорбления царя или религии. Таким образом, Греция стала одной из первых стран, в Конституции которой была закреплена свобода печати (во Франции, Германии и Испании того времени печать подлежала серьезному контролю).

Заметим, что это, как и во времена действия первых трех Конституций, не означало свободы печати на практике. После принятия Конституции 1864 г. издатели газет и журналисты подвергались преследованиям за высказывание чересчур свободных, с точки зрения властей, мнений, как, например, Харилаос Трикопис, который осудил чересчур легкомысленные нравы королевского двора (Ψυχογιός, 2004: 366–367). То же самое происходило, например, в Швеции в конце XVIII столетия, когда за сословную критику могли последовать суровые наказания (Новицкая, 2013: 144), или в середине XIX столетия в Италии (Лабриола, 2001: 208–209).

Административный надзор за печатью развивался, были приняты законы с требованиями предоставлять экземпляры печатной

продукции в библиотеки (законы ΣΜΗ /1867, ΓΧΛΖ/1910) (Τσαπόγας, 2008: 482).

Печать в Греции проявила себя как сила, стремящаяся реально противостоять правительству. На фоне усиления государственного контроля возникает противодействие вмешательству правительства в работу СМИ: издатели газет впервые в Греции выдвигают идею саморегулирования печати. В 1904 г. собственники афинских газет основали Синдикат печати, чтобы самостоятельно контролировать качество типографской бумаги и условия ее закупки. Уже после смерти короля Георга в 1914 г. был основан Союз редакторов ежедневных афинских газет. В этом смысле Греция значительно опередила другие балканские страны. В Болгарии, например, система саморегулирования печати и по сей день «пока еще невысока» (Назайкин, 2013: 33).

Со своей стороны, правительство продолжало усиливать контроль за печатью. В Конституции 1911 г. появилась статья о возможности конфискации напечатанного тиража газет, в которой условия конфискации были оговорены очень подробно. По сути, она повторила содержание статей Конституций 1823 и 1827 гг. о запрещенных к публикации темах. Также был введен запрет на обнародование материалов о деятельности и передвижениях вооруженных сил.

От Первой мировой войны до диктатуры Метаксаса (1914–1936)

После убийства короля Георга I страну возглавил король Константин, который 2 июля 1917 г. отрекся от престола. В 1924 г. в стране произошел военный переворот, и на период до 1935 г. Греция стала монархией во главе с королем Георгом II. В 1925 г. в результате военного переворота власть в стране на год перешла к генералу Теодоросу Пангалосу, который стал диктатором.

Отношения между правительством и печатью по-прежнему складывались в модели противостояния. В непростой, постоянно меняющейся политической ситуации развитие законов о печати продолжалось в сторону еще большего усиления контроля со стороны властей.

Конституции 1926 и 1927 гг. в отношении печати повторили текст 1911 г. Вместе с тем, были приняты отдельные законодательные документы, которые дополняли Уголовный закон 1837 г. За-

коны 4133/1929 и 4149/1929 развили систему противодействия оскорблениям в печати, закон 4311/1929 утвердил международное соглашение «О взысканиях в связи с тиражом и торговлей бесчестными публикациями» (Τσαπόγας, 2008: 483).

Некоторые законы о печати были обусловлены внешнеполитической обстановкой.

С 1912 по 1922 г. Греция находилась в состоянии войны, поэтому более чем объяснимо принятие ряда дальнейших распоряжений о запрете на публикацию информации о передвижениях войск и об оборонительных сооружениях (законы 173/1914, 755/1917, 2179/1920, декрет 1448/1918), о запрете на оскорбление представителей дипломатического корпуса, государств, которые находятся в состоянии войны (закон 340/1914), а также запрете на восхваление подвигов партизан (законодательное распоряжение от 27 сентября 1925 г.) и на публикацию материалов по вопросам политического устройства страны (законодательное распоряжение от 24 апреля 1924 г. «Об укреплении демократической формы правления» с многократными изменениями). К этому же периоду относятся случаи применения цензуры в связи с объявлением военного положения (законы 913/1917, 1388/1918 и 1478/1918).

Несмотря на военное положение, в Греции впервые были разработаны некоторые законы, касающиеся собственно журналистской работы и не принадлежащие области взаимоотношений правительства и печати. Так, в период Первой мировой войны были приняты распоряжения относительно регуляции процедуры публикации опровержений, качества и условий закупки газетной бумаги (законы 837/1917, 1760/1919, 1935/1920 и 2282/1920), возможных цен и форматов газет (законы 815/1917, 1016/1917, 1145/1918, 1889/1920 и 2195/1920, 2874/1922) (Ibid).

Часть законодательных документов о печати начала XX в. отражала внутриполитическую ситуацию в стране, а именно идеологическую линию, которой следовало действующее в Греции правительство.

С конца 1920-х гг. и особенно с приходом к власти диктатора Пангалоса власти Греции стали внимательно следить за распространением в стране коммунистических идей. Первые социалистические издания стали появляться на территории Греции еще в 1880-е гг. В 1908 г. в Афинах была основана «республиканская» (по самоопределению) газета «Ризоспастис» («Ριζοσπάστης»), которая настаивала на свержении монархии (Ψυχογιος, 2004: 375–376). Ве-

роятно, именно с тем, что социалистические и коммунистические издания выступали с резкой критикой правительства, связано принятие ряда распоряжений о запрете распространения коммунистических идей (4229/1929, 4689/1930, 5174/1931, 5595/1932, 5764/1933).

В 1931 г. был принят первый документ, который полностью упорядочил систему права печати – закон 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других распоряжениях». Он упразднял уголовную ответственность за преступления печати и заменил многие наказания в виде лишения свободы денежными штрафами (впоследствии был дополнен специальными распоряжениями относительно административного надзора за печатью) (законы 5633/1932 и 5999/1936). С его принятием открывалась новая эпоха во взаимоотношениях государства и печати в Греции, когда конфронтация стала ослабевать. Однако вскоре на смену этой тенденции пришло еще более серьезное противостояние, но рассмотрение дальнейшей истории права печати в Греции выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Таким образом, как показывает изучение законодательства в области печати в Греции, в период с 1821 по 1931 г., в условиях частых перемен в политической ситуации в стране пресса рассматривалась правительством как источник возможной угрозы. Возникла ситуация противостояния между государством и печатью. Соответственно, законодательство развивалось в сторону усиления, ужесточения контроля над печатной продукцией прежде всего за счет усиления цензуры, что было возможно, поскольку еще не были приняты официальные документы, которые гарантировали работникам печати права и свободы.

Греческое законодательство о печати, с точки зрения содержания, прошло примерно те же этапы формирования и развития, что и в других европейских государствах. Для контроля печати применялись экономические (предварительный залог) и административные (предоставление оттисков в полицию и др.) меры.

Модель противостояния во взаимоотношениях между государством и прессой в Греции выстраивалась на фоне стремления к свободе, которое лежало в основе возникновения современной Греции, и непростой, переменчивой политической ситуации вну-

три страны. В результате в греческом законодательстве могли одновременно иметь силу противоречащие друг другу документы в отношении печати. Так, предварительная цензура, как и в ведущих европейских государствах, по Конституции была отменена, однако существовала система предостережений, за нарушение которых сотрудники редакций и типографий подвергались наказаниям разной степени тяжести.

Греческая печать оказывала серьезное сопротивление государственному контролю. Несмотря на строгие цензурные ограничения печати, Греция обогнала многие европейские государства и оказалась одним из первых европейских государств, где возникла идея саморегулирования работы печати.

После более чем 100 лет противостояния государства и печати был принят закон 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других распоряжениях», что открыло новую эпоху в жизни греческой печати, когда она перестала подвергаться уголовным преследованиям. Однако последующее развитие политической ситуации в стране приостановило и на десятилетия пресекло линию развития законодательства о свободной печати, обладающей не только ответственностью и обязанностями, но и правами, а также пользующейся определенными гарантиями со стороны государства.

Греческий опыт показывает, что главный риск, с которым может встретиться печать и в целом система СМИ новообразованного государства, – это ситуация жесткого конфликта и противостояния с правительством в случае, если пресса будет отстаивать свою независимость. С другой стороны, существует риск, что пресса полностью окажется под контролем государства. Главные инструменты воздействия на СМИ – это экономический контроль, а также введение жесткой системы цензурирования материалов (до и после выхода тиражей). Один из действенных инструментов противостояния государственному контролю и сохранения независимости для СМИ – своевременное создание собственной, независимой от государства системы регулирования печати в форме профсоюзов и иных видов журналистских организаций, которые смогут обеспечить внутренний (профессиональный) контроль за работой СМИ и служить инструментом воздействия на органы государственной власти, в том числе в вопросах законодательства о печати. Особенно актуально это может быть в ситуации одновременного существования противоречащих друг другу законодательных актов: такая ситуация создает возможность для СМИ юриди-

чески обосновывать невозможность выполнения определенных предписаний, которые приведут к их полному подчинению государству. Принятие в Греции Конституции 1844 г., а также закона 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других распоряжениях» свидетельствует о том, что выдержать и выиграть противостояние с государственной системой для СМИ реально при условии организованной и грамотно выстроенной работы независимых журналистских организаций.

Библиография

Гроссман Г. Периодическая печать в Германии // История печати. Антология. Том II. М., 2001. С. 75–108.

Лабриола А. Периодическая печать в Италии // История печати. Антология. Том II. М., 2001. С. 201–216.

Львов-Рогачевский В. Печать и Цензура // История печати. Антология. Том II. М., 2001. С. 435–491.

Назайкин А.Н. Болгария (Республика Болгария) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 31–52.

Новицкая И.Я. Первый государственный акт об отмене цензуры в Швеции, узаконенный 2 декабря 1966 года Его Королевского Величества Милостивым Постановлением Относительно Свободы выхода в свет Рукописных и Печатных Изданий: исторические предпосылки и персоналии. М., 2013.

Τσαπόγας Μ. (2008) Περίγραμμα της ελληνικής νομοθεσίας περί Τύπου // *Εγκυκλοπαίδεια του ελληνικού Τύπου 1784–1974. Εφημερίδες, περιοδικά, δημοσιογράφοι, εκδότες. Τ. 4.* Αθηνα. С. 481–484.

Ψυχογιός Κ.Δ. (2004) *Τα έντυπα μέσα επικοινωνίας. Από τον πηλό στο δίκτυο.* Αθηνα.

References

Grossman G. (2001) Periodicheskaya pechat v Germanii. In *Istoriya pechati. Antologiya. Tom II.* [The Press in Germany. In *History of the Press. Anthology. Vol. II*]. Moscow. Pp. 75–108.

Labriola A. (2001) Periodicheskaya pechat v Italii. In *Istoriya pechati. Antologiya. Tom II.* [The Periodical Press in Italy. In *History of the Press. Anthology. Vol. II*]. Moscow. Pp. 201–216.

Lvov-Rogachevskiy V. (2001) Pechat i Tsenzura. In *Istoriya pechati. Antologiya. Tom II.* [The Press and Censorship. In *History of the Press. Anthology. Vol. II*]. Moscow. Pp. 435–491.

Nazaykin A. N. (2013) Bolgariya (Respublika Bolgariya). In *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI.* [Bulgaria (The Republic of Bulgaria). In *Encyclopedia of World Media Industry*]. Moscow. Pp. 31–52.

Novitskaya I.Ya. (2013) *Pervyiy gosudarstvennyiy akt ob otmene tsenzuryi v Shvetsii, uzakonennyiy 2 dekabrya 1966 goda Ego Korolevskogo Velichestva Milostivyim Postanovleniem Otnositelno Svobodyi vyihoda v svet Rukopisnyih i Pechatnyih Izdaniy: istoricheskie predposyilki i personalii* [The First State Act on the Abolition of Censorship in Sweden Legalized on December 2, 1966 by the Merciful Resolution of His Royal Majesty regarding the Freedom of Producing Manuscript and Print Publications: Historical Prerequisites and Personalia]. Moscow.

Psikhogios K.D. (2004) Pechatnye sredstva kommunikatsii. Ot gliny do interneta. [Print Media of Communication. From Clay to the Internet]. Athens.

Tsapogas M. (2008) Opisaniye grecheskogo zakonodatelstva o pechati. In: *Entsiklopediya grecheskoy pechati 1784–1974 gg. Gazety, Zhurnaly, Zhurnalisty, Izdateli. Tom IV*. [A Description of Press Legislation in Greece. In *Encyclopedia of the Greek Press of 1784–1974. Newspapers, Magazines, Journalists, Publishers. Vol. IV*]. Athens. Pp. 481–484.

Поступила в редакцию
03.06.2017

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

Самошкин Евгений Алексеевич, магистрант кафедры международных исследований Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова; e-mail: e.samoshkin@inbox.ru

ИНСТИТУТЫ БОРЬБЫ С ДЕЗИНФОРМАЦИЕЙ И МИСИНФОРМАЦИЕЙ В СМИ

Статья посвящена исследованию разницы между понятиями «дезинформация» и «мисинформация». Так как не вся ложная информация в СМИ, при наличии неоспоримых фактов, доказывающих данный момент, является непосредственно дезинформацией, необходимо разделять категории с учетом интенциональной составляющей подобных публикаций. В статье рассматриваются существующие в различных странах социальные институции, занимающиеся борьбой с мисдезинформацией, с разделением их на действующие на уровне одного или нескольких государств официальные комиссии или министерства и более мелкие, существующие в формате, например, издательства. На примере кейса нидерландского издания «DROG» будет рассмотрена реализация стратегии, несколько отличающейся от стандартных методов — по типу фактчекинга (проверки фактов), — и то, как она способствует развитию культуры критического отношения к статьям в разного рода СМИ.

Ключевые слова: *дезинформация, мисинформация, СМИ, социальные институты, фейковые новости.*

Evgenii A. Samoshkin, master's student at the Chair of International Studies, Institute of Foreign Languages and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University; e-mail: e.samoshkin@inbox.ru

INSTITUTIONS FIGHTING DISINFORMATION AND MISINFORMATION IN MASS MEDIA

The article focuses on the difference between the concepts of disinformation and misinformation and provides a brief history of these terms. As false information in mass media is not necessarily disinformation, it is correct to distinguish between these categories taking into account the criterion of intention. The author examines the existing social institutions in different countries that are engaged in fighting mis- and disinformation dividing them into major institutions like governmental

committees or ministries and smaller ones like publishing houses. In a case study of the Dutch online publication DROG, the author analyzes the unusual strategy it uses and the way this strategy contributes to developing critical attitude towards information in different mass media.

Key words: *disinformation, misinformation, mass media, social institutions, fake news*

Введение

Практически любой человек неразрывно связан с процессом потребления информации об окружающем его мире как из СМИ, так и из альтернативных каналов коммуникации. Сегодня одной из главных проблем становится качество получаемой информации и ее влияние на общество.

В данной работе проводится попытка разграничить следующие понятия: «дезинформация», относящиеся к ней фейковые новости и «мисинформация». Ставятся следующие вопросы:

1. Что представляет собой дезинформация, «фейковые новости», мисинформация и как различать данные термины?
2. Все ли «фейковые новости» и дезинформацию можно относить к намеренному дезинформированию?
3. Какие существуют методы борьбы с данными явлениями?

В эпоху глобализации многие СМИ используют дезинформацию и сами попадают под ее воздействие, неосознанно производя недостоверную информацию – фейковые новости. Прибегают к их помощи для достижения различных целей: навязывание мнения и видения мира, расширение аудитории и т. д. (Rubin, Chen and Conroy, 2015), зачастую используя при этом апелляцию как к вполне реальным, так и к иррациональным страхам людей.

В нынешнее же время любое глобальное событие (выборы в различных странах, военные конфликты, ситуации с беженцами и прочие события) практически сразу «обрастает» фейками (Ibid). Что зачастую является результатом информационных противоборств как различных государств, так и отдельных групп лиц, отстаивающих свои интересы.

Сама концепция и ее осуществление не являются новым изобретением и успешно использовались, например, в СССР с 1923 г. (дата создания Дезинформбюро) под названием «дезинформация» (Manning and Romerstein, 2004).

Дезинформация

Для достаточного понимания процесса не будет лишним ознакомиться с теоретическими аспектами. Дезинформация – это распространение искаженных или заведомо ложных сведений для достижения пропагандистских, военных (введение противника в заблуждение) или других целей (Коновалов, 2010). Дезинформацией (или дезинформированием) называется сам процесс манипулирования информацией: введение кого-либо в заблуждение путем предоставления неполной информации, искажения контекста, искажения части информации.

По версии «Оксфорд ливин дикшионари» (Oxford Living Dictionary) понятие выглядит немного иначе. В нем дезинформацией называется «ложная информация, которая направлена на введение в заблуждение, это пропаганда, созданная правительственными организациями по отношению к противникам или СМИ»[1].

Цель такого воздействия всегда одна — оппонент должен поступить так, как это необходимо манипулятору. Поступок субъекта, против которого направлена дезинформация, может заключаться в принятии нужного манипулятору решения или в отказе от принятия невыгодного для манипулятора решения. Но в любом случае конечная цель — это действие, которое будет предпринято оппонентом.

Дезинформация, таким образом, — это осознанный акт деятельности человека, попытка создать ложное впечатление и, соответственно, подтолкнуть объект к желаемым действиям или бездействию. Характерной особенностью «дезы» становится то, что она активно используется в военное время, не важно, «горячая» эта война или «холодная». Масштаб, методы и формат «войны» становятся не ее основополагающим факторами, а, скорее, лишь отражают специфику конкретной конфликтной ситуации.

Как один из примеров использования данного метода проанализируем следующий момент времен «холодной» войны. Мнение о роли СССР в развитии института создания и распространения дезинформации высказывается в статье «Вашингтон Пост» (The Washington Post) «Before "fake news", there was Soviet "disinformation"» (До «фейковых новостей» была советская «дезинформация»)[2].

Публикация начинается с рассказа о событиях 80-х гг., связанных с мифом о том, что США собирается запустить в Индию

СПИД. Началом череды событий стала статья в небольшой просоветской, как утверждается в статье, газете в Индии под названием «Патриот» (Patriot) – «AIDS may invade India: Mystery disease caused by US experiments» от 17 июля 1983 г., в которой процитировано письмо пожелавшего сохранить анонимность, но «широко известного американского ученого и антрополога». Там заявлялось, что Пентагон разрабатывает новые виды биологического оружия, но эксперименты вышли из-под контроля и потребовалось срочно перенести их из США в другие страны, преимущественно развивающиеся, которые легко поддаются влиянию и давлению Вашингтона.

Вначале публикация осталась незамеченной, но в октябре 1985 г., она появилась в «Литературной газете». В следующем году она была опубликована уже на главной странице одного из британских таблоидов. Тут уже нетрудно предположить, как быстро она разлетелась по всему миру. В 1987 г., по данным Кэйтлин Бэйли из Бюро разведки и исследований госдепартамента США, статья появилась в крупнейших газетах более 50 стран[3].

Лаборатория Форт-Детрик, указанная в статье «Патриота», действительно существует, но до конца не известно, действительно ли там занимались созданием вируса ВИЧ. Одним из последствий данной информационной кампании можно считать следующей момент: опрос, проведенный в 2005 г. в США среди чернокожего населения (500 человек), показал, что почти 50% опрошенных верят в то, что СПИД был создан человеком искусственно. В любом случае, общепринятым остается мнение о передаче данного вируса от обезьяны к человеку[4].

Действительно трудно оценить насколько много людей подверглись воздействию данных публикаций. Но если принять во внимание широту распространения информации (более 50 стран) и далее предположить, что, к примеру, 5% от общей массы читателей газет искренне поверили этим статьям и готовы отстаивать свою точку зрения различными способами (например, митингами, разгневанными письмами, призывами к принятию правительствами различных решений и т. д.), в итоге может возникнуть большая группа людей, решительно настроенных на изменение ситуации. Причем до конца не известно, правдива была информация в этих публикациях или нет.

Но в процессе создания и распространения недостоверной информации жертвой становится не только аудитория, но и сами

СМИ, теряющие как репутацию, так и источники финансирования из-за того, что зачастую не уделяют должного внимания верификации полученных данных и просто перепечатывают наиболее ажиотажные статьи из мало проверенных источников. Впоследствии процесс опровержения подобных статей может привести только к ухудшению ситуации (Nyhan, Reifler, 2015). Неосознанное допущение ошибок в публикациях уже будет относиться к понятию **мисинформация**, которое более распространено в англоязычном мире.

Прежде чем перейти к анализу мисинформации, необходимо рассмотреть феномен «фейковых новостей» («fake news»).

«Фейковые новости»

Данным термином сейчас называют дезинформацию, как можно понять из упомянутой ранее статьи «Вашингтон Пост». Популярным термин стал с момента последних президентских выборов в США, что подтверждает рис. 1 от «Гугл Трендс» (Google Trends), который показывает резко возросшую частоту поиска по словосочетанию «fake news» (фэйковые новости)[5].

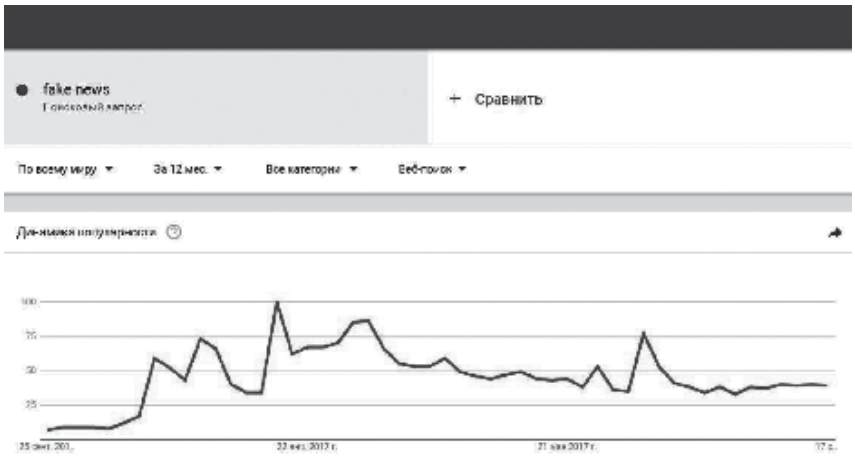

Рисунок 1. Частота поиска по словосочетанию «fake news»

Источник: Google Trends

Во время прошедших президентских выборов стали широко распространены взаимные обвинения кандидатов в президенты (Хиллари Клинтон, Дональда Трампа) в создании «фейковых новостей». По мнению Дональда Трампа, на тот момент уже ставшего президентом США, главными виновниками этого являются «Си-Эн-Эн» (CNN), «Баззфид» (Buzzfeed) и «Зэ Нью Йорк Таймс» (The New York Times)[6].

В статье от «Зэ Телеграф» (The Telegraph) говорится о том, что сами по себе «фейковые новости» не новы и тесно связаны с американской историей. В публикации Тим Стэнли, британский журналист, напоминает об одном из подобных моментов. Во время президентских выборов 1828 г. в США один из кандидатов, Эндрю Джэксон, обвинил своего соперника (Джона Квинси Адамса) в том, что во время его пребывания на посту посла США в России «он предоставил русскому царю американскую девушку»[7].

Исходя из проанализированных данных, можно заключить, что дезинформация как феномен не является исконно советским изобретением, а тесно связана и с американским обществом, которое в не меньшей степени может использовать дезинформацию в своих внутренних целях. Можно сказать, что само понятие «дезинформация» стало ассоциироваться с Советским Союзом и его информационной политикой в годы «холодной войны», но используемые методы зародились еще до образования СССР.

Для подтверждения изменения понятия дезинформация на «фейковые новости» приведем определение термина «фейковые новости» из работы Ханта Элкота и Мэттью Дженцкау: «Фейковые новости» – это новости, которые намеренно ложны, что может выясниться при их проверке, и они могут ввести в заблуждение читателей. (Allcott and Gentzkow, 2017). Здесь мы наблюдаем отождествление понятий дезинформация и «фейковые новости».

Мисинформация

Данный термин представляет собой распространение ложной, ошибочной информации, но без осознания автором того, что эта информация не соответствует действительности (Lewandowsky, Ecker, Seifert, Schwarz et al, 2012), например, публикации с недо-

статочной верификацией фактов, неточные переводы статей и высказываний с иностранных языков. Главной особенностью остается то, что ошибки допущены автором не намеренно.

Примером мисинформации служит недавняя ситуация с российскими СМИ и высказыванием советника по арктической политике правительства штата Аляска Крейга Флинера. На форуме «Арктика – территория диалога», прошедшем в конце марта 2017 г., как раз в 150-ю годовщину продажи Аляски Соединенным Штатам, советник якобы заявил, что Аляска «могла бы быть более развитым регионом, если бы находилась под управлением России». В самой цитате приводились слова Флинера, согласно которым «из-за географического положения и близости к Канаде и США, возможно, русские бы развивали Аляску с точки зрения обеспечения национальной безопасности». В связи с этим, как высказался чиновник, «регион мог бы быть более развит в отношении безопасности». Статья с данной информацией была опубликована на сайте РИА «Новости»[8]. При этом в первом абзаце текста говорилось об общем развитии Аляски.

Однако на уточняющий вопрос корреспондента «Москоу Таймс» (The Moscow Times) Флинер заявил, что считает ровно противоположное: «Аляска очень далеко от развитой части России и поэтому не могла бы быть более развитой».

Тем не менее в день публикации сообщение РИА «Новости» было распространено многочисленными СМИ и за счет ресурсов МИА «Россия сегодня» и телеканала «Раша Тудэй» (Russia Today) (его возглавляет Маргарита Симоньян, также являющаяся и главным редактором МИА, в структуру которого входит сайт РИА «Новости») переведено на несколько языков[9].

В интервью для «Аляска Диспатч Ньюс» (Alaska Dispatch News) в статье под названием «Советник по арктической политике Аляски стал жертвой фейковых новостей в России» («Alaska's Arctic policy adviser falls victim to fake news – in Russia») Крейг Флинер предположил, что возникшая лавина публикаций стала результатом языкового барьера, ошибок при переводе[10].

В итоге складывается двоякая ситуация: вполне возможно, что данная проблема действительно возникла в результате того, что российские СМИ всего лишь неправильно перевели слова Флинера. После этого РИА «Новости» поменяли название статьи с «В правительстве Аляски заявили, что регион был бы более развит

под управлением России»[11] на «Советник правительства Аляски: мы ценим отношения с Россией».

На рис. 2 наглядно представлена разница между терминами[12].

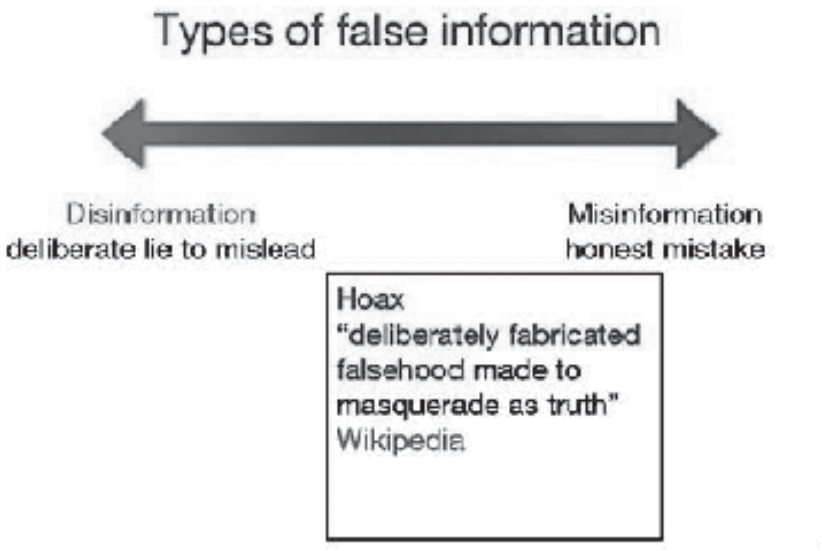

Рисунок 2. Различие между терминами «дезинформация» и «мисинформация»

Если применить данные категории к вышеописанному случаю про историю распространения СПИДа, то можно создать следующую схему:

1. Первичный источник дезинформации – газета «Патриот» из Индии.
2. Вторичный источник дезинформации/мисинформации – «Литературная Газета» СССР (тут вопрос с отнесением к определенной категории осложняестя отсутствием точных данных о намерениях автора статьи).
3. Начало/продолжение мисинформации – Британский таблоид.
4. Продолжение мисинформации – различные крупные газеты по всему миру.

По ней мы можем подвергать разбору места различных спорных публикации для выявления истинных намерений через последующий анализ принадлежности первичных источников, в случае с дезинформацией. Но все равно, это применимо в случае, если

мы имеем подтверждающие данные или убеждены в том, что имеем дело с дезинформацией.

В случае с мисинформацией дело обстоит немного иначе, за счет неосознанного характера действий СМИ.

Варианты борьбы с дезинформацией и мисинформацией

Собственно, скрупулезная проверка как самой информации, так и анализ самих источников, является одним из вариантов борьбы с дезинформированием и мисинформированием. Институты имеют право на создание официальных государственных комиссий.

Например, Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям «Ист СтратКом Таск Форс» (East StratCom Task Force), которая была создана в марте 2015 г. Группа занимается разработкой коммуникационных материалов и кампаний, призванных разъяснить политику ЕС в регионе Восточного партнерства:

1. Упреждающие кампании по стратегическим коммуникациям, в основе которых лежит предметный анализ, разъясняющий ключевые сферы политики ЕС и создающий положительный нарратив ЕС.
2. Ситуативные коммуникации по актуальным и значимым вопросам политики ЕС.
3. Анализ дезинформационных трендов, объяснение дезинформационных нарративов и опровержение мифов[3].

В качестве примера можно привести работу пресс-службы Министерства иностранных дел РФ, ведущей колонку под названием «Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России»[14].

Дополнительная информация: в начале этого года в Чехии был создан Центр по борьбе с терроризмом и гибридными угрозами при МВД Чехии[15].

В данном случае государственные институты нередко тратят время на борьбу друг с другом, как бы соревнуясь в частоте опровержений и взаимных обвинений в дезинформации, а не на изменения общего информационного поля и отношения читателя к информации. Государства акцентируют внимание на самой проблеме, но предлагают трудозатратный инструментарий борьбы с ней. Это связанно с ограниченностью их возможностей. Выража-

ется это в соотношении условного количества работников вышеописанных комиссий и количества разнообразных СМИ, распространяющих «фейковую» информацию, и общего объема материалов, которые государственные институции способны проверять за определенный промежуток времени.

Но существует и иной подход к развитию института борьбы, который, по моему мнению, представляет большой интерес за счет своего неординарного подхода к созданию культуры противодействия ложной информации – «ДРОГ» (DROG), легальная фабрика выдуманных новостей в Европе, находящаяся в Гааге. Ключевая особенность состоит в том, что DROG не просто создает фейковые новости и публикует их в сети, но и учит других, как их создавать.

«Компания создана для того, чтобы научить людей распознавать ложные новости. Кликнув, пользователь переходит не на статью, как ожидал, а на сайт "ДРОГ". Там ему объясняют, что все, что он прочитал, – ложь, и предлагают больше узнать о приемах дезинформации, которые сегодня применяются в Сети»[16].

Далее процитирую Руурда Оостервуда, создателя «ДРОГ»: «Подталкивая людей читать наши выдумки и объясняя им, что с этими новостями не так, мы даем читателям, скажем так, "шестое чувство". Оно им пригодится, когда они встретят аналогичные новости в другом месте».

Руурд рассказывает, что впервые по-настоящему испугался засилья фейковых новостей в Нидерландах во время недавнего референдума об Ассоциации Украины с ЕС.

Тогда он собрал команду из шести человек, получил грант от госфонда поддержки журналистов и открыл свой метод против фейков – «обмануть и обучить». Руурд понимал, что разоблачать все фейки – слишком затратное дело, а читать теоретические лекции о них – слишком скучно.

«Результаты просто фантастические. Как только мы начали постить фейки в соцсетях, люди бросились их распространять. Это было просто невероятно, хотя в то же время и страшно: увидеть, что около 55% юзеров нам верили. Они приходили на сайт от прямого клика на нашу новость».

Однако не все пользователи считают поучительным такой обман. Узнав, что были обмануты, 75% читателей закрывают страницу «ДРОГ», но 10% остаются узнать, как работают фейки, а еще 10% желают сыграть в игру «Создай свой фейк и запусти его».

«В нашей игре "Пропаганда" игроки сперва выбирают персонажа: это может быть "сторонник теории заговора", "журналист", "создатель поста-наживки", – рассказывает разработчик игры Джон Роозенбейк. – От лица этих персонажей юзерам предлагается создать свой фейк и понять цели и мотивы этих людей».

Выводы

Из анализа терминологии следует, что дезинформация – это осознанная деятельность человека, попытка создать ложное впечатление и, соответственно, подтолкнуть объект к желаемым действиям или бездействию. «Фейковые новости» – современная трансформация понятия «дезинформация», если сравнивать определение термина из оксфордского словаря со значением из работы Элкота и Дженцкау, исчезла государственная роль при создании ложной информации. Мисинформация же представляет собой распространение ложной, ошибочной информации, но без осознания автором того, что эта информация не соответствует действительности.

Не стоит утверждать, что СССР являлся основоположником и единственным распространителем дезинформации и «фейковых новостей». В том же обвиняют и Россию. Как показывает история американской политики, это не совсем так. Еще можно обратиться к колонке МИД РФ и подсчитать количество публикаций, «тиражирующих недостоверную информацию о России» (а на момент 25.09.2017 их было 35). Исходя из этого, можно сделать вывод, что созданием различных мифов могут заниматься не только знаменитые «Russian hackers» (русские хакеры), но и «hackers» из других стран, в том числе и США.

Решение о правдивости информации остается только за конкретным читателем. Становится важным отношение читателя к отдельным явлениям, месту действия и личностям в статье, и, что не менее важно, восприимчивость и склонность либо к критическому отношению к информации, либо к ее принятию без верификации.

В последнем пункте заключается нюанс, который переводит мисинформацию в одну плоскость с дезинформацией для воспринимающих любое искажение информации радикально и с точки зрения абсолютной осознанности данных искажений авторами при публикации текстов. Тем не менее стоит разделять эти терми-

ны для создания наиболее полной картины происходящего, в котором может существовать место для случайности при составлении различных публикаций.

Исходя из вышесказанного, мы видим биполярный процесс – пока государства практикуют более агрессивную концепцию борьбы с дезинформацией, затрачивая на это большие ресурсы (временные, денежные и т. д.), из-за чего вся борьба начинает напоминать замкнутый круг, СМИ по типу «ДРОГ» используют иной метод, выстраивая новую парадигму взаимодействия аудитории и «фейков» – через первичное привлечение внимания, переходя в игровую форму, что вполне может привести к постепенному изменению культуры поведения общества и реагирования на «фейки», не важно какого они формата: дез или мис. Если мы рассматриваем вопрос формирования доверия к источникам информации (как обычного человека, так и автора, подвергающегося мисинформации и продолжающего этот процесс), то подход, который мы наблюдаем у «ДРОГ», выглядит гораздо более привлекательным в данном дискурсе. Увеличение количества подобных СМИ по всему миру, может привести к снижению напряженности не только на уровне локальных информационных полей, но и в глобальном масштабе. Конечно, появление или переход некоторых СМИ на систему, которую практикует «ДРОГ», не сразу приведет к полному решению проблемы, если такое вообще возможно, учитывая специфику индивидуальных особенностей каждого человека.

В этой статье сознательно подробно не раскрывались вопросы, связанные с не менее важным участником процесса перемещения информации – аудиторией, так как для подобной темы необходима отдельная статья. Данной ремаркой хотелось бы еще раз отметить, что любой процесс по распространению информации включает в себя неразрывную связь взаимного влияния участников друг на друга: того, кто предоставляет информацию, и того, кто ее получает.

Таким образом, следует вывод: влияние на формирование личности со стороны мира, в нашем случае со стороны СМИ, велико как никогда, несмотря на часто встречающиеся заявления о самостоятельном и осознанном остракизме аудитории, как реакционного процесса отказа от потребления огромных объемов информации и, даже звучащего банально, но от этого не перестающего быть одним из инструментов противостояния – внутреннего блокирования любой поступающей информации из СМИ вообще.

Но, несмотря на все ухищрения и методы борьбы с огромными потоками разномастной информации, общая мировая тенденция все равно влияет на нашу жизнь, хотим мы этого или нет.

Примечания

[1] Oxford living dictionaries. Definition of disinformation in English. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/disinformation (accessed at 25.09.2017).

[2] The Washington Post. Before "fake news," there was Soviet "disinformation". Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/11/26/before-fake-news-there-was-soviet-disinformation/?utm_term=.0dcf6dd67c47 (accessed at 13.06.2017).

[3] Los Angeles Times. Soviets Sponsor Spread of AIDS Disinformation. Available at: http://articles.latimes.com/1987-04-19/opinion/op-1947_1_aids-disinformation/2 (accessed at 13.06.2017).

[4] The Washington Post. Study: Many Blacks Cite AIDS Conspiracy. Available at: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A33695-2005Jan24.html (accessed at 13.06.2017).

[5] Google Trends. People searching for the term "fake news" has increased since the November 2016 US Presidential election. Available at: https://trends.google.co.uk/trends/explore?q=fake%20news (accessed at 25.09.2017).

[6] Russia Today. Trump slams BuzzFeed as "failing pile of garbage," rejects CNN question over "fake" report. Available at: https://www.rt.com/usa/373355-trump-buzzfeed-report-reaction/ (accessed at 25.09.2017).

[7] The Telegraph. What is fake news? Its origins and how it grew in 2016. Available at: http://www.telegraph.co.uk/technology/0/fake-news-origins-grew-2016/ (accessed at 25.09.2017).

[8] РИА «Новости». Советник правительства Аляски: мы ценим отношения с Россией. Режим доступа: https://ria.ru/world/20170329/1491073706.html (дата обращения: 25.06.2017).

[9] MK.Ru. СМИ переврали американского чиновника: Аляска не могла развиваться в России. Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2017/03/31/smi-perevrali-amerikanskogo-chinovnika-alyaska-ne-mogla-razvivatsya-v-rossii.html (дата обращения: 25.06.2017).

[10] Alaska Dispatch News. Alaska"s Arctic policy adviser falls victim to fake news – in Russia. Available at: https://www.adn.com/arctic/2017/04/11/alaskas-arctic-policy-adviser-falls-victim-to-fake-news-in-russia/ (accessed at 20.06.2017).

[11] На Аляске заявили, что штат был бы более развитым под управлением Москвы. Режим доступа:http://web.archive.org/web/20170329211810/https://ria.ru/world/20170329/1491073706.html (дата обращения: 25.06.2017).

[12] Wikimedia Research. Graphic showing differences between misinformation, disinformation, and hoax, 2015. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Misinformation#/media/File:Disinformation_vs_Misinformation.jpg (accessed at 20.06.2017).

13 European Union External Action. Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям East StratCom Task Force в вопросах и ответах. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/node/16043_ru (дата обращения: 22.06.2017).

[14] МИД РФ. Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/nedostovernie-publikacii (дата обращения: 21.06.2017).

[15] Настоящее Время. Как Чехия старается бороться с фейк-новостями. Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/28243386.html (дата обращения: 25.06.2017).

[16] Настоящее Время. Этот сайт начал публиковать фейки, и вот что произошло с его статистикой. Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/28442906.html (дата обращения: 25.06.2017).

Библиография

Коновалов В.Н. Политология: Словарь. М.: РГУ. 2010.

Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives* 31(2): 211–36.

Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. et al. (2012). Misinformation and its correction: Continued influence and successful debiasing. *Psychological Science in the Public Interest* 13(3): 106–131.

Manning M.J., Romerstein H. (2004). *Historical Dictionary of American Propaganda*. Greenwood.

Nyhan B., Reifler J. (2015) Displacing Misinformation about Events: An Experimental Test of Causal Corrections. *Journal of Experimental Political Science* 2(1): 81–93.

Rubin V.L., Chen Y., Conroy N.J. (2015). *Deception detection for news: Three types of fakes.* Proc. Assoc. Info. Sci. Tech.

Notes

Alaska"s Arctic Policy Adviser Falls Victim to Fake News – in Russia. *Alaska Dispatch News.* Available at: https://www.adn.com/arctic/2017/04/11/alaskas-arctic-policy-adviser-falls-victim-to-fake-news-in-russia/

Before "Fake News," There Was Soviet "Disinformation". *The Washington Post.* Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/11/26/before-fake-news-there-was-soviet-disinformation/?utm_term=.0dcf6dd67c47

Definition of Disinformation in *English Oxford Living Dictionaries*. Available at: https://en.oxforddictionaries.com/definition/disinformation

Etot sayt nachal publikovat" feyki, i vot chto proizoshlo s ego statistikoy [This Site Began Publishing Fake News and This Is What Happened to Its Statistics]. *Nastoyashchee Vremya*.. Available at: https://www.currenttime.tv/a/28442906.html

Graphic Showing Differences between Misinformation, Disinformation, and Hoax, 2015. *Wikimedia Research*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Misinformation#/media/File:Disinformation_vs_Misinformation.jpg

Kak Chekhiya staraetsya borot"sya s feyk-novostyami [How the Czech Republic Fights Fake News]. *Nastoyashchee Vremya*. Available at: https://www.currenttime.tv/a/28243386.html

Operativnaya rabochaya gruppa po strategicheskim kommunikatsiyam East StratCom Task Force v voprosakh i otvetakh [East StratCom Task Force Q&A]. *European Union External Action.* Available at: https://eeas.europa.eu/node/16043_ru

People searching for the term "fake news" has increased since the November 2016 US Presidential election. *Google Trends*. Available at: https://trends.google.co.uk/trends/explore?q=fake%20news

Primery publikatsiy, tirazhiruyushchikh nedostovernuyu informatsiyu o Rossii [Examples of Articles Disseminating False Information about Russia]. *Russian MFA*. Available at: http://www.mid.ru/ru/nedostovernie-publikacii

SMI perevrali amerikanskogo chinovnika: Alyaska ne mogla razvivat"sya v Rossii [Mass Media Distorted the American Official"s Words: Alaska Couldn"t Develop in Russia]. *MK.Ru*. Available at: http://www.mk.ru/politics/2017/03/31/smi-perevrali-amerikanskogo-chinovnika-alyaska-ne-mogla-razvivatsya-v-rossii.html

Sovetnik pravitel"stva Alyaski: my tsenim otnosheniya s Rossiey [Alaska's Government Adviser: We Appreciate Our Relationships with Russia]. *RIA «Novosti»*. Available at: https://ria.ru/world/20170329/1491073706.html

Soviets Sponsor Spread of AIDS Disinformation. *Los Angeles Times*. Available at: http://articles.latimes.com/1987-04-19/opinion/op-1947_1_aids-disinformation/2

Study: Many Blacks Cite AIDS Conspiracy. *The Washington Post*. Available at: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A33695-2005Jan24.html

Trump Slams BuzzFeed as "Failing Pile of Garbage," Rejects CNN Question over "Fake" Report. *Russia Today*. Available at: https://www.rt.com/usa/373355-trump-buzzfeed-report-reaction/

What Is Fake News? Its Origins and How It Grew in 2016. *The Telegraph*. Available at: http://www.telegraph.co.uk/technology/0/fake-news-origins-grew-2016/

References:

Allcott H., Gentzkow M. (2017). Social Media and Fake News in the 2016 Election. *Journal of Economic Perspectives* 31(2): 211–36.

Konovalov V.N. (2010). *Politologiya: Slovar"* [Political Science: Dictionary]. Moscow: Rostov State University Publ.

Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. et al. (2012). Misinformation and Its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing. *Psychological Science in the Public Interest* 13(3): 106–131.

Manning M.J., Romerstein H. (2004). *Historical Dictionary of American Propaganda*. Greenwood.

Nyhan B., Reifler J. (2015) Displacing Misinformation about Events: An Experimental Test of Causal Corrections. *Journal of Experimental Political Science* 2(1): 81–93.

Rubin V.L., Chen Y., Conroy N.J. (2015). *Deception Detection for News: Three Types of Fakes*. Proc. Assoc. Info. Sci. Tech.

Поступила в редакцию
20.07.2017

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кругликова Ольга Сергеевна, доцент кафедры истории журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: oskruglikova@yandex.ru

ИЗДАНИЯ РУССКОГО ПОРЕФОРМЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Рецензия на монографию: Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х гг.». СПб: Росток, 2016.

Olga S. Kruglikova, Associate Professor at the Chair of Journalism History, Faculty of Journalism, Saint Petersburg State University; e-mail: oskruglikova@yandex.ru

PUBLICATIONS OF RUSSIAN POST-REFORM CONSERVATISM AS VIEWED BY MODERN RESEACHERS

Book review: Badalyan D.A. (2016) "The Calling Bell": Ivan Aksakov in Russian Journalism of the Late 1870s – the First Half of the 1880s. Monograph. Saint Petersburg: Rostok Publ.

Общественно-политическая мысль России на протяжении практически всей ее истории балансирует между двумя основными доктринами – устремленностью к интеграции в единое культурное и политическое пространство со странами Западной Европы и стремлением к сохранению культурной самобытности и политической обособленности. На каждом историческом этапе наша страна снова и снова проверяет актуальные модификации славянофильства и западничества на жизнеспособность в новых политических реалиях, а потому осмысление истоков и сущности идей славянофилов имеет в России непреходящую актуальность.

Автор рецензируемой работы – один из крупных современных специалистов по истории славянофильства и славянофильской

печати. За последние 15 лет увидели свет более двух десятков его работ, рассматривающих различные аспекты политико-философской доктрины славянофилов, отраженные в их публицистическом наследии. Внимание исследователя привлекали такие значимые вопросы, как разработка славянофилами концепции Земского Собора, осмысление ими проблем веры и церкви, свободы печати, исторической судьбы русского народа и его связей со славянством. Неоднократно предметом научных изысканий Д.А. Бадаляна (2010; 2005: 470–478) оказывалось творчество Ивана Сергеевича Аксакова.

Один из самых деятельных публицистов и издателей за всю историю славянофильства, И.С. Аксаков стал героем обширного круга научной литературы по истории журналистики. Среди наиболее масштабных работ можно назвать труды С.С. Дмитриева, Н.И. Цимбаева, Т.Ф. Пирожковой, А.Г. Дементьева и других. Однако, несмотря на кажущийся исчерпывающим объем существующих научных работ, многие аспекты деятельности Аксакова остаются практически неисследованными. Одну из подобных лакун успешно восполняет рецензируемая монография.

В советское время Аксаков, к счастью, не разделил судьбы многих журналистов монархического толка, таких, как М.Н. Катков, В.П. Мещерский и другие, которых подвергли или безоговорочному порицанию, или полному забвению. Свободолюбивый тон юношеских публикаций Аксакова и выраженная славянофилами идея Земского Собора, которая часто ошибочно трактовалась как стремление к ограничению самодержавия[1], позволяли относить Ивана Сергеевича к умеренно-либеральным публицистам. Последний период издательской деятельности Аксакова, связанный с изданием им газеты «Русь», особенно остро контрастировал с этой концепцией, а потому преимущественно замалчивался. Исследователи сосредоточивали свое внимание на оппозиционном пафосе публикаций «Дня» и «Москвы», ограничиваясь преимущественно немногословными упоминаниями о том, что в последние годы жизни Аксаков издавал небольшую газету, история которой «не представляет особого интереса» (Цимбаев, 1978: 253). Однако автор рецензируемой монографии убедительно доказывает, что последнее издание Аксакова представляло собой один из интереснейших и масштабных феноменов общественной жизни России конца 1870-х – начала 1880-х гг.

Структура монографии включает три главы, первая из которых посвящена подробному описанию хода подготовки к выпуску новой газеты, деталям издательского процесса, эволюции внешнего облика и содержания издания, финансовой стороне последнего издательского проекта Аксакова. Помимо общей скрупулезности и основательности автора в описании этого крайне мало исследованного издания, хочется положительно отметить, что от взора исследователя не ускользнули те обстоятельства и детали газетной жизни дореволюционной России, которые, как правило, остаются в тени. Увлекаясь обаянием творческой мысли Аксакова, исследователи его журналистской деятельности чаще всего анализируют содержательную сторону его произведений, игнорируя тонкости издательского процесса второй половины XIX в.: технические характеристики форматов, особенности предпечатной подготовки и организации деятельности редакции, периодичность выхода и особенности ведения подписки и т.д. А ведь эти обстоятельства оказываются часто решающими в судьбе периодического издания и тесно взаимосвязаны со спецификой его содержания. Восстановить эту «изнаночную» сторону публицистического творчества крайне трудно за неизбежной скудостью сведений о технической и финансовой стороне процесса, которые, в соответствии с традициями XIX в., редко тщательно документировались и мало сохранились. Однако Д.А. Бадалян, по крупицам восстанавливая данные о ходе подписки, стоимости печати, характеристиках многократно менявшегося формата «Руси», дает читателям картину издательского процесса, уникальную по своей разносторонности и полноте.

Вторая глава монографии посвящена всестороннему анализу взаимоотношений «Руси» Аксакова с цензурой. Д.А. Бадалян уже неоднократно (2000: 176–200; 2006: 94–115 и др.) в своей научной работе обращался к рассмотрению проблем развития цензуры в пореформенной России, поэтому накопленный материал и глубокое знакомство как с правовой казуистикой цензурного процесса, так и с его организационной повседневностью позволили ему подробно раскрыть непростые перипетии цензурной судьбы последнего издания «страстотерпца цензуры» Аксакова (Венгеров, 1889: 319–320).

Третья глава посвящена анализу газетной полемики, в которой участвовала «Русь». Во введении, подробно анализируя широкий круг научных трудов своих предшественников, Д.А. Бадалян ста-

вит традиционный для исследователей творчества Аксакова вопрос о его идейной идентификации, о возможности отнести его к либеральному или консервативному течению русской общественной мысли. Несмотря на то что уже во введении автор выражает мнение о том, что этот вопрос по-прежнему остается открытым, и со своей стороны не претендует на исчерпывающий анализ вопроса о либерализме или консерватизме аксаковских убеждений, все-таки его рассмотрению посвящается один из параграфов третьей главы.

В параграфе под названием «Изменилась ли общественно-политическая позиция Аксакова в 1870–1880-е гг.?» Д.А. Бадалян вступает в полемику с Н.И. Цимбаевым, выдвинувшим тезис о том, что в 1870-х гг. Аксаков пережил определенную эволюцию политических убеждений, проделав обыкновенный для значительного пласта русской интеллигенции (М.Н. Катков, А.С. Суворин, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев и др.) путь «слева направо», т.е. от юношеского либерализма к консерватизму в зрелые годы. Однако позиция самого автора монографии в этом отношении представляется несколько размытой и двойственной. Д.А. Бадалян, с одной стороны, склонен считать Аксакова мыслителем цельным и последовательным, в значительной степени сохранявшим гармоническую стройность убеждений на протяжении всей жизни, и выражает сомнение в том, что перелом во взглядах Аксакова, который Н.И. Цимбаев относит к 1870-м гг., имел место в действительности, указывая, что Аксаков «и до этого времени не был в либеральной оппозиции» (Бадалян, 2016: 215). С другой стороны, в рассуждениях автора монографии подспудно ощущается некоторое стремление «отстоять» Аксакова от «обвинений» в консерватизме (хотя, заметим, в принадлежности к этому течению, неоднократно игравшему спасительную роль в самые критические моменты русской истории, как будто бы нет ничего для Ивана Сергеевича оскорбительного). Д.А. Бадалян, рассматривая по отдельности различные аспекты взглядов Аксакова, отмечает, что ни приверженность самодержавию, ни принципиальное неприятие представительных органов власти, ни воодушевленность панславистской идеей всеславянской империи и убежденность в уникальной судьбе русского народа как носителя православной духовности сами по себе еще не являются достаточными поводами для признания Аксакова носителем консервативных убеждений. Разумеется, каждая из этих черт в отдельности не дает оснований для однознач-

ного соотнесения мыслителя с определенным идейным лагерем, но ведь общественно-политической позиции Аксакова свойственны *все перечисленные черты в совокупности*, а это уже, на наш взгляд, оставляет мало сомнений в принадлежности Аксакова к консервативному крылу русской общественной мысли. Однако следует отметить, что подобная неопределенность обусловлена, главным образом, тем, что в современном научном дискурсе не выработано четких дефиниций относительно понятий «либерализм» и «консерватизм» как применительно к современной политической практике, так и в отношении XIX в.

Эпоха великих реформ, открывшая гласное обсуждение вопросов общественно-политической жизни, определила широкое и совершенно произвольное использование в прессе второй половины XIX в. понятий «либерал», «демократ», «консерватор» и т.д. Современник и в некоторых вопросах соратник Аксакова, редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков считал, что в России, где не было парламента и, следовательно, партийной борьбы, интенсивное навешивание журналистами себе самим и друг другу ярлыков «консерватор/либерал» носило характер пустой забавы. «Вы то и дело слышите о либералах и консерваторах, – писал он, – и люди, употребляющие эти слова, большею частью не сопровождают их никакой мыслию, и сами не знают, что говорят» (Катков, 2011: 384). Действительно, во второй половине XIX в. в русской журналистике обозначения «партийной» принадлежности, собственной или своего оппонента, употреблялись по произволу пишущего, считавшего себя вправе наполнить понятия «демократ» или «консерватор» собственным смыслом. Так, например, газета «Весть», сама себя называвшая органом консерватизма, обрушивалась с критикой на консервативные «Московские ведомости» за их «демократический» курс, революционно-демократическое «Русское слово» нападало на «ретроградный» «Современник», справедливо полагавший себя вождем прогрессистов-реформаторов, а почвеннический журнал «Эпоха» именовал обоих последних органами партии нигилистов. Скоротечная история русского парламентаризма начала XX в. не добавила ясности в эти дефиниции, как и советский период, снабдивший понятия «консерватизм» и «охранительство» жесткими отрицательными коннотациями и тем существенно исказивший их значение.

Отечественная историография рубежа XX–XXI вв., столкнувшись с этой терминологической путаницей, пошла не по пути прояснения содержания существующих и употреблявшихся прежде понятий, а избрала путь продуцирования новых, формируемых по принципу соединения несоединимого, чем вызвала к жизни термины «либеральный консерватизм» и «консервативное реформаторство». Широкое употребление терминов-оксюморонов привело к тому, что теперь уже вопрос о границах либерализма и консерватизма во взглядах не только Аксакова, но и многих других представителей русской общественной мысли начинает казаться действительно неразрешимым. В этом контексте нежелание автора монографии выдвигать конечное суждение о принадлежности Аксакова к либералам или консерваторам вполне объяснимо, как и невозможность вовсе обойти молчанием этот вопрос в масштабной научной работе о его творчестве.

Несомненным достоинством рецензируемого исследования является внушительная источниковая база, включающая в себя законодательные акты, широкий круг периодики (25 наименований газет и 7 журналов) и множество нарративных источников, среди которых значительное место занимает обширный эпистолярий Аксакова: как те его фрагменты, которые уже публиковались прежде, так и рукописи, хранящиеся в ОР РНБ, РО ИРЛИ РАН, РГАЛИ и других архивохранилищах. Такое внимание к документам личного характера позволяет автору монографии сформировать наглядную, осязаемую картину определенного этапа жизни Аксакова, наполнить рассказ о своем герое и круге близких ему современников не только фактами, но и эмоциями, картинами, ощущением эпохи. Эта черта вкупе с гармоничным стилем изложения, свойственным автору, делает эту научную монографию не только познавательным, но и увлекательным чтением.

Однако этой же полнотой использования нарратива как опоры повествования обусловлена и еще одна особенность рецензируемого произведения. Работа с источниками личного происхождения неизбежно дает исследователю ощущение соприкосновения с внутренним миром изучаемого лица, погружает в чужую жизнь, практически неизбежно заставляет подпасть под личное обаяние своего героя (тем более если речь идет о духовном потенциале личности такого масштаба, как Аксаков). На наш взгляд, автор рецензируемого труда во многом смотрит на

историческую ситуацию описываемого периода глазами своего героя, порою избегая попыток объективной оценки его общественной деятельности.

Идейно-философские основания публицистики Аксакова действительно отличаются удивительной внутренней гармонией, но, возможно, именно поэтому попытки применения их к вопросам реальной политики производили впечатление довольно беспомощное. Как замечал один из соратников и ближайших друзей Аксакова Ю.Ф. Самарин: «Первое и самое существенное условие всякой практической деятельности заключается в умении держаться твердо своих убеждений, как бы радикальны они ни были, но в то же время понимать, что осуществление их возможно только путем целого ряда сделок с существующим порядком вещей» (Самарин, 1996: 11). Именно бескомпромиссность Аксакова, неготовность идти на «сделки с существующим порядком вещей», придавала тот особый колорит его общественной деятельности, который прекрасно выразил другой его талантливый современник Константин Леонтьев. Отмечая, что в идеях Аксаков был последователен и неизменен, Леонтьев писал: «Его статьи возвышали помыслы; но все, что он предлагал делать сейчас – было некстати» (Цит. по: Фетисенко, 2012: 304) Особенно выделяются в этом смысле выступления Аксакова по вопросам внешней политики, которые зачастую были не только малопродуктивны в практическом плане, но порою и рискованны, как, например, стоившая ему ссылки речь в Славянском комитете по поводу Берлинского конгресса. Вероятно, автор монографии сознательно не освещает этот аспект общественной позиции своего героя, так как политическая составляющая публицистики Аксакова не является непосредственным предметом исследования, однако уход от критической оценки общественной позиции издателя «Руси» приводит к тому, что исследование, на наш взгляд, обретает в значительной степени апологетический характер.

В заключение хочется отметить, что обилие нового материала, вводимого автором в научный оборот, глубина его осмысления и анализа, последовательность и увлекательность изложения позволяют говорить о том, что выход в свет монографии Д.А. Бадаляна «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х гг.» является значительным событием в сфере изучения истории русской журналистики. Несомненно, книга будет по достоинству оценена специалистами,

занимающимися историей отечественной периодики, а также может быть рекомендована студентам направления «Журналистика» для глубокого изучения профильных дисциплин.

Примечания

[1] Славянофильская концепция не содержала никаких притязаний на ограничение самовластия монарха, Земский Собор мыслился, скорее, средством нравственной легитимации решений самодержца, которые могут опираться на высказанное Собором мнение народа.

Библиография

Бадалян Д.А. И.С. Аксаков – редактор и публицист // История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / под ред. *Л.П. Громовой*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 511–522; (2-е изд.). СПб, 2005. С. 470–478.

Бадалян Д.А. И.С. Аксаков и газета «Русь» в общественной жизни России, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Санкт-Петербургск. ин-т истории Российской академии наук. СПб, 2010.

Бадалян Д.А. Русская идея и российская цензура (к истории двух статей А.С. Хомякова) // «У мысли стоя на часах». Цензоры России и цензура / под. ред. *Г.В. Жиркова*. СПб, 2000. С. 176–200.

Бадалян Д.А. Газета И.С. Аксакова «Русь» и цензура // Русская литература. 2016. № 1. С. 94–115.

Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х гг. СПб: Росток, 2016.

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб, 1889.

Катков М.Н. Собр. соч.: в 6 т. СПб: Росток, 2011. Т. 3.

Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996.

Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб: Пушкинский дом, 2012.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

References

Badalyan D. . (2005). I. S. Aksakov – redaktor i publitsist. [I.S. Aksakov as an Editor and Journalist] In L.P. Gromova (ed.) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov. Uchebnik*. [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Century. Textbook]. Saint Petersburg: SPbGU Publ. Pp. 470–478.

Badalyan D.A. (2010) *I.S. Aksakov i gazeta "Rus'" v obshchestvennoy zhizni Rossii*, dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk.

[I.S. Aksakov and the Rus Newspaper in Russian Public Life, PhD hist. sci. diss.]. Saint Petersburg.

Badalyan D.A. (2000) Russkaya ideya i rossiyskaya tsenzura (k istorii dvukh statey A. S. Khomyakova). [Russian Idea and Russian Censorship (towards the history of two articles by A.S. Khomyakov)] In G.V. Zhirkov (ed.) *«U mysli stoya na chasakh». Tsenzory Rossii i tsenzura*. Pp. 176–200.

Badalyan D.A. (2016) Gazeta I.S. Aksakova «Rus'» i tsenzura. [I.S. Aksakov's Rus Newspaper and Censorship]. *Russkaya literatura* 1: 94–115.

Badalyan D.A. (2016) *«Kolokol prizyvnyy»: Ivan Aksakov v russkoy zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoy poloviny 1880-kh gg.* ["The Calling Bell": Ivan Aksakov in Russian Journalism of the Late 1870s – the First Half of the 1880s]. Saint Petersburg: Rostok Publ.

Vengerov S.A. (1889) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh. T. 1.* [Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists. Vol.1]. Saint Petersburg.

Katkov M.N. (2011) *Sobr. soch.: v 6 t. T. 3.* [Complete Works: in 6 vol. Vol. 3] Saint Petersburg: Rostok Publ.

Samarin Yu. F. (1996) *Izbrannye proizvedeniya*. [Selected Works]. Moscow.

Fetisenko O.L. (2012) *«Geptastilisty»: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki (Idei russkogo konservatizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX - pervoy chetverti XX veka)*. ["Heptastylists": Konstantin Leontiev: His Interlocutors and Followers (The Ideas of Russian Conservatism in Literary and Artistic and Journalistic Practices in the Latter Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Century)]. Saint Petersburg: Pushkinskiy dom.

Tsimbaev N.I. (1978) *I.S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii*. [I.S. Aksakov in the Public Life of Post-Reform Russia]. Moscow.

Поступила в редакцию
25.09.2017

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.